

WARHAMMER

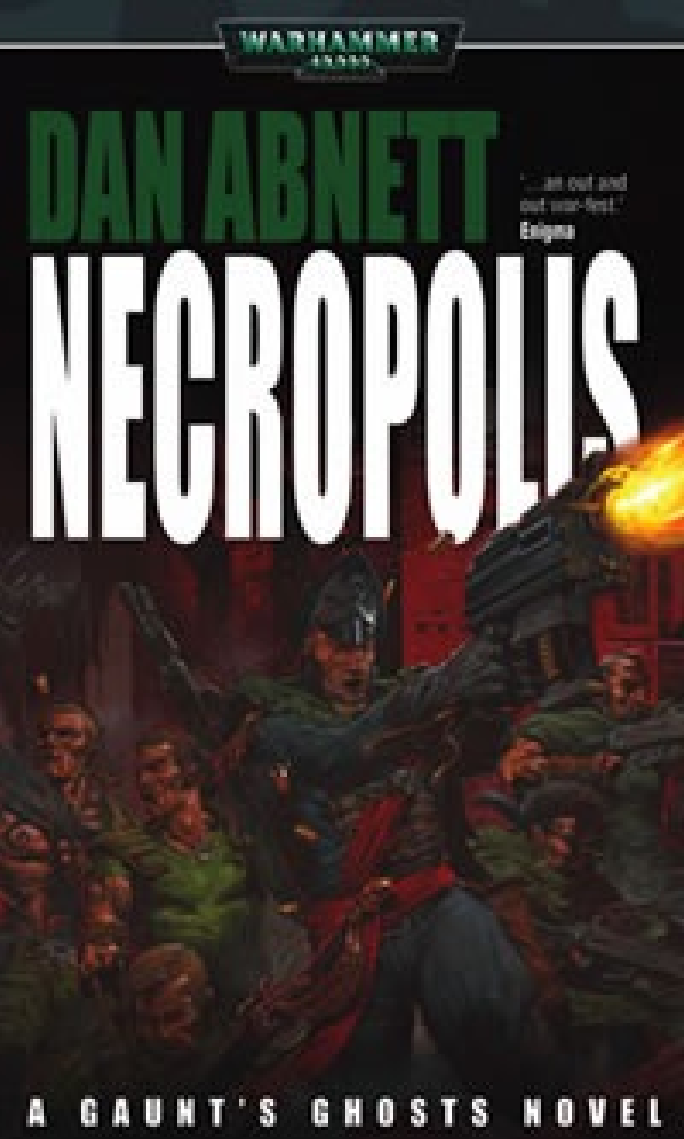
40,000

DAN ABNETT

"...an out and
out war-fest!"

Enigma

NECROPOLIS

A GAUNT'S GHOSTS NOVEL

Annotation

Комиссар-полковник Гаунт и его Первый и Единственный Танитский полк, более известный как Призраки Танит, оказываются втянуты в гражданскую войну в мире Бергхаст. Богатый город-государствей осажден соседями, движимыми не только алчностью, но и скверной Хаоса. Однако защиту города можно уничтожить только изнутри. И когда предательство совершается, Призраки оказываются на грани гибели. Имперский комиссар Убрант Гаунт должен найти новых союзников, чтобы уберечь город от уничтожения силами Хаоса. И встретить новых Призраков в мертвом городе.

- [Дэн Абнетт](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)

- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
-

Дэн Абнетт НЕКРОПОЛЬ

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижит на Золотом Троне Терры. Он -- Повелитель Человечества и властелин триадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он -- полутруп, неловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. Упоэтому Владыка Империи никогда не утирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат -- Агентус Астартес, костические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию:

Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Агентус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да слез жаждущих богов.

Одержав победы на Монтakse и Латиции, магистр войны Макаром спешно двинул свои силы вдоль гального фронта группировки миров Саббаты и вторгся в их

границы, чтобы нанести удар по печально известным вражеским мирот-крепостям в системе Кабала. Успешный захват системы Кабала был ключевой задачей для Имперского крестового похода за освобождение всей группы миров Саббаты. Чтобы справиться с такой грандиозной задачей, военный флот отправил в атаку линейные корабли из флота Сегментум Паксификус, сам же готовился к наземному наступлению, собирая и перестраивая бесчисленные войска из резервов Имперской Гвардии.

«Тысячи громадных
транспортных миллионов
перевозили имперских
гвардейцев, и все же боевым
частям понадобилось почти
восемь месяцев на то, чтобы
собраться на Солнцисе. По пути
пришлось часто задерживаться,
отбивая случайные нападения.
Празарские полки на шесть
недель были задержаны
остатками легиона Хаоса на

Нотинаксе, а транспорты
"Сатофракия" и "Сарной" целых
три месяца пережигали на
Антиохе-148 бұшыющий варп-
шторм. И все же для любого,
изучающего военную историю
Империи, особый интерес
представляют события,
развернувшиеся в
индустриальном мире-үлье
Бергхаст...»

Из истории Поздних
Имперских крестовых
походов.

Глава первая

ВОССТАНИЕ ЗОЙКИ

Разницу между торговлей и войной находят лишь те, кто не слышит ни в том ни в другом.

Из инаугурационной
речи Церонито
Сондара, Дом Сондар

Сирены взвыли, хотя до стены оставался целый час, если не больше.

Жители города-улья затерли как огуин. Люди отрывались от работы, миллионы глаз сверялись с часами, широко распахивались в изумлении. Столклись разговоры, хотя кто-то пытался шутить, чтобы скрыть напряжение. Дети заплакали. Часовые с Куртины засыпали командные станции Главного хребта вокс-запросами с требованиями подтверждения и уточнения. Смотрители и управляющие

на фабриках и заводах пытались вернуть подчиненных к работе, это у них не очень получалось. Проверка, не иначе? Или ошибка. Еще мгновение — и сирены снова умолкнут.

Но сирены не затихали.

Где-то через минуту разразились воем и сигналы оповещения в центральном районе. Вскоре к вою присоединились гудки фабрик по всему нижнему улью, в доках и туннелях за рекой. Зазвучали даже огромные церемониальные горны на вершине Базилики Экклезиархии.

Улей Вербун кричал на все голоса.

Повсюду вращались тигалки, внешние жалюзи автоматически закрывались, блокируя окна. Информационные экраны потухли, стерео мерцающие линии прогнозов погоды, температуры, курса валют, сводок новостей и текущих показателей производства. Через несколько секунд по всем экранам побежала одна строка: «Пожалуйста, сохраняйте спокойствие».

В залитых огнями залах Первой Вербунской литейной, в основном районе

обработки руды, к западу от Террикона, — конвейеры, груженные необработанными катнями, прогрохотали к отвалу, и сработала аварийная остановка. Над хранилищем главной плавильни начальник производства Эган Сорик встал из-за заваленного бумагами стола и прошел к витражному окну кабинета. Он смотрел на огромный затерший цех, не веря собственным глазам, затем натянул рабочую куртку и вышел на мостки, взглядываясь в тысячи толпящихся внизу рабочих. Ворр, его помощник, заторопился следом, и звон его тяжелых металлических башмаков о решетки мостков волился в общую какофонию гудков и сирен.

— В чем дело, шеф? — выдохнул он, подходя к Сорику и вытаскивая трубки респиратора изо рта.

Сорик покачал головой.

— В пятнадцати тысячах кубов потерянной продукции, вот в чем гребаное дело! И это только начало!

— Что вы думаете? Неисправность?

— По всему улю сразу? Включи

тоззи! Неисправность?

--- Ну а что тогда?

Сорик помолчал, задумавшись.

Приходящие на ул объяснения ему не нравились.

--- Молю Императора, только бы не...

--- Что, шеф?

--- Зойка... Зойка снова идет войной.

--- Что?

Сорик презрительно оглянулся на своего помощника и потер лоснящийся лысый лоб расшитой золотом манжетой.

--- Ты новости вообще читаешь?

--- Только прогноз погоды и результаты матчей, --- пожал плечами Борр.

--- Ты идиот, --- заключил Сорик. «Услышав, что ты слишком молодой, не помнишь», --- подумал он. Проклятье, да он сам был юнцом, но отец его отца рассказывал ему о Торговой войне. Значит, то, что было девяносто лет назад, --- не случайность? Неужели понять? Но новостные пикеты нестрелили в этом последние несколько месяцев: Зойка молчит, Зойка сворачивает торговлю, Зойка возводит бастионы и размещает

войска вдоль северных стен.

Такой тревоги не поднимали со времен Торговой войны. Это факт.

--- Будем надеяться, что ты прав, Ворр, --- сказал он. --- Давай надеяться, что это хренова неисправность.

В Коммерции, главном торговом районе, к северу от Главного хребта, в тени Колонны Щита глава гильдии Ворлина Элчандасте пытался успокоить покупателей, но сирены заглушали его. Свита уходила, увозя караваны слуг и носильщиков, делая гневные звонки по вокс-связи и --- ничего не оставляя: ни подписанных контрактов, ни многообещающих записок, ни тем более денег.

Ворлин схватился за голову и выругался. Его прохладный расшитый шелковый наряд внезапно показался жарким и тяжелым.

На его крик явились телохранители Менкс и Трор, крупные короткошерстные тужчины в расписанных белых комбинезонах, с гребнем гильдии Ворлина.

вытатүированным на щеках.
Лазнистолеы были наготове, пүстые
бархатные потайные кобүры торчали из
широких рүкавов.

--- Сверитсья с базами данных и
каналами связи Агминистратүма! ---
выплюнүл Ворлин. --- Возвращайтесь с
объяснениями или не возвращайтесь
совсем!

Они кивнүли и вышли, проталкиваясь
сквозь толпү сүетящихся торговцев.

Ворлин прошел обратно в свою
личнүю приетнүю за торговым залом,
проклиная неүтолкаяющие сирены.

Последнее, что ему сейчас было
нүжно, --- это перерыв в торговле. Он
затратил месяцы и львинүю долю
сбережений гильдии Ворлина, үкрепляя
торговые связи с благородным домом Уетч
и четырьмя ординарными домами. Вся
работа пропадет внүстүю, если торговля ---
и оборот средств --- замедлится. Весь
план может сорваться. Такие потери
подкосят гильдию --- его могут даже
лишить значка и торговых прав.

Ворлина трясло. Он взял графин с

латунного стола и уже собирался плеснуть себе крепкого джойлика десятилетней выдержки, чтобы успокоить нервы. Но остановился. Вернулся к рабочему столу, открыл ящик генключом, который носил на тонкой цепочке на запястье, и достал небольшой излом.

Убедившись, что оружие заряжено и готово к использованию, он вернулся к выпивке. Он откинулся в кресле, потягивая выпивку, и разглядывал свой значок — символ ранга — с гребнем Ворлина и ярким орнаментом. Он ждал, сжатая оружием.

Сирены не умолкали.

На станции С4/а царил паника. Кадровые рабочие и поденщики, из тех, кто подрядился на временную работу в торговом районе, штурмовали транспорт, катившийся по зубчатой канатной дороге. Вагоны выдвигались как в сторону Наружных трущоб, так и к Главному хребту, забитые людьми настолько, что не всегда стыкались двери.

Толпа на платформе, вздрагивающая

от каждого взбизга сигналов тревоги, становилась все более беспокойной с очередным переполненным вагоном, который грохотал мимо, не останавливаясь. Киоск торговца новостными пластинками опрокинули.

Ливи Коли, жена рабочего, тоже запаниковала. Волна тел оттеснила ее от колонн атриума станции. Она не ослабляла железной хватки на коляске, так что за Ёнси не надо было волноваться, но она потеряла из виду Далина.

— Мой сын! Вы не видели моего сына? — утешаясь спрашивала она обезумевшую толпу, окружавшую ее. — Ему всего десять! Милый мальчик! Светленький, в пану!

Она схватила за рукав проходившего мимо служащего гильдии. Богатый, щедро украшенный шелковый рукав.

— Мой сын... — начала она.

Телохранитель члена гильдии оттолкнул ее ржаво-оранжевой плетью. Он предостерегающе сдвинул чехол с оружия, уводя хозяина прочь.

--- Рүки прочь, скотина, --- вырвалось из его усиленной воксом глотки, резко и без эмоций.

--- Мой сын, --- повторила Ливи, пытаясь вытолкнуть коляску из человеческого потока.

Йонси безмятежно стелялась, укутанная в шерстяное одеяльце. Ливи перегнулась через навес коляски, чтобы приласкать дочь.

Но мысли ее путались. На нее налетали люди, толкая коляску, она с трудом удерживалась на месте. Что же творится? Почему все это произошло в этот единственный день месяца, когда она отправилась в Коммерцию за покупками? Гол хотел новые холщевые рукавицы. От погрузки руды на руках волдыри.

Так просто. И вот --- началось! А она так и не купила рукавицы...

Ливи почувствовала, как слезы покатились по щекам.

--- Далин! --- позвала она.

--- Я здесь, мам, --- раздался слабый голосок, едва различимый сквозь вой сирены.

Ливи обняла десятилетнего сына с таким пылом, словно больше не собиралась отпустить никогда.

--- Я нашла его у западного выхода, --- добавил чей-то голос.

Ливи подняла взгляд, не размыкая объятий. Девушке на вид было лет шестнадцать. Шлюшка из Наружных трущоб, с клейматами и пирсингом трущобной банды.

--- Но он в порядке.

Ливи быстро остотрела мальчика, проверяя, не ранен ли.

--- Да... Да, он в порядке. Ты ведь в порядке, Далин, да? Мама здесь...

Ливи взглянула на трущобную девку.

--- Спасибо тебе. Спасибо за...

--- Да все нормально.

Девушка провела рукой, униженной кольцами, по выбеленным волосам.

Девушка напрягала Ливи. Эти клеймата, серьги в носу. Метки банды.

--- Да, да... я у тебя в долгу. Но сейчас нам надо идти. Держись за руку, Далин.

Девушка шагнула наперерез коляске, когда Ливи попыталась повернуть.

--- И куда вы? --- спросила она.

--- Не думай меня останавливать, трущобная! У меня нож в сумочке!

Девушка отступила, улыбаясь.

--- Не сомневаюсь, я просто спросила. Вагоны переполнены, а лестница --- не место для женщины с ребенком и коляской.

--- О.

--- Может, я могла бы помочь решить проблему с коляской?

«И забрать мою кроху... забрать Цонси к тем тварям, как поступают отбросы вроде тебя в наружных трущобах там, за рекой!»

--- Нет! Спасибо, но... Нет! --- рывкнула Ливи и оттолкнула бандитку коляской. Она потащила сына за собой, все больше поддаваясь панике.

--- Просто хотела помочь, --- пожалала плечами Тона Крийд.

Течение реки было слабым, и густая пена с каменной крошкой медленно плыла по водам Хасса. Портовый рабочий Фолик отвел свой обшарпанный, покачивающийся паром «Магнификат» от северного берега

и двинулся к главным пристаням, что
должно было занять восемь минут.
Дизельный мотор скрежетал и кашлял.
Фолик сбавил обороты и лавировал между
баками с отходами, продвигаясь по
искусственному каналу. Серые речные
птицы с крючковатыми розовыми
клювами вспархивали с ящиков гонимой
тучей. По левому борту «Магнификата»
каменные сваи двухсотметрового Хасского
виадука бросали на воду глинные холодные
тени.

Проклятые сирены! Что там
случилось?

Мясорубка сидел на носу,
высматривая новые препятствия в реке.
Он тахнул Фолику, и тот медленно
двинул паром правым бортом, качая
волной обломки и буйки.

Фолик разглядел толпы на пристани.
Огромные толпы. Он ухмыльнулся.

--- Ох и нагреем мы руки на этом,
Фол! --- прокричал Мясорубка, отматывая
простоленный фал от кат-балки.

--- Да похоже, --- пробормотал Фолик. ---
--- Главное --- успеть потом потратить...

Мерити Часс примеряла глинные
платья у портного, когда раздалась первые
сигналы тревоги. Она затерла,
установившись на собственное бледное
перепуганное лицо в зеркале. Сигналы
звучали издали, почти что жалобно здесь,
в Среднем хребте, хотя и местные сирены
вскоре подключились. Из прихожей
портного вбежали ее служанки и помогли
ей надеть ее собственное платье.

--- Говорят, Зойка собирается
воевать! --- сказала служанка Франсер.

--- Прямо как раньше, во времена
Торговой войны! --- добавила служанка
Уолт, затягивая корсаж.

--- Меня учили лучшие преподаватели
улья. Я знаю о Торговой войне. Она стоила
улью больше крови и генов, чем какое-либо
другое событие в его истории! Что здесь
стешного?

Служанки, сделав книксен, отошли от
Мерити.

--- Солдаты! --- хихикнула служанка
Уолт.

--- Красивые, изголодавшиеся --- будут

Здесь! — пискнула служанка Франсер.

— Заткнитесь вы, обе! — приказала Мерити. Она затащила туслиновое фишю на плечах и заколола булавкой. Затем взяла свою кредитную палочку с палисандрового столика. Хотя палочка была инструментом, дающим ей доступ к личному счету в сокровищнице дома Часс, она была выполнена в виде покрытого узорати изящного кружевного веера, которым Мерити и взмахнула у себя перед лицом, распахнув.

Встроенный ионизатор тихонько зажужжал. Служанки потупились, давясь радостным хихиканьем.

— Где портной?

— Прячется под столом в соседней комнате, — сообщила Франсер.

— Я сказала, что вам нужно вызвать транспорт, но он отказывается вылезать, — добавила Уолт.

— В таком случае это учреждение больше не насладится благосклонностью благородного дома Часс. Мы сами найдем транспорт, — заключила Мерити. Высоко подняв голову, она вывела хихикающих

служанок из увешанного коврами холла, и занавески сами отогнулись, выпуская их в благоухающую изысканность Променада.

Гол Коли опустил кирку и снял наподобный фонарь. Руки кровоточили и горели. Воздух почернел от каменной крошки, как от дыма. Гол набрал полный рот изотоника из питьевой трубки и перестегнул ее на воротник.

— Что за шум? — спросил он Трага Вереса.

Траг пожал плечами.

— Похоже на сигнал тревоги где-то наверху.

Забой глубинной шахты № 17 находился глубоко под акведукатами и подъемными колесами огромного шахтерского района. Гол и Траг находились на глубине шестнадцати сотен метров под поверхностью.

Нито них, так же глядя вверх и тихо переговариваясь, прошла еще одна рабочая бригада.

— Какие-то учения?

— Должно быть, — отозвался Траг.

Они с Голом отшатнулись, когда цепь погруженных рыхлой стесью тележек прогретела мимо них по грязной колее. Где-то неподалеку загребезжала бурильная машина.

--- Ладно... --- Гол занес кирку и затер. --- Я волнуюсь за Ливи.

--- Она будет в порядке. Поверь мне. А нам еще до норты далеко.

Гол взмахнул киркой и взрылся в камень. Как же ему хотелось, чтобы скрип и скрежет его орудия заглушили отдаленные сирены.

Капитан Бан Даур остановился, чтобы застегнуть свой двубортный форменный мундир и поправить кожаную портупею. Он заставил себя сохранять спокойствие. Как должностное лицо он должен был знать о любых тренировках, да и об учебных тревогах его обычно предупреждали. Но сейчас все вразвяду. Он чувствовал.

Он взял перчатки и шинастый шлем и вышел из казармы. Коридоры крепостной стены Западного Хасса были переполнены

военными. Все в синей униформе и
шпастых шлемах Вербунского Главного,
регулярной армии города. В общей
сложности пятьсот тысяч --- войска, плюс
еще семьдесят тысяч союзных войск и
бронетанковых дивизионов, могучая сила,
заполонившая Куртину и форты улья
Вербун. Полк имел достойное наследие и
хорошо зарекомендовал себя в течение
Торговой войны, со времен которой он был
утвержден как регулярное формирование.
Когда Имперская Гвардия объявляла
мобилизацию, улей Вербун отбирал для
них бойцов из числа своего
сорокатиллиардного населения. Из
Вербунского Главного никто никогда не
переводился. Это была пожизненная
служба, карьера. Однако, хоть их предки и
сражались когда-то, ни один из солдат
нынешнего состава Вербунского Главного
пороха еще не нюхал.

Даур отдал несколько приказов,
чтобы пресечь суету, воцарившуюся в
коридорах. Он был молод, всего двадцати
трех лет, высок и хорош собой, происходил
из хорошей семьи Среднего хребта, и

солдатом он нравился. Видя, что их командир спокоен, они как будто и сами незаметно расслабились. Хотя спокоен он был только внешне.

--- Поднять дежурные посты! ---
распорядился Даур. --- Ты! Где твое оружие?
Солдат пожал плечами.

--- Я побежал, когда услышал... Забыл
его, сэр...

--- Дуй назад и найди его, бестолочь!
Три дневных наряда вне очереди... когда все
это закончится.

Солдат утчался.

--- Так! --- выкрикнул Даур. --- Давайте
на сделаем вид, что нас все-таки чему-то
учили. Каждый из вас знает, где и что
должен сейчас делать, --- так вперед! Во
имя Императора и во славу родного улья!

Даур направился вверх, вытаскивая
автоматический пистолет и проверяя обойму.

Капрал Бенгас встретил его на
лестнице. У Бенгаса в руках был
инфопланшет, а над губой --- нелепые
усики.

--- Я говорил тебе сбросить это, ---
бросил Даур, беря планшет и

простатривая его.

--- Мне кажется, они... смотрятся
лихо, --- ответил Бендас с чувством,
поглаживая усы.

Даур не обратил на него внимания,
читая сводку. Они поднялись на верхушку
башни мимо быстро сбегавших вниз
солдат. На площадке они миновали
канрала, раздававшего автоманы с
настенного держателя шеренге
ожидających военных.

--- Утак? --- начал Бендас, когда они
двинулись вверх по последнему пролету к
вершине форта.

--- Слышал слухи? Якобы Зойка опять
затеял Торговую войну?

--- Слухи подтверждаются?

Даур с кислой миной вернул пластину.

--- Нет. Здесь вообще ничего не
говорится. Это просто диспозиция от
Штаба готов в Хребте. Всем
подразделениям занять позиции, протокол
«Гамма-сигма». Орудия на Стене и в
фортах привести в боевую готовность.

--- Там так сказано?

--- Нет, я выдумал. Да, там так

сказано. Орудия поднять, но не заряжать до дальнейших распоряжений Штаба домов.

--- Это ведь плохо, да?

Даур пожал плечами.

--- Что значит «плохо»?

Бенгас помолчал.

--- Я...

--- Плохо --- это растительность у тебя на лице. А что происходит --- я не знаю.

Они вышли на продуваемую ветрами площадку с бойницами. Артиллерийские команды выводили на позиции три зенитные батареи: гидравлические поршни поднимали корпуса орудий с креплений, расположенных на вершине башни. Автопогрузчики выкатывались из лифтов. Остальные войска расположились в затянутых сеткой домах. Всюду раздавались приказы и отзывы.

Даур прошел к краю и остотрелся. За его спиной огромный, размытый дылкой силуэт Главного хребта упирался в хмурое небо, словно гранитная вершина, мигающая миллионами огней. Справа от него сверкали воды Хасса, окруженные

трачными силүэтами доков и -- на друпом
берегу -- наружных трупоб. Перед ним --
изгибы огромной адамантисевой Куртины
змеились к востоку от дыловой завесы
плавиных заводов и темной громады
Террикона, двадцатью пятью
километрами далее ленившегося к окраине
города.

К югу -- наросты наружных трупоб,
облепивших стену, темные краны и
зубчатые колеса шахтерского района и
рельсы главной южной железной дороги,
тянувшейся вдаль. За краем улья тусклые
грязно-зеленые луга упирались в горизонт.
Видимость была средняя. Дымка искажала
расстояние. Даур установил треногий скоп
и встотрелся. Ничего. Блеклое, зеленое,
безысходное ничто.

Он сделал пару шагов назад и
остотрел вал. Одно из зенитных орудий
было поднято лишь наполовину, военные с
руганью пытались освободить
гидравлические подьемники. В остальном
все было готово.

Капитан поднял трубку вокс-
передатчика, который нес за ним солдат.

--- Даур говорит. Всем постан
Западного Хасса. За дело.

Младшие офицеры действовали
быстро и точно. Даур испытывал
непогдельную гордость. Его подчиненные
смогли выполнить протокол «Гамла-
сигма» чуть менее чем за двенадцать
минут. Крепость и западная часть Стены
ощетинились оружием. Наготове были и
орудия, и люди.

Он глянул вниз. Установили
непокорное последнее орудие. Радостные
возгласы артиллеристов, завывая, унес
ветер, и команда подключила подгрузчик
снарядов к орудию.

Даур переключился на другой канал.

--- Даур, Хасский западный, Штаб
готов. Мы дислоцированы. Ждем ваших
распоряжений.

На огромной площади Маршалов,
прямо внутри Күртины, рядом с воротами
Церонито Сондара, грохот двигателей
трех сотен танков сотрясал воздух. Ряды
огромных танков «Леман Русс»,
выкрашенных в синий цвет Вербунского

Главного, вхолостую жгли горючее. Все больше машин с лязганьем проталкивалось на площадь из ангаров позади казарм Южного улья.

Генерал Виголайн из Первой бронетанковой Вербунского Главного прыгнул со своего помоста, пристегнул кожаный шлем и погочел к комиссару. Виголайн отдал честь, вытянувшись по струнке.

--- Комиссар Каул!

--- Генерал, --- отозвался Каул. На площадь его только что привез штатный лимузин --- огромная черная машина, удалявшаяся сейчас следом за своим мотоциклетным эскортом. С ним прибыло еще двое: комиссар Лангана и кадет-комиссар Фоскер.

Каул был высоким и тощим человеком и вид имел такой, словно носил черную фуражку и догополый мундир имперского комиссара не по своей воле. Болезненно желтоватая кожа обтягивала череп, беспокойно бегали светло-ореховые глаза.

В отличие от Ланганы и Фоскера

Каул был инотирцем. Старший комиссар был имперским гвардейцем, которого отрядили присматривать за Вербунской регулярной армией в качестве уступки ее затянувшемуся существованию. Каул тихо ненавидел свою должность. Его многообещающая карьера с Фадайхинским Пятым зашла в тупик несколько лет назад, и вот — против его воли он назначен сюда нянчиться с этой изгрешечной армией. Теперь наконец-то представилась возможность как-то прославиться, что могло бы оживить его покрытые пылью надежды.

Лангана и Фоскер были из улья, оба из честолюбивых ординарных гомов. Формально выдавала разницу их положений. Вместо двуглавого орла на застежке они носили кирку — эмблему УКВГ, Ульевого Комиссариата Вербунского Главного, дисциплинарного отдела регулярной армии. Сондарская знать помешана на дисциплине. Поговаривали даже, что УКВГ был чуть ли не тайной полицией, действующей в интересах правящего гомы, и не подчинялся Администратуру.

--- Есть распоряжения, комиссар?

Каул, рассеянно почесав нос, кивнул и протянул Виголайну сводку.

--- Нам надлежит построиться и выдвинуться в луга. Мне не объяснили, зачем.

--- Я полагаю, Зойка, комиссар. Они хотят сразиться с нами снова и...

--- Вы посвящены во внутреннюю политику Зойки? --- рявкнул Каул.

--- Нет, комм...

--- А верите ли вы, что слухи и разброд --- орудия контроля?

--- Нет, я...

--- Пока не скажут, что это Зойка, это --- никто. Это понятно?

--- Комиссар. Вы... вы отправитесь с нами?

Каул не ответил. Он прошагал к «Леман Руссу» Виголайна и забрался в машину.

Три минуты спустя Сондарские ворота распахнулись с истошным визгом гидравлических компрессоров, и бронированная колонна тройной шеренгой хлынула по главному южному шоссе.

--- Кто распорядился объявить тревогу? --- Вопрос прозвучал из трех колонок сразу, глухой, электронный, бесстрастный.

Маршал Гнайг, стратегический командующий Вербунского Главного и старший армейский офицер Вербуна, медлил с ответом. Было неясно, кому отвечать.

--- Кто? --- повторили голоса.

Гнайг стоял в тьме освещенного теплом приемной зале имперского дома Сондар, на самой вершине Главного хребта. Он жалел, что, входя, не снял свою обшитую галуном синюю шинель. От тяжелой, украшенной перьями фуражки у него чесался лоб.

--- Это было необходимо, верховный.

Его окружили трое сервиторов, хромых и поддерживаемых лишь проволоками и проводами, свисающими с треножек на потолке. Один --- худенький андрогинный мальчик, забрызганный краской. Рядом --- пышная девушка, обнаженная и покрытая золотыми

руническими клейматами. Третий --- толстощекий херувим с изрубленной арфой в пухлых ручках и лебедиными крыльями, пришитыми к спине.

Все они с безжизненными взглядами покачивались на своих трубочках и проводках.

Взвыла сервосистема, и девушка качнулась к Гнайгу, волоча хромую ногу по кафельному полу.

--- Ты --- мой верный маршал? --- спросила она так же монотонно, тем же чужим голосом.

Гнайг проигнорировал ее, глядя мимо твистящей марионетки, как он называл это, на узорчатую железную цистерну в дальнем углу комнаты. Металл цистерны потемнел и был покрыт поразительно зеленой ржавчиной. Единственный иллюминатор таращился, словно мутный стеклянный глаз.

--- Вы знаете, что это так, --- Верховный.

--- Тогда что же за непослушание? --- спросил мальчик, и его атрофированные конечности затрепетали, когда трубочки

и провода развернули его.

--- Это не непослушание, Верховный. Это долг. И я не буду разговаривать с вами тарилками. Я просил аудиенции у самого правителя Домов Сальвадора Сондара.

Херувим внезапно качнулся прямо в лицо Гнайгу. Подкожные тензоры растянули его пухлый рот в ухмылке, которая пугающе не соответствовала мертвому взгляду.

--- Они -- это я, а я -- это они! Ты будешь обращаться ко мне через них!

Гнайг оттолкнул болтающегося херувима, передернувшись от прикосновения к своей руке его мертвенно-бледной плоти. Он сделал несколько шагов к железной цистерне и встопорлся в иллюминатор.

--- Зойка мобилизуется, собирает силы против нас, Верховный! Грядет новая Торговая война! И орбитальные сканеры это подтверждают!

--- Он не называется «Зойка», -- проговорила девушка у него за спиной. -- Используйте его название.

--- Промышленный улей Феррозойка, ---
сказал Гнайг со вздохом.

--- Наконец-то нетного уважения, ---
проскрежетал херувим, болтаясь вокруг
Гнайда. --- Наши старые враги, а теперь ---
ценнейшие торговые партнеры. Они ---
братья наши, такой же, как мы, торговый
улей. Мы не пойдём на них войной.

--- Уважение! --- выкрикнул Гнайг. ---
Зойка всегда был нашим врагом, нашим
соперником. Ещё в прошлом веке были
времена, когда они дрались с нами за сбыт.

--- Это было до того, как гом Сондар
занял место верховного здесь. Улей Вербун
превосходит всех --- сейчас и навеки, --- изо-
рта говорившего мальчика-тарионетки
медленно потекла слюна.

--- Весь улей Вербун чествует гом
Сондар, приведший нас к господству. Но
Легислатура благородных гомов меньше
часа назад проголосовала за то, чтобы мы
готовились к войне. Вот почему включили
сирены.

--- Без меня? --- прошипела девушка.

--- Как и предписано, согласно обычаю
мы подали вам сигнал. Вы не ответили.

Параграф 347gf, утвержденный вашим прославленным предшественником, Церонито, наделяет нас полномочиями действовать.

--- И вы используете старые законы, чтобы сместить меня? --- спросил херувим, шевеля проводками, чтобы взглянуть Гнайду в лицо своими мертвыми глазами.

--- Это не узурпация, верховный. Улей Вербун в опасности. Посмотрите! --- Гнайд шагнул к цистерне и прижал инфопланишет к стеклу иллюминатора.

--- Смотрите, что говорят орбиталы! Месяцы молчания Зойки, признаки их приготовлений к войне! Слухи, толки --- почему нам не сказали правды? Почему все начинается так внезапно? Ты не знал? Ты, всевидящий, всезнающий верховный лорд? Или ты просто решил нам не говорить?

Марионетки начали метаться и трястись, наталкиваясь на Гнайда. Он оттолкнул их.

--- Я поддерживал постоянную беседу с моим коллегой в улье Феррозоика. Мы стали находить удовольствие в этой связи, в этом товариществе. Его

Высочество Клатиш из дома Клатиш ---
дорогой друг. Он не обманул бы меня. Сборы
на стенах Феррозойки были проведены из-
за крестового похода. Магистр войны
Слайдо ведет свои легионы на наши
просторы; подлый враг сопротивляется.
Это предосторожности.

--- Слайдо мертв, верховный. Пять
лет как покоится на Бальгауте. Макаром
теперь возглавляет походы. Отряды
гвардии сейчас добивают вырождков Хаоса
из миров Саббаты. Каждый день мы
радуемся, что наш мир, наш любимый
Вергхаст не был затронут.

--- Слайдо мертв? --- три голоса
спросили хором.

--- Да, верховный. Теперь со всем
уважением я прошу разрешения на пробный
запуск Щита. Если Зойка собирает силы,
чтобы завоевать нас, мы должны быть
готовы.

--- Нет! Ты обманываешь меня! Щит
нельзя поднимать без моего разрешения!
Зойка не угрожает нам! Клатиш --- наш
друг! Слайдо жив!

Три голоса слились в пронзительный

хор, тясныя тарионетки трыслісь в
неўдэргжымом гневе.

--- Вы не паступілі бы столь
пренебрежительно с Церонио!

--- Твой брат, во всем его величии, не
спрятался бы в цистерну сознания и не
говорил бы через мертвых слуг...
верховный.

--- Я запрещаю!

Гнайг вытащил из шинели
мерцающую герцогскую печать.

--- Лезислатура этого ожидала.
Домати улья Вербун я уполномочен в
целях сообразности лишить вас власти
согласно Акту о правах, 45jk. Лезислатура
благодарна за ваше правление, однако
нижайше просит вас принять к сведению,
что намерена прибегнуть к акту
исполнительной власти.

Гнайг оттолкнул тарионеток и
подошел к латунной консоли на дальней
стене. Он нажал в центр печати, и из
консоли высунулись штекеры с
механическим щелчком, как вилка из
розетки. Гнайг вставил их в замок и
провернул.

Консоль затигала, включаясь, и по
стеклянному экрану побежали, вибрируя,
руны и знаки.

--- Нет! --- взвизгнули все трое. --- Это
неповиновение! Я -- үлей Вербүн! Я -- үлей
Вербүн!

--- Вас свергают на благо города, ---
равкнул Гнайг. Он активировал
переключатели огин за другим, включая
генераторы мощности глубоко под үльем.
Он ввел последовательности, которые
должны задействовать главную
транслирующую колонну и активировать
Щит.

Херүвит набросился на него, но Гнайг
оттолкнул его, и тот перевернулся,
запутавшись в своих проводах. Гнайг
набрал последнюю последовательность и
потянулся к рычагу активации.

Внезапно он выдохнул и пошатнулся.
Девүшка-тарионетка отскочила, сжимая в
руке глинный меч. Клинок темнел кровью.

Гнайг пытался зажать сочащуюся
кровью рану в пояснице. Колени
подогнулись, и он рүхнул. Девүшка снова
метнулась и пронзила мечом его горло.

Он упал лицом вниз, и ковер впитал
хлещущую из ран кровь.

--- Я --- улей Вербун, --- проговорила
девушка. Мальчик и херувим бесстрастно
повторили следом.

В железной цистерне, купаясь в
теплом ихоре, безмятежно паря,
подсоединенный каждым органом и сосудом
к жизненным резервам улья, Сальвадор
Сонгар, верховный лорд улья Вербун...
дремал.

Луга горели. По всему склону танки
Вербунского Главного, покореженные и
разбитые, плевались огнем на
колышущуюся серую траву. Воздух
пропитался едким дымом.

Комиссар Каул выбрался из
командного танка за миг до того, как
пламя поглотило визжащего Виголайна и
его экипаж. Плащ Каула загорелся, но ему
удалось сбить пламя.

Вражеский огонь полыхал в черноте
от копоти воздухе. Вербунский танк в
сотне метров взорвался, ударной волной во
все стороны рванулась шрапнель.

Один осколок задел висок Каула, и он упал.

С трудом встал на ноги.

Люди выскакивали из горящих танков, одни --- в огне, другие --- пытаясь помочь пылающим товарищам. Третьи бежали.

Каул прошел через поредевшие ряды Вербунского войска, ощущая горький и угдушливый запах горящей травы.

Он вытащил пистолет.

--- Где ваша отвага? --- спросил он артиллериста и свернул ему шею.

--- Где ваша сила? --- осведомился он у двоих заряжающих, улепетывающих вверх по склону, и застрелил обоих.

Потом приставил дуло к лицу кричащего, полусгоревшего командира танка и вышиб ему мозги.

--- Где ваша вера? --- спросил он.

Он крутнулся и направил пистолет на группу танкистов, которые, спотыкаясь, брели по травянистому склону прочь от взорвавшегося танка.

--- У? --- спросил он. --- Что вы делаете? Это война. От нее разве бегут?

Они затешились. Каул прострелил голову одному --- показать, что он настроен серьезно.

--- Развернулись, живо! Лицом к врагу! Оставшиеся танкисты развернулись и ринулись навстречу противнику. Танковый заряд разнес их всех в клочья секунду спустя.

Заряды вырвались с низких, похожих на тучи метеоритов, уничтожили еще двадцать танков в строе Вербуна. Взрывы были оглушающими. Каула швырнуло плашмя в траву.

Перекатившись на спину, он услышал пляс. На дальнем склоне боевые танки и оружейные платформы, выкрашенные в охряные цвета Зойки, катились к нему.

Тысяча или больше.

Из ниоткуда прямо перед сумерками, где-то через полчаса после того, как затихли сирены, начали падать первые снаряды, нежданные, запущенные дальнобойными пушками из-за горизонта.

Первые упали в южных наружных трюсбах, вздыбив фонтаны обломков наг

голами рабочих.

Еще шесть попали в Куртину.

В Хасском западном Даур кричал своим людям, разворачивая орудия.

«Цель... дайте мне цель...» — молил он.

Танки и артиллерия Зойки, спрятанные в горящих лугах, навели прицел. Снаряды посыпались на улей.

Мощный залп обрушился на станцию на Вейвейрских воротах и поджег ее. Еще несколько попали в казармы — и убили тысячи военных, ожидавших развертывания.

Еще одна серия искрошила северные трупщобы вдоль реки. Вышки и причалы взрывались и сыпались в воду. Посреди реки перегруженный паром фолика засыпало тлеющими обломками. Фолик пытался повернуть по течению и орал на Мясорубку. Еще один снаряд упал в воду рядом, окатив кричащих пассажиров вонючей речной водой. Паром подбросило взрывной волной.

Еще два упали позади «Магнификата», взорвавшись и потопив

погодочку «Необъяснимую», которая плыла
вверх. «Необъяснимая» взлетела на воздух и
поперчила воду осколками. Горели разводы
горючего на речной ряби.

Фолик развернул и направил
суденышко в фарватер. Мясорубка кричал
ему что-то, но забывание снарядов
заглушало его.

Прерывистый залп прокатился по
шахтерскому району, сровняв водонапорные
башни и подъездные колеса с землей.

Глубоко под землей Гол Коли пытался
вытащить Трага Вереса из-под катней,
свалившихся по главному стволу Глубинной
шахты № 17. Повсюду с криками утирали
шахтеры.

Траг был мертв — ему разтозило
голову.

Гол отшатнулся, его руки были
перемазаны кровью друга. Кабели лифта
хлестнули вниз по шахте, кабина упала и
разбилась. Центральный выход был
завален.

— Ливи! — прокричал он в пустоту. —
Ливи!

Ворра уничтожил первый снаряд, ударивший по Первой Вербунской литейной.

Эган Сори́к упал ничком, и осколок руды, отброшенный взрывом, навсегда лишил его левого глаза.

Кровь из порезов потекла по лицу. Он перекатился по обломкам, а затем его подбросило еще одним ударом, взорвавшим главный конвейер. Кусок масляного кронштейна, пронесшись со свистом, обезглавил одного из кричащих рабочих и вонзился в мышцы бедра Сори́ка. Он взвыл, но его крик затерялся в шуме и вое возобновившихся сирен.

Ливи Коли оглядывалась по сторонам, а когда стеклянная крыша транзитной остановки взорвалась и упала на них, женщина попыталась закрыть собой Ёнси и Далина.

Шрапнель разнесла ее в клочья --- ее и еще шестьдесят человек. Массы горячего воздуха обжарили остальных. Далин чудом остался невредимым. Он поднялся, хрустя битым стеклом, и позвал мать.

Найдя то, что от нее осталось, он
утолк, слишком пораженный, чтобы
издать хоть звук.

Тона Крийд обняла его.

--- Т-ш-ш, парень. Т-ш-ш.

Она перевернула опрокинутую коляску
и увидела здоровую сияющую мордочку
ребенка, улыбающегося ей. Тона взяла
младенца на руки и потащила мальчика
за собой.

Они были в двадцати метрах от
южного атриума, когда новые снаряды
сровняли станцию С4/а с землей.

Менкс и Троп вели голову гильдии
Ворлина сквозь хаос Коммерции.
Несколько магазинов к западу от них
горели, дым заполнил улицы рынка.
Ближайшей станцией к Главному хребту
была С4/а, но по направлению к ней
тянулся широкий шлейф дыма. Менкс
повернул к заброшенному магазину гильдии
Файк и направился к С7/d.

Когда они добрались до станции
фуникюлера, Ворлин уже кричал от
злости. Телохранитель считал это страхом

за свою жизнь, но отчаяние Ворлина носило чисто меркантильный характер. У гильдии Ворлина не было доли в торговле оружием, медикаментами и продуктами. На них свалилась война, а гильдии нечем торговать.

Они зашли на станцию, но она была безлюдна. Несколько брошенных вещей --- кошельки, пикт-пластины и тому подобное --- валялись по всей платформе. Экран индикатора транзита был пуст.

--- Я хочу, --- прошипел Ворлин, стиснув зубы, --- вернуться в Главный хребет немедленно. Я хочу быть в доме семьи, внутри Хребта. Немедленно!

Трор посмотрел на рельсы и оглянулся.

--- Я вижу свет фар, сэр. Функционер приближается.

Кабинки втащились на станцию и автоматически остановились. Они были забиты под завязку жителями Нижнего и Среднего хребта.

--- Впусти! --- заорал Ворлин на ближайшего у двери. Перепуганные лица устремились на него в молчании.

Снаряды лупили по Коммерции позади него. Ворлин вытащил из лотка и открыл огонь по стеклам. Пассажиры, беспомощные, как крысы в клетке, кричали, утирая.

После недолгого колебания телохранители Ворлина присоединились к нему, лишив жизни человек двадцать или больше. Остальные с криками высыпали из перевозки. Вытащив тела, телохранители втянули Ворлина как раз тогда, когда время автоматической остановки подошло к концу и фуникулер двинулся дальше. Он вцепился в тросы и стал медленно карабкаться к корпусу Главного хребта.

— Дом Сонгар, избави нас от лукавого, — прошептал Ворлин, сажаясь на позолоченную скамью и поправляя одежды. Менкс и Трор стояли рядом, неловкие и ослабевшие.

Ворлин глазел в окно подвигающегося поезда, не замечая снопов платени и облаков дыма, расцветающих над городом внизу, — точно так же, как не замечал, похоже, лужи крови, отылавшие

его туфли.

Залпы снарядов и гальнобойных ракет обрушились на южную часть Главного хребта. Несмотря на крепкий асфальтобетонный и керамитовый покров, некоторые даже прокололи шкуру огромной конструкции. Витрины приняли удар и брызнули на улицу, заполнив воздух свистящими осколками свинцового стекла и керамитовой стены. Полсотни господ из ординарных домов вместе со слугами искрометало на кусочки, а те, кто в панике рванулся вниз по улице, сгорели.

В паре шагов от магазина Мерити Часс, защищенная от взрыва рядом колонн, продолжала путь, и за ней, прижавшись друг к дружке, сели плачущие служанки.

— Этого не может быть, — твердила Мерити сама себе. — Этого не может быть.

Множественные удары озарили Куртину вокруг Хасского западного. Противовоздушное оружие, то самое,

которое не сразу поднялось, сейчас было подбито, и воспламененные боеприпасы выбили кусок стены.

Капитан Даур подготовил оружие и выстреливал противника. Луга были пустыми. Дальнобойные орудия расстреливали город, не оставляя возможности отбиваться.

Даже если бы у них было разрешение.

--- Капитан Даур --- маршалу Гнайду! Дайте разрешение действовать! Отдавайте приказы! Маршал, прошу вас!

В тоскливой тиши приятной комнатой неповоротливые марионетки оттаскивали труп Гнайда с ковра. Голос отчаявшегося Даура и голоса сотен других полевых командиров тонули в этой тишине, неслышанные.

Три снаряда один за другим ударили по Хасскому западному. Первый поджег боеприпасы. Второй испепелил капрала Бендаса и еще шестнадцать солдат. Третий стал смертоносной волной, которая раздробила вершину башни, и здоровый кусок крепостной стены рухнул.

вниз в облаке каменной крошки, пыли и
пламени. С ним упал и капитан Даур,
попавший в лавину рокрита и керамита.
Увы, так и не дождавшись приказа
действовать.

Плавая внутри железной цистерны,
Сальвадор Сонгар, верховный лорд улья
Вербун, дремал. Удовольствие, которое он
получил, поставив на место этого глупца
Гнайда, отступало. Было что-то сродни
боли, что-то вкрадывалось в его сознание
по нейронным проводам, цеплявшим его
сознание к информационным потокам и
авторегулируемым системам улья. Он
качнулся в теплой питательной жидкости
и запросил информационные потоки
Легислатуры и гильдий. Улей был...
атакован.

Он перезагрузил связь, чтобы еще раз
убедиться. Даже получив подтверждение,
он отказывался верить. Его сознание не
могло принять этот парадокс. На улей
Вербун напали.

Но ведь этого не может быть.
Нужно время на размышления.

В разгравженин он активировал
генераторы Щита.

Глава вторая

ОХРАННАЯ ВОЛНА

Одного человека или
миллион людей — врага
Империи разить беспощадно!

Ний Каул, имперский
комиссар, из
общественно-
образовательных
листовок

В этот первый день светнело рано. Мрачное небо пятнали черные столбы дыма, поднимающиеся над ульем и наружными районами, и пепельная завеса, расстелившаяся над лугами к югу. Густой, подсвеченный огнями черный дым клубился над шахтерским районом и промышленной зоной к югу от Куртины, а к северу от реки, среди покореженных цистерн и хранилищ в Хасских доках, тусклым коричневым пламенем светилось горящее

топливо. Над разбросанными тут и там сотнями костерков поднимались нити белого, серого и сиреневатого дыма.

Обстрел продолжался, несмотря на Щит. Усполинский полупрозрачный зонтик энергии поля вытянулся из огромной Колонны Щита в центральном районе, куполом простираясь над ульем и прикрепившись к якорным подстанциям в Күртинне.

Тысячи снарядов и ракет врезались в него каждую минуту, оставляя вмятины в стареющей энергии и заставляя его покрываться рябью и колыхаться, как зеленое желе. Изнутри Щит выглядел словно зеленое небо, расцветающее огнями.

Наблюдатели на южной стене, большей частью солдаты Вербунского Главного, смотрели сквозь дым и пламя внешних трубцов в скопы и магнокуляры --- вдали над лугами мерцала сплошная стена пламени шириной в семьдесят километров. Дым над лугами --- непельно-серый, но исчерканный черным над редкими пожарами у горизонта --- приглушал утирающий свет южного неба. Яркие

секундные вспышки подсвечивали тарелки горизонта, знаменуя свирепую схватку, развернувшуюся за горизонтом. Вот уже двенадцать часов с бронетанковой колонной генерала Виготайна не было связи.

Теперь, когда Щит укрывал основной улей, в бою оставалось внешним трющобам, зонам тяжелой промышленности и шахтерскому району. Незащищенные районы безжалостно снашивали снарядами дальнобойные орудия, осадные минометы и зажигательные снаряды. Когда солнце зашло, южные окраины превратились в темную бесформенную массу, усыпанную тысячами огней, над которой словно повисла пелена непрерывных взрывов. С Курганы было видно, как воздушные волны, расходящиеся от каждого сильного удара, гасят костры.

Население южных наружных трющоб составляло приблизительно девять миллионов — плюс еще шесть миллионов рабочих, которые жили в главном улье, но выбиралась на работу в промышленный район и шахты. Убежищ на всех не

хватало. Кто-то спрятался в погвалах и погземных складах, и многие были там погребены. Бронебойные снаряды взрываются, выхватывали их оттуда, будто крысы, опустошая временные убежища. Другие оказались погребены под тысячами тонн обвалившегося камня.

Было в южных труппобах несколько надежных, хорошо укрепленных убежищ для официальных лиц и местных управленцев. Эти убежища были построены девятью годами назад, во время Торговой войны, и немногие из них оказались в рабочем состоянии. Группка управляющих труппобами два часа потратила на попытки подобрать верный рунный код, который впустил бы их в предписанное убежище, и в итоге их испепелила ракета прежде, чем они смогли попасть внутрь. Другая группа, двутя блоками севернее, вынуждена была отбиваться от перепуганной толпы, пытавшейся также укрыться от огня. Офицер УКВГ, возглавлявший группу, открыл огонь, пытаясь отогнать обезумевших горожан, чтобы высокопоставленный чиновник,

хозяин мельниц со связями в гильдиях,
открыл свое убежище.

Они заперлись внутри, двадцать три
привилегированных горожанина с третьим
уровнем полномочий, — в бункере,
рассчитанном на двести человек. Все до
единого умерли от удушья к утру.
Вентиляционная система, давняя,
требовавшая ремонта и постоянной
поддержки, отказала, стоило включить ее.

В сумерках уже миллионы беженцев
заполнили основные пути в улей и
оказались заперты во вратах Сондара, на
входе в Хасский западный и на грузовом
маршруте транспортировки руды. Они
даже пытались пробраться по
железнодорожным туннелям в Вейвейрские
врата, но внутренний терминал
превратился в пекло после первой же волны
бомбардировок, а ворота заклинило.

Другие, отчаявшись, медленно
продвигались, обремененные пожитками
или ранеными родными, в сторону
Террикона и болотистых равнин, а кое-кто
прорывался через пока еще не

поврежденную станцию на воротах Кроу.

Хасский западный форт все еще был в огне, и его верхушка осыпалась обломками по обе стороны Стены. Тем не менее Стена и сами Хасские ворота еще держались, и потоки беженцев тянулись в улей по Хасской дороге под пристролом солдат Вербунского Главного, охранявших поврежденные ворота. Но колонна людей просачивалась внутрь медленно, растянувшись на два километра и все удлиняясь, уходя от Хасских врат во тьму, беззащитную перед неустанными атаками, грозящими внешние трупщобы. Тысячи погибли, не успев добраться до укрытия, накрытые взрывами, и не меньше — наверное, тысяч восемь или девять — бежали к берегам реки.

Последний изогнутый отрезок стены к северу от Хасского западного форта, известный как Доковая стена, выходил в средние воды, и прохода там не было. Некоторые сгинули в коварных тряпинах болота; другие гибли сотнями, пытаясь переплыть сам Хасс. Большинство вжималось в вонючий ил под Доковой

стеной, горестно взывая к солдатам, которые ничем не могли им помочь с вершины стены двукратными метрами выше. Почти две сотни людей провели под этим грязным углом стены первые дни осады, страшась двинуться обратно вдоль стены к Хасским вратам. Голод, болезни и отчаяние убили всех до единого за четыре дня.

Сондарские врата были открыты, и основная волна беженцев искала спасения там. Отряды Вербунского Главного, сознанные туда, чтобы контролировать толпу, принимали людей так быстро, как могли, но все же медленнее, чем они прибывали, так что колонна людей протянулась уже на три километра вглубь горящих внешних трющоб.

Многие из замыкающих, уверившись, что погибнут раньше, чем доберутся до укрытия под Щитом, разворачивались и сотнями шли обратно в луга. Не выжил никто.

На площади Маршалов, внутри врат Церонито Сондара, войска улья боролись с ошеломляющим наплывом горожан. Сорок

процентов прибывших были ранены.

Капитан Лемро Карджин, назначенный главным в операции, уже через час был близок к отчаянию. Сперва он пытался сдерживать беженцев в пределах огромной церемониальной площади, но вскоре она оказалась забита под завязку. Некоторые семьи забирались на подножия статуй, чтобы хоть где-то обустроиться. Группа людей пела рабочие песни улья и имперские гимны. Множество грожащих голосов вперемешку с громом бомбардировки и потрескиванием Щита Вверху -- все это нервировало его людей.

Казармы Вербунского главного на северо-западе площади, те, что приняла удар в первые же минуты атаки, все еще догорали, но огонь не распространялся. Карджин продолжал воксировать Штабу готов, пока ему не дали особое разрешение от гильдий открыть химический завод Анко на юге площади и здания гильдии на востоке, чтобы разместить излишек людей. Вскоре, однако, новые пространства тоже оказались заполнены. От гильдий именовались вполне определенные

распоряжения относительно того, какие из
их площадей можно использовать. Люди
Карджина, которые закрывали доступ к
некоторым зданиям, докладывали о
прорывах. Поверх голов раздавались
выстрелы. После бойни, которую они
пережили снаружи, горстка вооруженных
солдат не пугала толпу, и гвардия готов
вскоре, пытаясь распределить вновь
прибывших, оказалась оттеснена вглубь
индустриальных районов. Большинству
солдат совершенно не улыбалось
расстреливать собственных сограждан. С
другой стороны, когда один молодой
офицер, разозлившись, открыл огонь по
прущей на него толпе и убил двоих, свора
законченных дочерна текстильщиков
разорвала на части его самого и шестерых
подчиненных.

Карджин иступленно воксировал,
прося советов и боеприпасов. К восьми
вечера из Штаба готов и Легислатуры
поступили новые распоряжения,
установившие места для размещения
беженцев, спешно обустроенные во
внутренних трюцобах к югу от Колонны и

Коммерции. Ущущие пристанища во
вратах Сонгара, Хасских и в меньшей
степени вратах Кроу теперь заполнили
южные секторы улья. Часть домов
Легислатуры, собравшись на экстренном
заседании в Главном хребте, настаивала,
что разместить население наружных
трущоб — долг улья. Другие просто
напросто боялись, что главные южные
магистралы окажутся запержены людьми
и дома не смогут мобилизовать свои
армии. Шесть благородных домов
предоставили помощь, и проговольствие
отправилось вниз по грузовой дороге — на
площадь Маршалов и главное городское
посадочное поле, куда также переправляли
беженцев от Хасских врат.

Уже кое-что, но этого было явно
недостаточно. Карджин задумался,
осознает ли вообще элита улья
катастрофичность ситуации. Имперские
девизы, лозунги улья и прочие сообщения
успокоительной пропаганды, сверкающие со
всех информационных экранов, не могли
остановить панику. Карджин был окружен
тысячами озлобленных, перепуганных

жителей, многие из которых были оглушены взрывами, обожжены до костей, а еще больше — утирали или не могли передвигаться. Остановить поток было невозможно, если только не закрыть ворота. Толпа сильно превосходила число того три сотни людей.

Карджину воксировали из северного угла площади. Там он обнаружил полевой госпиталь, разбитый медиками из какого-то ульевого лазарета. Сотни раненых были уложены на каменной кладке. Занятия ухаживали доктора и санитары в картиновых халатах и масках.

— Вы Карджин?

Карджин огляделся. К нему обращался некто в халате и маске. Под маской обнаружилось миловидное личико. Взгляд, правда, был измученный и растерянный.

— Да... доктор?

— Военный врач Анна Кёрт, Общественное медицинское учреждение внутренних трущоб 67/тв. Я здесь старший уполномоченный. Мы пытаемся устроить сортировочный пункт возле повозок вон там, но поток людей слишком

велик.

--- Я делаю все возможное, доктор, ---
ответил он ровно.

Он видел тягачи и грузовики, которые тянулись, сверкая фарами и грохоча двигателями, по дороге к казармам, чтобы отвезти тех, кто нуждался в неотложном хирургическом вмешательстве, в полноценные лазареты внутренних трюков и Нижнего хребта.

--- Как и я, --- ответила Кёрт без мени улыбки. Воздух был пропитан запахом крови и горелого мяса и полнился жалобными криками. --- Госпитали уже заполнены ранеными из улья. Мы понесли огромные потери, прежде чем Щит был запущен.

--- Я не знаю, что сказать, --- пожал плечами Карджин. --- Я следовал приказам и позволил прибывающим хлынуть с площади в близлежащие районы. Но им же конца нет! Наблюдатели со стены докладывают, что очередь снаружи по-прежнему растянулась на три километра.

Хирург застыла на миг, уставившись на забрызганную кровью кладку, прижав

руки к губам.

--- Я... --- начала она, но затаилась. --- Вы не организуете мне вокс-звонок? Хочу связаться с начальством. Коммерцию эвакуировали, там есть место на полу. Вряд ли они дадут добро, но я хотя бы попытаюсь.

Карджин кивнул. Он позвал воксиста и распорядился помочь хирургу.

--- Любая ваша попытка лучше, чем ничего.

Танк взревел и подскочил на вытоптанной траве холма и во весь опор рванул на север, а его башня развернулась, чтобы изрыгать снаряды в горящие позади луга и невидимого врага в хвосте.

Ночное небо было объято пламенем. Огненные хвосты ракет и свистящие снаряды вспарывали небо, летя к улью.

Комиссар Каул сидел в башне несущегося танка, выкрикивая танкистам приказы стрелять. Вокс-связь пропала. Он не мог связаться со Штабом дотов. У него осталось сорок два танка из бронетанковой колонны в более чем

четыре сотни. Плюс еще пятьдесят, что
прибыли от Сонгарских врат днем. Ни
один из высокопоставленных офицеров
бронетанковых войск Вербунской Первой не
выжил. Смерть настигла и кагетана
Фоскера.

Теперь командование перешло к
Каулү. Назначив комиссара УКВГ Ланганү
своим помощником, он перестроил
разрозненные остатки танковых войск и
направил их назад, к городу. Создалось
ощущение, что они бегут, но Каул знал,
что это было верным тактическим
решением. Там, в лугах, они
противостояли охраной волне,
необъятному бронетанковому фронту
Зойки, надвигающемуся тремя клиньями.
Такие жестокие атаки он видел лишь в
бытность свою имперским гвардейцем, во
время грандиозных схваток на Бальгауте
или Коциатине. А за танками густой
тучей саранчи двигались полки пехоты...

Каул не хотел даже думать о мощи
противника сейчас. Она была... невероятна.
Невозможна. Охранная волна --- все, что он
видел, потоки выкрашенных охрой машин,

катающихся на его войска, стинающих их.

Он попытался воксировать снова, но враг блокировал связь. Снаряды молотили по отступающим вервунским танкам. Как минимум два взлетели на воздух, когда загорелись боеприпасы, разбрасывая горящие обломки; детали брызнули, как выбитые зубы.

Водитель обратился к нему по внутренней связи:

--- Сэр, прямо по курсу!

Каул развернулся. Улей Вербун уже выдвинулся, огромный светящийся пузырь зеленой энергии мерцал на небосклоне, словно исполинское грибовидное облако, озаряющее ночь. Каул в скоп увидел почерневшую обгорелую громаду наружных труб, стремительно приближающуюся к нему. Град снарядов все еще преследовал их.

--- Каул --- колонне! --- выплюнул он по внутританковому воксу. --- Построиться и следовать за мной по Южному шоссе. Мы вернемся в город через Сондарские врата. И да не сбежит ни один из вас, ибо я узнаю и найду его!

Он улыбнулся последним своим словом. Даже сейчас, под непрерывным обстрелом, он все еще мог ввернуть хорошую дисциплинирующую фразочку.

Высокий, отлично защищенный, изукрашенный золотом зал Легислатуры в верхних секторах Главного хребта наполнился голосами спорящих.

Лорд Хейтлик Часс, благородный патриарх дома Часс, откинулся на своей обшитой бархатом скамье и бросил взгляд в сторону своих помощников и управляющих.

Этой ночью Легислатура была переполнена. Присутствовали все девять благородных домов, а также представители остальных двадцати одного ординарного дома и группы от более трехсот гильдийных организаций и семей в своих пышных нарядах. А в яме общин — сотни представителей простого народа нестройно требовали решительных мер.

По праву благородного дома скамья Часса располагалась во внутреннем кругу, прямо над кафедрой Законодателя. Вокс и

пикт-дроны с жужжанием парили над скамьями, словно огромные шмели. Хористы Лезислатуры, которыми несколько минут назад велел заткнуться лорд Кроу, угрюмо сидели на своем балкончике, коткая листы с нотами и швыряясь ими в собрание внизу. Лорд Дженник из ординарного дома Дженник стоял в среднем кругу, читал с заготовленного планшета и пытался привлечь внимание к своему плану из пятидесяти пяти пунктов.

Часс нажал на генеридер сбоку своего деревянного сиденья, и перед ним развернулся экран.

Он ввел свой уровень полномочий, коснулся панели реплик и написал: «Мастер-законодатель, мы начнем дебаты — или будем препираться всю ночь?»

Слова высветились на центральном экране, и еще шесть благородных готов, пятнадцать ординарных и большинство гильдийных организаций поддержали Часса.

Наступила тишина.

Мастер-законодатель

Анофий.

горбатый старичок в треугольной шляпе с
лентами, поднялся на ноги и начал
литанию освобождения. Собрание
соблюдало тишину, пока она исполнялась.
Анофий погладил глинные серебряные усы,
расправил опаловую мантию и открыл
прения.

--- Слово лорду Анко.

Из ямы общин раздалась стона.

Анко поднялся, точнее, был поднят
помощниками. Его скрипучий, усиленный
воском голос разлился по залу.

--- Я скорблю из-за атаки на наш улей,
предпринятой недавними гругьями из
Зойки. Я за то, чтобы отшвырнуть их и
отправить домой поджавшими хвосты.

«Кто бы спорил», --- подумал Часс.
Анко, как всегда, говорит только
очевидные вещи.

Анко продолжал:

--- Я прошу у Легислатуры поддержки
по другому вопросу. Мой завод сейчас
переполнен бедняками из пригородов.
Офицеры готов сообщают, что завод
забит настолько, что производство
остановлено. Это вредит улью Вербун. Я

прошу, чтобы дому Анко было позволено
выгнать беженцев из своих помещений.

Снова негодующие вопли снизу.

--- Лорд Уетч?

--- Вот так мы обращается с
рабочими, кузен Анко? Они нравятся тебе,
когда поднимают твою выработку. А
теперь ты ненавидишь их, когда они
спасаются на твоих фабриках?

Снова шум, еще громче. Несколько
лордов и многие гильдийцы решительно
надавили на сигналы поддержки. Анко сел с
перекошенным от гнева лицом.

--- Лорд Часс?

Часс поднялся.

--- Боюсь, что мой кузен Анко в
данном случае упустил цельную картину.
Девяносто лет прошло с тех пор, как мы
столкнулись с подобной катастрофой.
Началась Вторая Торговая война. Доклады
говорят о том, что силы противника
существенно превосходят нашу защиту.
Все мы видели, какой удар пришелся
сегодня по улью. Да что там, моя родная
дочь еле добралась домой живой.

Голограммы

соболезнования

заискивающе засветились наг ложатм
нескольких ординарных готов. Часс
продолжил.

--- Если атака неудобна нашим гоматм,
я скажу: мы готовы терпеть неудобства! У
нас есть обязательства перед населением
улья, и кузену Анко следовало бы ставить
этот простой факт выше
производственных показателей. Я хочу
озвучить перед Легислатурой более
насущные вопросы. Первый: почему
нападение оказалось сюрпризом? Второй:
обращаться ли нам за помощью к
Империуму? Третий: где верховный лорд,
что было ему известно об этом, и почему
Щит был активирован так поздно?

Зал взревел. Сигналы поддержки
засветились повсюду. Законодатель
потребовал порядка.

--- Лорд Часс, --- проговорил голос,
напевом прокатившись по всему
колоссальному залу. --- И как же я должен
ответить вам?

Повисла тишина. В сопровождении
десятка невозмутимых офицеров в форме
УКВГ верховный лорд Сальвадор Сондар

обошел в зал.

Он ослеп на один глаз и сильно хромотал. Его плоть обуглилась и покрылась волдырями, одежда висела клочьями. Но он все еще являлся начальником завода. Опираясь на кирку, Эган Сорик ревел так громко, как позволяли обгоревшие легкие, выводя более трех сотен литейщиков через северные турникеты Первой Вербунской литейной. Большинство были так же черны от сажи, как он, на темном фоне выделялись лишь два цвета: блестящий красный — открытых ран, или белый — свежей одежды.

Одежды — и белков глаз, вылезающих из орбит от ужаса.

Огни несли раненых на себе, кто-то на импровизированных носилках, кто-то в связанных вместе мешках, кого-то везли в тележках для руды.

Сорик обошел по кругу и оглянулся целевым глазом. Первая Вербунская литейная и часть окрестных заводов, перерабатывающих руду, пламенели. Дымоходы разорвало от жара, и белый

пепел падал в желтое пламя. Вейвейрский
вокзал тоже напоминал факел.

Он услышал крики и ругань из зала
погоним и похромал вниз, проталкиваясь
через ряды мужчин и женщин, работавших
на его заводе.

Дюжина солдат Вербунского Главного
задерживала продвижение выживших по
транзитному каналу 456/к во внутренние
трущобы. Их возглавлял офицер УКВГ.

--- Нам нужно попасть туда, --- сказал
Сорик, пробравшись к офицеру
комиссариата. Даже одним глазом Сорик
видел беспокойный, безумный огонек в
глазах молодого офицера УКВГ.

--- Распоряжение от Главного хребта,
старик, --- ответил комиссар. --- Нижние
трущобы забиты людьми. Невозможно
принять больше. Останавливайтесь здесь,
припасы со временем придут.

--- Как тебя зовут? --- спросил Сорик.

--- Комиссар Боуном.

Сорик помолчал, неуклюже оперся на
импровизированный костыль и стер пепел
со своего значка смотрителя.

Он поднял его так, чтобы человек в

форме его разглядел.

--- Сорик, начальник производства, Первая литейная. Нас только что разбомбили в пыль. Моим рабочим нужен доступ к укрытию и лечению. Сейчас, а не со временем.

--- Прохода нет. Доступ закрыт. Обустраивай своих людей здесь. --- Солдаты за спиной Боунома многозначительно погнали оружие.

--- Здесь? Посреди вонючей улицы, рядом с горящими карьерами? Нет уж. Мальчик, Первая литейная --- собственность благородного дома Гавунга. Мы --- души лорда Гавунга. Если он услышит об этом...

--- Я подчиняюсь только дому Сонгар. И тебе бы следовало. Не угрожай мне.

--- Да где тут на хрен угроза, идиотина? --- спросил Сорик, оглянувшись на подходящих рабочих и получив смешки в ответ. --- Одноглазый калека вроде меня? Пустите нас.

--- Ага, пусть нас! --- взревел рабочий рядом с Сорином. Озтак, наверное, но под сбоем сажи все были на одно лицо.

Остальные рабочие глутливо стаялись и вторили.

--- Ты понимаешь, что такое чрезвычайное положение, старик? --- спросил Боуном.

--- Понимаю? Я, мать твою, в нем нахожусь! --- выпалил Сорик. --- Отвали!

Он попытался оттолкнуть офицера УКВГ, но Боуном толкнул его в ответ, и Сорик упал на затусованный осколками пол.

Раздались крики недовольства и гнева. Рабочие хлынули вперед. Боуном отшатнулся, вытащил автомат и выстрелил по надвигающейся толпе.

Озтак упал замертво, еще кто-то повалился раненный.

--- Все! Довольно! Вас предупредили! --- закричал комиссар. --- Вы останетесь там, где...

Кирка-костыль Сорики раскрыла череп Боунома, и он осел на землю. Прежде чем солдаты успели отреагировать, рабочие налетели на них, словно приливная волна. С отрядом было покончено в считанные секунды.

Литейщики собрали их оружие.
Рабочий Ганниф передал Сорику
пистолет комиссара.

--- Я вас в обиду не дам! --- рявкнул
Сорик. Он дал знак следовать за ним по
транзитному каналу. Они отсалютовали
ему и двинулись в город.

--- Маршал Гнайг мертв, --- сообщил
Легислатуре верховный лорд Сондар. Зал
безмолвствовал, пока парящий трон
верховного лорда возносился на главную
кафедру вместе с каменноликим
авангардом УКВГ. Трон Сондара
зафиксировался над кафедрой
законодателя, и лорд улья Вербун долгое
время всматривался в собрание,
прежде чем заговорить. Он был одет в
королевскую мантию, лицо закрывала
бирюзовая керамическая маска Януса.

--- Мертв, --- повторил Сондар. --- Наши
дети на пороге войны --- а вы, благородные
дворяне, низкие дворяне, гильдийцы --- вы
полагаете, что настало время
узурпировать власть?

Молчание затянулось.

Маска Сонгара повернулась, он
оглядел огромное пространство ярусного
зала.

--- Мы --- едины, либо же мы --- никто.

Все то же напряженное молчание.

--- Я полагаю, вы считаете, что я
слаб. Я не слаб. Я полагаю, вы считаете,
что я глуп. И это тоже не так. Я полагаю,
что некоторые благородные дома видят
здесь возможность изменить собственные
судьбы.

Мановением руки верховный лорд
позволил лорду Анко подняться.

--- Мы никогда не сомневались в Вас,
верховный лорд. Торговая война обрушилась
на нас столь внезапно...

«Ах ты ж скудоумный слабак, ---
подумалось Чассу. --- Сонгар толкнул нас в
это слепыши, а ты утиляешься. И где же
ты, с которым ты днем призывал нас
действовать решительно?»

--- Зойка оплатится, --- сказал
Сонгар. Часс пристотрелся к движениям
верховного лорда и заметил, насколько
отрывистыми они были. «Это не он», ---
понял Хейтлик. Негодяй отправил

очередную куклу-сервитора вместо себя.

--- Мы связались с Северными
литейными группами и Ванник Магной.
Они укрепят наш гарнизон. Наша
контратака начнется в течение двух
дней.

Одобрительный шум донесся из ямы
общин и гильдийских лож.

Часс поднялся и заговорил:

--- Я полагаю, что в интересах всего
Верзхаста будет просить помощи у
Империи.

--- Нет, --- ответил Сондар быстро. ---
Мы уже побили Зойку однажды; сделаем
это снова. Это внутренние проблемы.

--- Уже нет, --- раздался голос снизу.
Собрание посмотрело вниз на скамьи, где
сидели представители Администратума.
В маске и капюшоне, на ноги поднялся
интендант Бейнфейл из Имперского
Администратума. --- Астронавтические
сообщения уже были отправлены с просьбой
об имперской помощи от военлейстера
Макарота. Вервунское производство
артиллерийских орудий и военного
транспорта жизненно необходимо для

постоянной поддержки Крестового похода на тиры Саббаты. Военмейстер не станет отмахиваться от нашего прошения. Это серьезнее, чем локальные планетарные разборки, верховный лорд Сонгар.

Сонгар или, точнее, то, что его представляло, как будто затрясся на своем троне. Часс предположил, что от гнева. Равновесие между полномочиями улья и Империи всегда было весьма шатким. Улье Вербун, даже в сравнении с остальной знатью Бергхаста. И все же столь серьезные и явные столкновения были редки. Часс хорошо понимал стратегическую ценность вклада улья Вербун и остальных предприятий Бергхаста в благополучие похода, но размах действий интенданта все же поразил его. Администратор был бюрократической правой рукой самого Императора, но обычно они все же склонялись перед волей местного планетарного правителя.

«Все еще хуже, чем показалось сначала», — подумал он, и неприятное

чувство закралось ему в душу.

Держа младенца и таща свободной рукой маленького мальчика, Тона Крийд бежала через горящую северную часть Коммерции. Мальчик плакал. Она ничего не могла пожелать. Если бы они добрались до доков, она смогла бы переправить их через реку в надежное место. Но дороги были забыты. С той же скоростью, с какой прибывали в улей беженцы с юга, местные бежали на север.

--- Куда мы? --- спросил мальчик, Далин.

--- Куда-нибудь в надежное место, --- ответила Тона.

--- Кто ты?

--- Я твоя тетя Тона.

--- У меня нет тети.

--- Теперь есть. У у Янси тоже.

--- Уонси.

--- Как скажешь. Бежим, --- Тона пыталась протащить их через огромную толпу, заполнившую транзитные каналы к докам, но их крепко зажало.

--- Куда мы идем? --- снова спросил

ребенок, когда они укрылись под навесом
магазина, чтобы избежать давки.

— Отсюда. К реке, — таким был план.
Но при такой толчее она не была уверена,
что это возможно. Может, в городе, под
Щитом, было бы безопаснее.

Ребенок заплакал.

Он не мог дышать. Давление и
темнота над ним ошеломляли. Что-то
маслянистое капало ему на глаза. Он
попытался пошевелиться, но ничем
пошевелить не мог. Нет, неправда. Он мог
пошевелить пальцами ног в армейских
сапогах. В рот набилась рокристовая пыль.
Он закашлялся и обнаружил, что легким
не было места развернуться. Он был
придавлен.

Над ним раздавались треск и
звяканье. Он слышал голоса, приглушенные
расстоянием. Он попытался крикнуть, но
подавился пылью, даже для кашля не
хватало места.

Свет. Лучик света, прямо над ним,
когда камень убрали. Камень убрали — и
сразу же осколки поменьше стали давить

сильнее, прижав к земле ноги и таз.

В просвете над ним показалось лицо.

--- Кто там внизу? Ты жив?

Охрипший, с пересохшим ртом, он ответил:

--- Меня зовут Бан Даур. И -- да, я жив.

Дом его семьи опустел. Чиновник Ворлин прошагал внутрь, оставляя цепочку липких кровавых следов. Его клан наверняка был в Легислатуре. Ну и пусть себе престыкаются перед верховным лордом.

Он пересек занавешенную комнату, подошел к тиковому столику возле узорчатого окна и налил себе тройную порцию джойлика. Менкс и Трор ждали в прихожей, нервно перешептываясь.

--- Телохранители! Ко мне! --- позвал Ворлин, когда огонь выпивки разлился по полу. Он взмахнул палочкой-переключателем, но настенный экран крутил лишь имперскую пропаганду. Он вырубил экран и отбросил палочку.

Подошли телохранители. Они оба

снова спрятали оружье, как было положено
в гильдийских домах.

Ворлин уселся на подвесной диван и, улыбаясь, потягивал напиток. За окном раскинулась громогдная туча улья Вербун, многие кварталы объаты пламенем. Небо, выходящее зеленым сквозь Щит, шло рябью под непрерывающимися артострелом.

— Вы сегодня хорошо мне послужили, — сообщил им Ворлин.

Охранники затерли в неуверенности.

— Менкс! Трор! Друзья мои! Налейте себе и расслабьтесь! Ваш хозяин горд вами!

Они засомневались, но затем решились. Трор поднял графин, а Менкс нашел стаканы. Стоило им повернуться спиной, Ворлин вытащил из лотка и выстрелил.

Первый выстрел вышиб позвоночник Менкса, и того швырнуло на столик, который под ним проломился. Трор оглянулся, и второй выстрел разнес вдребезги графин в его руках, а третий взорвал голову и отшвырнул тело на обломки столика.

Ворлин поднялся, не выпуская
вышивку, выстрелил еще тридцать раз по
искореженным трунам, просто гля
порядка. Затем снова сел и, потягивая
напиток, наблюдал, как горит улей
Вервун.

--- Дорога заблокирована, сэр! ---
крикнул водитель танка Каул по
внутренней связи. Прорываясь по Южному
шоссе сквозь обломки внешних труб, все
еще под обстрелом, колонна Каула
добралась до хвоста очереди беженцев,
тянущейся от Сондарских врат.

Каул высунулся из башни, глядя
вперед, в море толкающихся людей.

Западнее падали снаряды, освещая
ночь.

Каул спустился в танк и сказал:

--- Поезжай прямо.

Водитель воззрился на него в
изумлении.

--- Но, комиссар...

--- Ты оспариваешь прямой приказ? ---
рявкнул Каул.

--- Нет, сэр, комиссар, сэр, но...

Каул прострелил ему горло и
вытащил подергивающееся тело с
водительского места.

Он уселся в перелазанное кровью
железное кресло и отправил сообщение по
внутренней связи: «Бронетанковая колонна
За мной».

«Просто трущобные крысы...
бесполезные», --- решил он, направив танк
на толпу, давя все и вся на пути к далеким
воротам улья Вербун.

Глава третья

ПОЛНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

После этого любая битва
будет легкой, победа --- простой,
слава --- пустой.

Генерал Ночес
Штурм, после победы
на Гримойре

Бомбардировки продолжались днем и
ночью еще две с половиной недели. К
двенадцатому дню день и ночь были едва
различимы из-за тумана-дымки, повисшего
над ульем Вербун. Щит оставался
несокрушимым, но южные внешние
трюмбы и предприятия обратились в
выжженную пустошь площадью пятьдесят
километров. Некоторые снаряды
прицельно били с перелетом Щита,
катастрофически повредив незащищенные
северные районы и значительную часть
Хасских доков.

Днем шестого дня маршал Эдрик Кроу, назначенный Легислатурой преемником Гнайда, распорядился закрыть Южные врата в үлей. Новый маршал, брат лорда Кроу из одноименного благородного дома, долго служил старшим полковником в Вербунском Главном, и его назначение поддержали семь из девяти благородных домов. Благородный дом Анко --- выдвигавший собственного кандидата, Хескита Анко, --- голосовал против. Благородный дом Часс воздержался.

Маршал Кроу был бледным светловолосым гигантом, сильно за два метра ростом. Его свирепые черные глаза и тяжелый взгляд были предметом казарменных легенд, но сам он был спокойным, тихим человеком, справедливым и воодушевляющим лидером, за что и был любим людьми. Перевес голосов благородных домов отражал их уверенность в нем --- и то, что они рассчитывали, что он будет отвечать за свои действия при любых обстоятельствах. Хескит Анко, опытное ступлое животное, понимавший войну

скорее с позиций политики, чем тактики, был назначен старшим штабным офицером у Кроу, чтобы дом Анко унялся. Эти двое не ладили, и их гневная ругань в Штабе готов вскоре стала притчей во языцах.

Решение Кроу закрыть врата -- а на тот момент все еще оставалось с полмиллиона беженцев, тянущихся в южные районы в поисках прибежища через Хасский западный, Сондарские врата и врата Кроу, -- удивило дома и всю Легислатуру. Многие сочли, что Кроу уступил постоянному давлению Анко. Дом Часс, дом Рогъин и семь ординарных готов выдвинули вотум порицания, негодую по поводу жестокости таких действий. Полмиллиона, обреченные на смерть у запертых ворот. «Это вызов человечности», -- заявил лорд Рогъин в зале Легислатуры.

На самом же деле на решение Кроу гораздо больше повлиял совет комиссара Каула, который вернулся с фронта на второй день вместе с ключьями уцелевшей танковой дивизии. Несмотря на потери,

которые понесли силы Визолайна, многие
чествовали Каула как героя. Он
единолично развернул более тридцати
машин и экипажей и вернул их домой,
также доставив ценнейшие сведения о
враге. Информационные экраны всюду
превозносили его героизм и преданность.
Его имя звучало в лагерях беженцев, во
всех собраниях рабочих и горожан.
Придумали титул Народного Героя — и он
прижился. Многие ожидали, что его
наградят, низший класс считал его
настоящим народным героем, достойным
звания маршала куда больше, чем Кроу.
Когда на девятый день Легислатурой были
опубликованы нормы воды, пищи и энергии,
на информационных экранах
транслировалось обращение Каула, где он
утверждал, что намерен не только
ревностно блюсти соблюдение норм
друзими, но и нормировать собственный
рацион. Хитроумная пропаганда была
придумана самим Каулом, и население
улья почти единодушно приняло
ограничения, желая быть «верными
Народному Герою и его

самоотверженности».

Кроу быстро понял, что не стоит недооценивать влияние Каула как популярной фигуры. Но это также значило, что ему приходилось считаться со стратегическими идеями Каула.

Кроу, Анко и высший эшелон офицеров провели большую часть пятого дня на совещании. Они до отказа забили зал совещаний в Штабе готов в Главном хребте. Вполне ожидаемое молчание воцарилось среди собравшихся офицеров, когда Кроу предложил Каулу дать оценку силам противника. Каул поднялся, представив обзору грубо, напоказ зашитую шрапнельную рану на лбу (еще один продуманный ход в игре Каула).

--- Трудно переоценить силу противника, --- сказал Каул, и дробные разносы его спокойный голос по огромному залу до самого купола. --- Я нечасто видел военную мощь такого уровня. Восемьдесят или девяносто тысяч единиц бронетехники, тысячи оружейных батарей и многомиллионные пехотные войска.

В зале воцарилось гробовое молчание.

Маршал Кроу попросил комиссара подтвердить только что сказанное. Во время Торговой войны, девяносто лет назад, улей Вербун противостоял армии Зойки в 900 000 человек -- и едва выжил.

-- Миллионы, -- просто повторил Каул. -- Конечно, в моем положении сложно было подсчитать точно, но...

Среди офицеров раздалась стешки.

-- Но я уверен по одному только расположению, что не менее пяти миллионов солдат шли следом за бронетанковым авангардом. И это -- лишь те, кто был в поле зрения.

-- Абсурд! -- вскричал вице-маршал Анко. -- Улей Вербун вмещает более сорока миллионов людей, и мы набираем полмиллиона солдат. Зойка в три раза меньше Вербуна. Как вообще они могли вместить пять или больше миллионов солдат?

-- Я говорю только о том, что видел, -- генерал.

Офицеры перешептывались.

Кроу запросил орбитальные снимки, надеясь, что они либо подтвердят, либо

опровергнут эти невероятные утверждения. Но был от продолжающейся бомбардировки так окутывал континент, что ничего было не разобрать. Он вынужден был положиться на оценку Каула, оценку, которую поддержали многие из оружейных команд, вернувшихся с поля боя.

Также Кроу понимал, что спорить с Народным Героем — политическое самоубийство.

Кроу прочистил горло и посмотрел на комиссара через стол.

— Ваши рекомендации, комиссар?

— Южные ворота в улей нужно закрыть. Рано или поздно бомбардировки прекратятся. И тогда зойканские легионы обрушатся на нас всей своей мощью. Может быть, уже сейчас они приближаются и под прикрытием артиллерии входят в южные районы. Мы должны обезопасить себя.

Кроу молчал. Его офицеры у ворот постоянно приносили ему отчеты о приеме беженцев, неутешительную статистику раненых и обездоленных.

которые пытались попасть в улей уже шестой день. Но с Каулом не поспоришь.

— Южные ворота закрываются завтра в девять. — Кроу надеялся, что ему не придется долго жить с этим бесчеловечным поступком на совести. (Для справки — ему и не придется.)

Пока смысл этого решения доходил до сознания ошеломленных офицеров, полковник Модайл распорядился привести в боевую готовность башенную артиллерию. По первому же сигналу орудия были подготовлены, но более мощные тяжелые пушки, ждавшие своего часа с Торговой войны, все еще хранились на резервных складах внутри самой Куртины. Вице-маршал Анко доложил, что работа уже идет полным ходом. Основная огневая мощь улья будет готова в течение двух дней, так что город наконец-то сможет ответить дальнобойным огнем на бомбардировки.

— Что насчет подкреплений, которые обещал верховный лорд Сондар? — спросил офицер артиллерии.

— Десять полков вспомогательных

войск направляются к нам на юг от Северных литейных групп именно в эту минуту. Улей Ванник обещал девять полков в течение недели.

--- А прошение к Императору? ---
спросил комиссар Тарриан, начальник УКВГ.

Кроу улыбнулся.

--- Воля Императора на нашей стороне. Военлейстер Макарот уже откликнулся на наши просьбы. Обычно его войска находятся в месяце пути, но сейчас нам повезло. Отряд с Монтакса, перегруппировавшийся, чтобы присоединиться к основному походу магистра войны в систему Кабала, находится всего в девяти днях отсюда. Его перенаправили. Шесть пехотных полков Имперской Гвардии и три бронетанковые группы тоже идут прямо к нам.

Зал зашумел, раздались радостные восклицания.

Кроу поднялся и попросил тишины.

--- Но они еще в девяти днях отсюда. Мы должны быть сильными, быстрыми, мы должны хорошо защищаться до их

прибытия. Южные ворота закрываются
завтра в девять.

Жалкое подобие зари просвечивало
сквозь дымовую завесу, когда следующим
утром ворота Церонито Сонгара закрыли.
Несколько десятков беженцев
протиснулись в последние мгновения. У
еще больше оказались раздавлены
захлопывающимися створками. История
повторилась на воротах Хасского западного
и Кроу. Вейвейрские ворота были выведены
из строя в первую же ночь, хотя огонь на
железной дороге уже потушили.
Батальоны Вербунского Главного под
пристотром офицеров УКВГ блокировали
проходы металлическими щитами,
комиссариаат распорядился стрелять по
тем, кто попытается пробраться.

Жалобные крики и вой запертых
снаружи — все это оказалось слишком для
некоторых солдат Вербунского Главного.
В письмах и дневниках многие писали,
что для них это было тяжелейшее
испытание за всю войну. Солдаты,
видевшие закрытие врат на заре шестого

дня, уже потом, пройдя через все, не могли забыть этого. Годы спустя они просыпались в поту ночью или на рассвете, крича, повторяя крики, которые слышали из-за Стены. На тот момент это был самый жестокий поступок в ходе войны, сравниться с ним могут лишь события, произошедшие месяцем позже, когда ворота вновь открыли.

Башенная артиллерия улья Вербун открыла огонь перед обедом восьмого дня. Могучие башни распахивали керамитовые ставни и давали залпы по скоплениям сил противника на дальних лугах. Залпы были встречены удвоенной бомбардировкой от все еще невидимого врага.

Утром одиннадцатого дня войска потянулись по автострадам к северу от Хасса. Двадцать тысяч человек и около пяти тысяч боевых машин, присланных Северными группами в поддержку улья Вербун, — или, точнее, переходу Хасса, который защищал их от надвигающегося Зойки. Поднимая тонны пыли,

бронетранспортеры и танки грохотали
сквозь разбомбленные внешние трупщобы и
уничтоженные фабрики, не страшась
бомбардировки, все еще осыпавшей
снарядами заречье. Тысячи горожан
спасались от обстрела на лодках по реке,
кто-то — пытаясь добраться до дома в
северных наружных трупщобах,
большинство — ища пристанища в
Северных группах. Кое-где толпы беженцев
задерживали продвижение Севгрупп, но
вице-маршал Анко отправлял наряды
УКВГ расчистить путь.

Днем полки Севгрупп спокойно
двигались к ожидающим их лодкам в
доках, а всех беженцев оттеснили к
придорожным полям, чтобы подкрепление
могло пройти. Около трехсот беженцев
были расстреляны при попытке
сопротивляться расчищающему путь
УКВГ.

Беженцы улюлюкали, когда полки
Севгрупп грохотали мимо них. Генерал
Ксанс, Вторая Северная, позднее писал:
«Этот унижительный прием ударил по
боевому духу Севгрупп сильнее, чем тысяча

отчаянного сопротивления на Стене».

Исходя из численности Севзгрупп и вместимости лодок, на то, чтобы переправить их в Вербун через Хасс, должно было уйти четыре дня. Узнав об этом, маршал Кроу распорядился открыть Хасский путепровод, чтобы вновь запустить железную дорогу, закрытую с началом бомбардировки. Некоторые части Севзгрупп, таким образом, оказались в улье уже через два дня. Многие танки и бронетранспортеры пересекли реку сами — прокатившись по рельсам железной дороги. Два дивизиона пехоты Севзгрупп также пересекли реку сами, маршируя в паузах между поездами.

Пока ничего не было слышно от обещанных подкреплений от улья Ванник, крупной нефтеперегонной системы в трехстах километрах к востоку. Ванник обязался обеспечить девять полков, но пока что от них приходили лишь запасы топлива, идущие по восточному трубопроводу. Многие в улье Вербун задумывались, не добрались ли силы Зойки и до них.

На заре четырнадцатого дня в верхнем слое атмосферы завиднелись огни. Сверкая, десантные корабли Имперской Гвардии спустились и направились к главному порту в Каннаке, в ульях Северных групп. Вербунское центральное посадочное поле не могло принять корабли, пока Щит был активирован.

Имперская Гвардия высадилась в Каннаке и затем двинулась на юг следом за силами Севгрупп. Сам вид высокоорбитальных маневров и светящихся в небе кораблей укрепил боевой дух осажденного улья. Гвардия вот-вот прыдет.

Первый, Второй и Четвертый Вольпонские королевские быстро развернулись к югу от Каннакского порта, используя железную дорогу, чтобы быстро проникнуть в глубь улья. Маршал Кроулично встречал генерала Ночеса Штурма, награжденного за победы при Тримойре, на крытой платформе вокзала в Северном хребте. Его приветствовала

огромная толпа официально
благонадежных граждан --- под
пристальным надзором УКБГ.

Разодетых в переливающиеся голубые
платья дочерей благородных домов --- среди
них Мерити Часс, Алинэ Анко, Цонэ
Гавунга и Мёрдит Кроу --- отправили
украстить шелковыми венками Штурма и
его помощников, полковников Жильбера и
Коргея.

Штурма приветствовал и всем
известный комиссар Каул. Изображение их,
улыбающихся, пожимающих руки,
повторили миллионы информационных
экранов по всему улью.

Пятый и Седьмой полки Роанских
Диггеров под командованием генерала
Нэша прибыли в тот же день, но позднее,
едва успев на потпезный фарс. Вице-
маршал Анко приветствовал генерала
Нэша, духовой оркестр играл
торжественные марши. Посреди всеобщего
ликования Нэш заверил, что три полных
Нармянских бронетанковых полка уже
выгружаются из транспортников в
Каннакском порту и к утру уже будут в

путти на юг. Толпа всколыхнулась радостными новостями и встречала уважаемую Гвардию так, словно они уже выиграли войну.

Танитский Первый и Единственный прибыл, почти незамеченный, двутрачными ночью позднее.

Более восьмидесяти матово-черных армейских грузовиков катились по Северному шоссе сквозь северные внешние трубы улья Вербун. Холщевые навесы были откинута, в каждой машине ехало около тридцати солдат Танит, каждый со своим с оружием, поясами, рюкзаками, вещмешками и спальниками. Подскакивающие грузовики — трехосные машины с огромными оскаленными решетками радиаторов и пучеглазыми фарами — были отмечены знаками Севгруппской транспортной дивизии. Запасные колеса и канистры с горючим крепились с обеих сторон.

По бокам от них носилось с десятком человек эскорта верхом на черных же мотоциклах, а позади главной колонны шло еще тридцать высоких четырехосных

машин, груженных ящиками со снарядами и полковыми припасами, а также многочисленными поварами, техниками, механиками, сервиторами и прочими обозниками, следующими за полками Гвардии. Эти грузовики были грязно-желтого цвета раскраски Грузового объединения Каннакского порта, и их груз был накрыт сеткой. Солдаты Севгруппы в бледно-синих формах и фуражках вели все грузовики, но мотоциклисты были из танитских, в узнаваемой темной маскировочной форме. В двенадцати километрах от улья Вербун они приостановились, чтобы просочиться через контрольно-пропускной пункт на шоссе, а оттуда их повел эскорт из двух темно-синих служебных машин офицеров УКВГ.

Фары конвоя освещали путь. Ночь спустилась как-то незаметно в этой густой пелене дыма. Ориентирами оставались лишь разгромленные районы по сторонам, неверный свет зеленого купола над самим ульем, частично скрытым дымом, и редкие вспышки дальнобойных

снарядов, падающих на наружные трюмбы, через которые они сейчас ехали.

Брин Майло, самый младший из Призраков, ехал с первым взводом в головном грузовике. Стройный бледный юноша, только начавший оформляться во взрослого мужчину, — он был единственным не солдатом, выжившим в развалинах Танит, когда его родной мир четыре года назад захватили и уничтожили. Сам комиссар спас его и вытащил из огня, испепелившего Танит.

Долгое время он был сыном полка, всеобщим талисманом, волынщиком, маленькой частичкой танитской невинности, спасенной из ада, напоминая о месте, которое они потеряли. Но шесть месяцев назад, во время битвы при Монтаксе, он, наконец, тоже стал солдатом. Он гордился положенными ему обмундированием и плазганом и следил за выкладкой лучше, чем любой из бывалых танитских солдат.

Он сидел в битком набитом кузове грохочущего грузовика и полировал полковой значок на своем черном берете.

бархоткой.

--- Майло.

Брин взглянул на Ларкина, сидевшего напротив. Жилистый худощавый мужчина, разменявший пятый десяток, был известен невротическим характером не меньше, чем талантом, выдающимся даже среди полковых снайперов. Длинный, особой формы снайперский лазган лежал, завернутый в брезент, у его ног. Ларкин разработал свой снайперский скоп и сейчас использовал его как подзорную трубу, выглядывая из грузовика. Ларкин сказал как-то Майло, что не верит ничему, пока не рассмотрит в свой любимый скоп.

--- Ларкин?

Ларкин ухмыльнулся и ответил на взгляд, бережно передавая юноше хрупкий латунный инструмент. По крошечным рунам, мерцающим на экранчике настроек, Майло понял, что он был настроен на тепловое излучение.

--- Взгляни. Туда.

Майло с недоверием покосился на скоп и поднес его потертое кольцо к глазу. Он увидел сияние и непонятные

перекрещивающиеся росчерки красного.

--- На что я смотрю?

--- На улей, мальчик, на улей.

Майло снова посмотрел. Он опознал в сиянии желтый купол Щита, огромного энергетического поля, скрывающего город улей впереди.

--- На вид достаточно большой и достаточно уродливый, чтобы сам мог пристотреть за собой, --- высказался он.

--- Так говорят о многих из нас, --- сказал полковник Корбек, держась за железные поручни и подсаживаясь к Майло и Ларкину. --- Улью Вербен сейчас тяжело, говорят.

--- Улей Вербун, шеф, --- поправил сидевший рядом рядовой Бёрун.

--- Фес тебя, утник! --- Корбек пихнул ухмыляющегося солдата. --- Видит фес, я иля-то свое не всегда помню, что уж и говорить о том, куда меня занесло.

Первый взвод разразился хохотом.

Майло протянул руку Корбеку, но тот отмахнулся от него безо всякого интереса.

--- С местом, которое меня убьет.

когда встречусь, тогда и встречусь.
Сильно мне надо на него еще и заранее
глазеть!

Майло вернул драгоценный скот.
Ларкин, тот бросил еще один взгляд на
улей и спрятал инструмент в мешок.

--- Насмотрелся вдоволь, Ларк? ---
спросил Корбек, хватаясь огромными
руками за поручни над головой, и его
бороду прорезала зубастая ухмылка.

--- Насмотрелся вдоволь, чтобы знать,
куда целиться, --- отозвался Ларкин.

В трясущемся кузове третьего
грузовика третий взвод резался в карты.
Рядовой Фейгор, опасный худой человек с
тяжелыми веками, выторговал полную
колоду таро у кого-то из
Административа и теперь заправлял
игрой в «сердца и титаны».

Рядовой Бростин, огромный, крепкий
и лачный, проиграл уже столько, что
готов был поставить свой огнемет вместе
с горючим на следующий кон.

Фейгор, зажав сигару в острых зубах,
постеялся над отчаянием Бростина и сдал

заново.

Пока он тасовал большие картонные карты и раскладывал на решетке, взвод собирал монеты, лятые банкноты, кольца и порции табака.

Рядовой Каффран наблюдал за ставками. Невысокий, молодой и целеустремленный, всего годом старше Майло, Каффран заслужил уважение во время береговой атаки на Оскрай в прошлом году. Каффрану не нравились карты, но во взводе Роуна так легче было стать своим.

Майор Роун сидел в кузове, спиной к стене водительской кабины. Вторым офицером Таним, он был печально известен раздражительностью, вероломством и пессимизмом. Корбек частенько сравнивал его со змеей — как физически, так и по характеру.

— Сыграете, майор? — спросил Фейзор, приостановив раздачу.

Роун покачал головой. Он уже проиграл достаточно своему адъютанту за последние сорок дней перелета на транспортном корабле.

Сейчас он уже почувал войну и потерял интерес к пустым играм.

Фейзор пожал плечами и закончил раздачу. Каффран поднял карты и вздохнул. Бростин поднял свои карты и вздохнул еще тяжелее. Он прикидывал, прикупит ли как ставку шерстяные носки.

Мотоциклисты летели по обе стороны несущихся грузовиков, указывая направление. Сержант Маколл, командир разведчиков, вклинился между двумя транспортирующими машинами, чтобы успеть увидеть выплывающий из дыма улей раньше них. Город был огромен, больше, чем он когда-либо видел, точно больше, чем города-бастии Танит.

Взревев мотором, он рванул вперед, миновал служебные машины местного комиссариата и возглавил колонну, несущуюся по разбитому шоссе к докам.

Залп снарядов обрушился на внешние трющобы на востоке. Дорден, пожилой седеющий старший медик Танитского полка, приподнялся, чтобы посмотреть.

Пожары, яркие, лимонного цвета, с шипением вздымались над отдаленными взрывами. Грузовик подскочил на колдобине, и Дорген хлопнулся на задницу.

--- Чего высматриваешь? --- спросил

Бразз.

--- Не понял? --- переспросил доктор.

Бразз перевернулся на своей неудобной койке. Он был огромен, больше, чем любые двое Призраков вместе взятые.

--- Мы доберется туда рано или поздно. Ползет там рано или поздно. Чего ради стараться заранее рассмотреть нашу смерть?

Дорген стерил гиганта взглядом.

--- Стакан наполовину пуст или наполовину полон, Бразз? --- спросил он.

--- Какой еще стакан?

--- Гипотетический. Наполовину пуст или наполовину полон?

--- Да, так о каком стакане речь-то?

--- Воображаемом стакане.

--- А что в нем?

--- Неважно.

--- Мне важно, док, --- пожал плечами

Бразз.

--- О, ну ладно... сакра в нем.
Наполовину пүст или наполовину полон?
--- Сколько сакры? --- уточнил Брагг.
Дорген открыл рот, потом еще раз,
потом сел на место.

--- Забүдь.
Брагг вытащил матерчатую флягу.
--- Вот она, сакра, --- объявил он.
--- Спасибо, не сейчас, --- ответил
Дорген, подняв руки, словно сдаваясь.

Брагг сел напротив него в
трясущемся кузове, кивнул и сделал
глубокий глоток.

Снаряды с воет упали в
полукilометре от дороги, достаточно
близко, чтобы стало неуютно. Дорген
потянулся к фляге.

--- Ладно уж, раз она здесь...

Сержант Варл, сжимая железные
поручни койки жужжащей механической
рукой, пытался поднять боевой дух своих
людей, заведя песню. Некоторые
присоединились без особого энтузиазма,
подпев куплет или два из «Выше небес,
дальше дали», но вскоре затихли. Когда

Варл попытался снова, ему посоветовали заткнуться.

Сержант лагил с людьми лучше большинства офицеров в полку и знал, когда отчитать, а когда оставить в покое. Он достаточно прослужил рядовым.

Сейчас настрой взвода был плохим. У Варл знал почему. Никто не хотел. Никто не хотел ввязываться в войну между людьми.

«Магнификат» ожидал в северных доках, когда появилась первая колонна, заливая огнями ночь. Все лодки на Хассе работали вовсю, река оставалась судоходной, и грузы боеприпасов и амунниции из Северных групп прибывали один за другим. Отряды Вербунского Главного в синих шинелях, серых портупеях и характерных шинастых шлемах вместе с людьми из УКВГ, сервиторами и горсткой чиновников и инспекторов в красных мантиях Административа контролировали перевозчиков на реке — к негодованию постоянных портовых работников из гильдии доковладельцев.

Священники из Екклезиархии тоже явились на третий или четвертый день, заведя постоянное «дежурство» молитв, чтобы защитить переправу и обезопасить русло и виадук. Клирики, все в капюшонах, столпившись вокруг жаровни на краю пирса, нараспев читали молитвы. Каждый раз, когда Фолик подводил «Магнификат» к причалу на северном берегу, они были там. Казалось, они никогда не спали, никогда не отдыхали. Он завел обычное кивать им каждый раз, когда его паром скользил мимо них. Они никогда не отвечали. В эту ночь Фолик рассчитывал принять больше груза, но солдаты готов, направляющие сейчас в доках, отвели ему причал в стороне, чтобы транспорты с войсками могли свободно проезжать на посадочные платформы.

Фолик бережно подвел древние турбины к причалу, и Мясорубка бросил якорь.

Первые два грузовика с рычанием взгромозились на паром. Мясорубка парой светильников указал им на трюм.

Высокая фигура в глинном плаще выпрыгнула из кабины первого грузовика. Мужчина подошел к работнику дока Фолику.

Фолик практически оцепенел при виде комиссарского значка на фуражке. Благоговейная улыбка исказила его заляпанное маслом лицо, и он снял свою шерстяную шапку в знак уважения.

--- Сэр, ваше присутствие на борту --- большая честь для нас!

--- ...и удовольствие для меня. Как вас зовут?

--- Фолик, сэр Герой Империи!

--- Я... я не подозревал, что моя репутация настолько опередила меня. Приветствую, Фолик.

--- Это подлинная честь, сэр, --- переправлять ваши войска в улей Вербун.

--- Я благодарен за эту честь, Фолик. Мои первые машины на борту. Продолжим?

Фолик кивнул и метнулся прочь, чтобы велеть Мясорубке отвязывать канат.

--- Сам комиссар Каул у нас на борту! -

--- выдохнул фолик своему помощнику.

--- Каул? Ты уверен? Народный Герой?

--- Это он, говорю тебе, во плоти, бесстрашный ублюдок, прямо здесь, у нас на лодке!

У палубы полковник-комиссар Убрам Таунт оглянулся на них и улыбнулся, услышав их разговор.

«Магнификат» находился в фарватере, когда небо на востоке залило светом. Все вздрогнуло, словно порыв ветра пролетел над водой. Горизонт на востоке осветило полночное солнце.

--- Что это было? --- прокричал Масорубка. Зашумели солдаты.

Таунт поднял руки, прикрывая глаза от света, и в этот миг горячие волны покатились по реке. Он легко узнал признаки ядерного взрыва.

--- Это было начало конца, --- сказал он.

Глава четвертая

КОНЕЦ УЛЬЯ

Безумие! Безумие! Да что
за войну мы ведем?

Маршал Эдрик Кроу,
услышав новости из
Ванника

Каул направился прямо в Штаб
готов, когда ему воксировали новость. Он
обходил южную Куртину, так что ему
потребовался почти час, чтобы пересечь
улей и попасть в Главный хребет.

Зал управления был в хаосе. Клерки
Муниторума, полковые помощники и
прочий младший персонал суетились,
переговаривались, паниковали, передавали
доклады операторов, следя за работой
главных тактических когитаторов,
сконцентрированных на нижнем уровне
огромной округлой комнаты. Многие
офицеры Вервунского Главного и

некоторые из УКВГ тоже толклись тут, надеясь выяснить, правдивы ли слухи.

Каул протолкался мимо зевак в дверях зала и отправил многих на их станции в достаточно резких выражениях. Никто не пререкался. Они салютовали и быстро освобождали ему дорогу. Он пересек широкий зал и поспешил по железной лестнице на верхний этаж, где начальники отделов собрались за огромным подсвеченным схемным столом. Младшие помощники и техники, многие с важными вокс-докладами, освобождали ему дорогу без вопросов.

Маршал Кроу председательствовал за схемным столом. Его глаза были темнее, чем когда-либо прежде, а фуражку он снял, так как она была слишком тяжела сегодня. Его личный телохранитель Усак, облаченный в бронированный бордовый костюм, с кобурой под мышкой, маячил у него за плечом. Вице-маршал Анко, одетый в увешанную медалями белую парадную форму, стоял рядом, бросая сердитые взгляды. Он был на торжественном ужине, организованном

Домом Анко, чтобы приветствовать
вольпонцев. Штурм и его помощники
стояли рядом, облаченные в парадную
форму Вольпона. Здесь же был и Ксанс из
Севзрунн, выглядящий усталым и
измученным, так же как и остальные его
старшие офицеры; нартыанин Гризмунд и
его танковые бригады, Нэш из Роанских
Диггеров со своими агьютантатами и еще с
десяток старших офицеров Вербунского
Главного, а также комиссар Тарриан из
УКВГ.

--- Это правда? --- спросил Каул,
снятая фуражку, но не утруждаясь больше
никакими формальными приветствиями.

Кроу кивнул --- молча.

Тарриан прокашлялся.

--- Улей Ванник уничтожен девятью
минут назад.

--- Уничтожен?

--- Уверен, вы знакомы с этим
понятием, Каул, --- ровно сказал Кроу. ---
Его больше нет.

--- Зойке оказалось это по силам. Мы
не понимаем, как. Каким-то образом они
пробрались внутрь Щита и взорвали

агерную ботбу...

Кроу прервал Анко на полуслове:

--- Как --- не главный вопрос, вице-маршал! Есть тысячи «как» для обсуждения! Главный вопрос: почему?

--- Я согласен, маршал, --- заговорил генерал Штурм. --- Мы должны учитывать, что это могло быть непреднамеренно. Я видел города, уничтоженные случайно, из-за нерасчетливой атаки. Возможно, лейтенант Зойка намеревался захватить Ванник, но не рассчитал... силу.

--- А как ее рассчитать, когда используешь атомное оружие? --- Поинтересовался спокойный голос, донесшийся от лестницы. Собравшиеся повернулись.

--- Гаунт... --- Полковник Жильбер из вольпонцев выдохнул с присвистом.

Высокий новоприбывший носил комиссарскую фуражку и глиняный черный кожаный плащ. Он шагнул к ним в запыленной в пути одежде и энергично салютовал маршалу Кроу.

--- Полковник-комиссар Гаунт.

Санитский Первый. Мы прибыли, чтобы поддержать вас, и тут как раз это произошло.

--- Добро пожаловать, Гаунт. Жаль, что события отравляют радость видеть вас, --- ответил беловолосый гигант с уважением. --- Расквартированы ли ваши люди?

--- Они направлялись к своему расположению, когда я уходил. Я прибыл так быстро, как только мог.

--- Знаменитый Гаунт, --- шепнул Анко Тарриану.

--- Ты, конечно, имеешь в виду --- печально знаменитый? --- пробормотал Тарриан в ответ.

Гаунт подошел к схемному столу, стаскивая перчатки и изучая дисплей. Затем поднял взгляд и коротко кивнул, приветствуя Нэша.

--- Рад встрече, генерал.

--- Рад видеть вас, комиссар, --- ответил Нэш. Их силы служили бок о бок на Монтakse, и они испытывали искреннее взаимное восхищение друг другом.

Гаунт приветствовал нармянских

офицеров, затем посмотрел на Штурма, Жильбера и остальных вольноонцев, недружелюбно воззрившихся на него.

— Генерал Штурм, счастливы видеть вас. И майор Жильбер.

Жильбер чуть было не ляпнул что-то, но Штурм шагнул вперед, протягивая Гаунту руку.

— Отвага Жильбера при Монтанксе принесла ему звание полковника, Гаунт.

— Мои поздравления, Жильбер, — широко улыбнулся Гаунт и крепко пожал руку генералу.

— Отрадно знать, что к нам присоединились еще отважные, надежные силы Гвардии, Гаунт. Добро пожаловать.

Гаунт улыбнулся про себя. Последний раз, когда он лично встречался со Штурмом, еще на Вольтеманде, напыщенный осел грозил ему военнопольным судом. Гаунт не забыл, что бездумные приказы Штурма привели к обстрелу своих, и это стоило тяжких потерь рядом Призраков.

«Да ты разыгрываешь это шоу товарищества, просто чтобы выглядеть

получше в глазах местных вельмож, — подумал Гаунт, отвечая на взгляд Штурта прямо и не мигая. — Ты невероятная дрянь, и мне жаль, что здесь заправляют подобные тебе». Но Гаунт был «политическим животным» не менее искусственным, чем военным лидером, и прекрасно знал, как играть в эти игры.

— Не сомневаюсь, что наши достойные братья с Вольнона справились бы и без нас.

Штурм кивнул, завершая рукопожатие, и явно пытался разобратся, было ли в комплименте Гаунта завуалировано некое оскорбление.

— Исходя из вашего первого замечания, можно ли предположить, что вы рассматриваете гибель улья Ванник как предумышленные действия? — Каул шагнул вперед, чтобы посмотреть в лицо Гаунту. Имперские комиссары обменялись короткими приветственными кивками.

— Комиссар Каул, Народный Герой. Много воды утекло с Бальгаута.

— Но память свежа, — ответил Каул. Гаунт отвернулся.

--- Каул понял меня верно. Противник преднамеренно уничтожил улей Ванник. Какие еще могут быть объяснения применению ядерного оружия?

--- Сүциг, --- сказал Гризмүнг. --- Загнанный в угол, измученный осадой --- возможно, акт отчаяния перед лицом ликующего противника. Взрыв ядерного завода улья.

Несколько вервүнских офицеров выразили недоверие.

--- Вы мало знакомы с Бергхастом, генерал, так что мы не станем обижаться на ваш комментарий, --- мягко сказал Тарриан. --- Но ни один бергхастит не опустится до такого малодушия, чтобы уничтожить себя на глазах у врага. Ульи --- это все, храни нас Император. Мы прославляем и почитаем Его через них. Улей Ванник уничтожил бы себя не скорее, чем мы.

Многие за счетным столом поддержали его.

--- Храбрые слова, --- сказал Гризмүнг. --- Но если завоюют этот улей, спаси нас Император... Отдадите вы его в руки

врага?

Множество негодующих голосов раздалось в зале, но слова Гаунта заставили всех умолкнуть:

— Я уверен, что генерал не ставит под сомнение вашу преданность. У есть логика в его словах, но я сомневаюсь, что Улей Ванник поддался чему-то, кроме превосходящей силы захватчика.

— Но почему? — воскликнул Кроу. — У вот снова этот вопрос! Вторжение, завоевание... это я могу понять! Но уничтожить то, что хочешь захватить? В чем смысл?

— Маршал, мы должны признать горчайшую правду, — сказал Гаунт. — Я изучил присланные мне данные по этому вопросу. Помнится, комиссар Каул докладывал о миллионах врагов — оценка, не выдерживающая никакой критики, если учесть вместимость Феррозойки. Вот где ответ. Улей Вербун может собрать миллион солдат из населения в сорок миллионов. Зойка может собрать миллионы солдат, располагая населением, в три раза меньшим... только если

задействовано все население.

--- Что? --- рывкнул Анко, пораженный нелепостью идеи.

--- Продолжайте, комиссар, --- сказал Кроу.

--- Это не завоевательная война. Это не война ульев, не коммерческая стычка, не новая Торговая война, как вы это называете. Зойка собирается, вооружается и нападает, не чтобы завоевать и контролировать промышленность ульев на этой планете или поработить старого соперника --- улей Вербун. Они поднялись, чтобы истребить вас.

--- Скверна, --- пробормотал генерал Нэш, медленно осознавая.

--- Именно, --- сказал Гаунт. --- Чтобы обратить в армию не только боепригодных мужчин, но и рабочих, их семьи, нужен склад ума фанатика: вирус безумия, порча, скверна. Порочные силы Хаоса овладели Зойкой, в этом нет сомнений. Яг варна просочился в умы ваших достойных соседей и наставил каждого мужчину, женщину, даже ребенка, на безумный путь уничтожения этого

мира и всего, что есть в нем.

Глава пятая

ЗАКРЫТЬ КВАРТАЛЫ

На войне лучше сперва
разобраться, каких врагов
имеешь в собственном стане,
раньше, чем ты выйдешь
навстречу противнику и
начнешь гадать, почему ты
вышел один.

Воентейстер Слайдо.
Трактат о природе
военного дела

Группа местных солдат в синих
шинелях ждала их у входа в выцветший
комплекс навесов в ослепительно-белом
свете натриевых ламп. Оружие висело
через плечо, на головах были шерстяные
фуражки, на перевязях болтались
шинастые шлемы. Они фонариками

указывали отряду дорогу.

Сержант Маколл первым попал внутрь комплекса, вздымая мотоциклом волны маслянистой грязи на асфальтовой дороге, и поставил мотоцикл на подножку. Тяжелая машина накренилась влево и затихла, оборвав гортанное урчание. Маколл спешился, как раз когда транспортеры танкеток с грохотом вкатились во двор следом за ним.

Маколл встопорился в заводские навесы вокруг них. Унылое место, но Санитскому Первому приходилось и похуже. Несмотря на рев моторов и крики, он ощутил присутствие кого-то за спиной и развернулся прежде, чем тот успел вытолкнуть слово.

--- Потише! --- сказал некто, подошедший со спины. Это был высокий, хорошо сложенный мужчина лет двадцати с небольшим, одетый в местную униформу. Застежки на воротнике капитанские. Его правая рука была натертво прижата к груди толстой перевязью, так что шинель надела лишь наполовину, на второе плечо - внакидку. Маколл подумал: капитану

повезло, что рукав пустовал временно.

Маколл кратко салютовал.

--- Простите, вы застали меня врасплох. Сержант Маколл, Пятый взвод, Танитский Первый и Единственный.

Капитан неловко салютовал в ответ левой рукой. Маколл заметил, что он к тому же хромал, а на лбу, щеках и вокруг глаз красовались желтоватые синяки.

--- Капитан Бан Даур, Вербунский Главный. Добро пожаловать в улей Вербун.

У Маколла вырвался хрюкающий смешок. Его еще никогда не встречали столь радушно в зоне боевых действий.

--- Не могли бы вы представить меня своему главнокомандующему? --- поинтересовался Даур. --- Меня назначили вашим квартирьером. Не очень-то гожусь для чего-то другого, --- добавил он, горько устехнувшись и бросив взгляд на перевязанную руку.

Маколл пристроился в шаг елму, и они двинулись сквозь столпотворение людей, грузовиков, выхлопы моторов и разгрузочную суету. В резком свете осветительных панелей они отбрасывали

короткие, грожащие черные тени.

--- Вы уже повидали сражение? ---
спросил Маколл.

--- Ничего, за что можно дать медаль, --- ответил Даур. --- Я был на крепостном валу в первый день, когда начался обстрел. Даже не успел разглядеть, куда стрелять, когда мою позицию стяли, а меня погребли под обломками. Еще несколько недель, прежде чем я поправляюсь, но мне хотелось быть полезным, так что я вызвался стать вашим связным.

--- То есть вы еще даже не видели врага?

Даур покачал головой.

--- Никто не видел, кроме Народного Героя Каула и еще нескольких, кому повезло вернуться с поля.

Корбек стоял возле своего грузовика и курил, безмятежно оглядываясь по сторонам, безучастный к шумной активности вокруг себя. Он медленно повернулся, прикидывая масштабы улья, все, что раскинулось дальше сияния

панелей с натриевыми лампами, возвышающиеся заводы и плавильни, зашитые крыши рабочих туннелей, огромный крест какой-то базилики Эпиклезиархии, а позади всего — громада Главного хребта, умопомрачительно исполинская масса, светящаяся миллионами окон. Огромная, как фесовый горный пик, гора на...

Ни на чем. Он все еще забывал иногда.

Его взгляд приковала могучая колонна, возвышавшаяся неподалеку от Главного хребта, почти такая же заметная, как сама «гора» улья. Она, похоже, отмечала сердце города. Из ее вершины вырывались толнии трескучей энергии, которые затем впитывались сияющим зеленым Щитом, куполом, покрывавшим город. Корбек никогда еще не видел эффект щита таких масштабов. Это было нечто. Он посмотрел на юг и увидел пульсации света там, где снаряды падали на Щит, чтобы, отброшенными, взорваться без вреда. Действительно, нечто — и, главное, нечто работающее.

Он затаился, и уголек на конце

сигары засветился красным. Самые
размеры этого места потребуют времени,
чтобы привыкнуть. Он видел, как онемели
его парни, когда попали в улей, как
разинули рты, пораженные
монументальностью архитектуры. Он
знал, что благоговение из них надо выбить
как можно быстрее, иначе они будут
глазеть по сторонам, вместо того чтобы
сражаться.

— Потужи-ка это! — решительно
распорядился голос позади.

Корбек развернулся, сначала он
ожидал увидеть Гаунта. Но лишь
мгновение. Подкравшийся к нему комиссар
не имел ничего общего с Гаунтом. Он
носил местную символику, и его пухлая
физиономия выглядела бледной и
нездоровой. Корбек ничего не сказал, а
лишь вытащил сигару изо рта и поднял
бровь. Он был выше среднего в черный плащ
офицера на добрых сантиметров двадцать
пять.

Человек сбавил обороты,
внепечтленный размерами Колма Корбека.

— Комиссар Лангана, УКВГ. Это

охраняемая зона. Помыши этот хренов
окурок!

Корбек зажал сигару губами и, по-
прежнему молча, постучал по
полковничьим наконечникам на своем
аксельбанте.

--- Я... --- начал комиссар. Потом,
оценив ситуацию, развернулся и ускользнул
прочь.

--- Полковник?

Маколл приближался с еще одним
местным, но счастью --- кем-то из
регулярной армии, а не твердолобым
комиссаром.

--- Это капитан Даур, наш офицер
связи.

Даур щелкнул каблучками так бодро,
как только может раненный в ногу, и
отдал честь левой рукой. Он удивленно
моргнул, когда Корбек сам вытянул левую
руку без колебаний. И пожал ее. Хватка
была крепкой. Даур сразу же проникся
симпатией к этому бородатому
штатированному зверюге. Он с одного
взгляда разглядел ранение и проявил
уважение без лишних слов.

--- Добро пожаловать в улей Бервун, полковник, --- сказал Даур.

--- Не могу сказать, что счастлив быть здесь, капитан, но война есть война, и мы идём, куда нас посылает Император. Это вы организовали расквартирование?

Даур оглядел подгнивающие навесы, под которыми Танитский Первый раскладывал рюкзаки и аккуратно расставлял лампы в порядке, принятом во взводе.

--- Нет, сэр, --- ответил он застенчиво. --- Я хотел чего-то получше. Но в улье нет свободного места.

--- В таком огромном городе? --- захохотнул Корбек.

--- Нас потеснили беженцы и раненые с Юга. Все территории и помещения, Коммерция, Посадочное поле и заводы --- все было открыто, чтобы разместить их. Я вообще-то запросил места получше внизу Главного хребта для ваших людей, но вице-маршал Анко распорядился поселить вас поближе к Куртине. Вот так. Складские помещения Юго-западного хитзавода Гавунды. К счастью или нет...

Корбек кивнул. Вшивые сараи хитзабога для Танитских Призраков. Он поспорил бы на месячное жалование, что Вольпонские Аристократы этой ночью расположились уж точно не в законченных ангарах.

--- Мы очистили семь тысяч квадратных метров под навесами, и я могу запросить еще, если вам нужно место, чтобы хранить припасы.

--- Нет необходимости, --- ответил Корбек. --- Нам всего-то один полк. Много места не займет.

Даур отвел обоих в главный ангар, где большинство Призраков обустроивали свои места. Через открытое окно Корбек увидел другой просторный навес, под которым разбивали лагерь остальные.

--- Мои люди оборудовали вон там отхожее место, а слева под этими навесами все еще работает несколько туалетных комнат с удобствами, --- Даур поочередно указывал на упомянутые удобства. --- Пока основное водоснабжение работает, души доступны. Но я взял на себя смелость запастись баками с водой и

топливом, на случай если снабжение будет прервано.

Корбек посмотрел, куда указывал Даур, и увидел возле западного забора ряды автоцистерн с баками горючего и водонапорными трубами.

— Под навесами «Три», «Четыре» и «Пять» — запасы пищи, в основном скоропортящейся, снаряжение прибывает к рассвету. Штаб готов запросил у гоманко еще вон тот амбар, чтобы обустроить вам лазарет.

Корбек взглянул на рахитичный глиняный сарай, на который указывал Даур.

— Отправь Доргена осмотреться, Маколл, — распорядился он. Маколл остановил проходившего солдата и отправил его за старшим медиком.

— Я также установил главную и внутреннюю вокс-линии в боковых офисах вот здесь, — сообщил Даур, проводя их через низенькую дверь в то, что когда-то было кабинетом начальника завода. Комнаты были покрыты пылью и паутиной, но два драгоценных вокс-аппарата установлены на расчищенных

скачьях у стены; они мигали, включенные, и стрекотали пошурри из посторонних разговоров. Рядом с установками лежали даже свежие рулоны бумага и свинцовые палочки. Основательность вызвала у Корбека улыбку. Наверное, это менталитет рабочих улья.

--- Я предположил, что здесь поселитесь вы, --- сказал Даур. Он указывал Корбеку на боковой офис с терминалом и раскладным столом. Корбек заглянул, кивнул и повернулся лицом к капитану.

--- Я думаю, вы постарались, чтобы мы «добро пожаловали», Даур, несмотря на условия, предоставленные правителями улья. Вы, кажется, позаботились обо всем. Я не забуду о ваших хлопотах.

Даур кивнул, довольный.

Корбек вышел из офиса и крикнул:

--- Сержант Варл!

Варл бросил то, чем был занят, и пересек ангар, петляя между обживающимися Призраками.

--- Полковник?

--- Лукуй. Ты выиграл пристопр за припасами. Навесы вон там, --- Корбек

перезглянул с Дауром для верности, -- для складов. Разберись там и вытаскивай наши пожитки из машин.

Барл кивнул и бросился разыскивать добровольцев.

Корбек с Дауром и Маколлом по правую руку наблюдал за деятельностью расквартировывающихся солдат.

-- Похоже, Призраки устраиваются как дома, -- пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

-- Призраки? Почему вы называете их так? Откуда вы? -- спросил Даур.

-- Танит, -- ответил Маколл.

Корбек грустно улыбнулся и возразил сержанту:

-- Ниоткуда, капитан Даур. Мы из ниоткуда, вот почему мы призраки.

-- Это единственное доступное место, -- сухо сказал комиссар Лангана.

-- У оно не подходит, -- отозвался Дорден, отшатывая слабо освещенный ангар, отмечая разбитые окна, груды мусора и слои пыли. -- Я не могу разбить полевой госпиталь здесь. Грязь убьет

больше моих однополчан, чем враги.

Офицер УКВГ одарил врача кислым взглядом.

--- Распоряжения вице-маршала совершенно определены. Это место предусмотрено отдать под медицинские нужды.

--- Мы могли бы прибратся, --- предложил рядовой Лесн, тощий застенчивый парень. Он заглядывал в дверь вместе с Чайкером и Фоскином. Эти трое являлись ординарцами Доргена, солдатами, которых к работе в полевом госпитале готовил сам старший медик. Герран и Мтейн, единственные квалифицированные медики, кроме Доргена, остривались.

--- Чем? --- поинтересовался Дорген. --- К моменту, когда мы отиграем это место, война уже закончится.

Лесн пожал плечами.

--- Придется вам управиться. Это война, --- объявил Лангана. --- Война всех уравнивает и заставляет нас проявлять чудеса силы и изобретательности.

Дорген повернулся, чтобы взглянуть

прямо в пухлую физиономию
политофицера.

— Ты эти бредни сам сочиняешь, или
кто-то пишет их для тебя?

Ординарцы за его спиной попытались
скрыть смех кашлем. Герран и Мейн
просто расхохотались.

— Я могу устроить вам
неприятности за такие оскорбления! —
выплюнул Лангана. Гнев покрыл пухлые
щеки пятнами.

— А? — ответил Дорген, будто не
расслышав. — И лишит полк Улперской
Гвардии старшего медика? Ваш вице-
маршал не обрадуется этому, не так ли?

Лангана подыскивал ответ, когда
сильный женский голос прокатился эхом по
грязному ангару.

— Я ищу врача! Здесь есть врач?

Дорген отстранил негодующего
комиссара и пошел к двери. Его
встретила невысокая стройная молодая
женщина в облегающей красной форме с
расшитыми обшлагами. Она несла
медицинский набор, ее сопровождали еще
пятеро в такой же форме: трое мужчин и

две женщины.

--- Дорген, старший санитарный инспектор, Санитский Первый.

--- Военный врач Анна Кёрт, Общественное медицинское учреждение внутренних трущоб 67/тв, --- ответила она, кивая и отмахивая ладонью. --- Капитан Даур, ваш офицер связи, был обеспокоен состоянием здания и обратился к моему учреждению за помощью.

--- Как видите, Анна, место совершенно непригодно, --- сообщил Дорген, плавным жестом обведя картину запустения.

Она на мгновение нахмурилась. Ее удивило то, что он называл ее по имени. Такое пренебрежение формальностями не было принято в улье. Это было неучтиво, почти снисходительно. Она долго шла к этому статусу и этой должности, не меньше, чем кто-либо в улье.

--- Военный врач Кёрт, доктор.

Дорген оглянулся, удивленный и явно расстроенный, что чем-то оскорбил женщину. За его спиной ухмыльнулся Лангана.

— Моя вина. Военный врач Кёрт, в
самом деле, — Дорген отвернулся. — В
общем, как видите, это не место для
раненых. Могли бы вы... помочь нам?

Она стерла его взглядом, все еще
напряженная, но уже успокаивающаяся.
Что-то в его усталом,
покровительственном голосе заставило ее
почти пожалеть о своем резком тоне. Это
не был какой-то бравадный солдафон,
пытающийся за ней приударить. Это был
пожилой мужчина с опущенными плечами.
В его голосе чувствовалась усталость,
какую не снимет даже сон. Его старые
глаза слишком много видели.

Анна Кёрт повернулась к Лангане.

— Я даже скот в таком месте
лечить не буду. Я немедленно оформляю
докладную на сей счет.

— Вы не можете... — начал Лангана.

— О нет, могу, комиссар! Пятый
Билль о правах, поправка 457/hj: «В ходе
военного столкновения медицинские
учреждения имеют право затребовать все
доступные ресурсы для поддержания
компетентной врачебной работы». Мне

нужны очистные команды здесь, к утру, с
брандойтами и паровыми чистящими
машинами. Нужны дезинфицирующие
распылители. Нужны шестьдесят коек с
бельем, четыре операционных стола и
платны, экраны и инструменты, ширмы к
стенам и окнам, нормальная мощность
освещения, вода и проверенное отопление ---
и заплатки на этой гребаной крыше! Ясно?

--- Я...

--- Вы. Поняли. Меня, политофицер
Лангана?

Лангана колебался:

--- Мне придется обратиться в Штаб
готов с этими требованиями.

--- Так вперед! --- равкнула Кёрт.
Дорген поднял взгляд. Она ему уже
нравилась.

--- Используйте мой настольный код
678/си. Ясно? Это даст вам полномочия
поглотить мои требования. У
пошевеливайтесь, Лангана!

Комиссар коротко салютовал и
промаршировал прочь из комнаты. Ему
пришлось протолкаться мимо
ухтыляющихся танитских ординарцев.

Дорген повернулся к женщине.

--- Мои благодарности, военный врач.
Кёрт. Танитский у вас в долгу.

--- Просто делайте свою работу, и мы
поладим, --- ответила она резко. --- Сейчас
ко мне больше не поступают раненые
беженцы. Но я не хочу, чтобы поток ваших
пациентов затопил меня, когда начнется
бой.

--- Конечно не хотите. Я вам
признателен, военный врач.

Дорген одарил ее искренней улыбкой.
Она, казалось, готова была смягчиться и
улыбнуться в ответ, но отвернулась и
повела свою команду к двери.

--- Мы вернемся через два дня, чтобы
помочь вам установить все.

--- Доктор?

Она остановилась и оглянулась.

--- Насколько вы загружены?
Ранеными, я имею в виду?

Она вздохнула.

--- До предела.

--- Вам пригодились бы еще шестеро
опытных врачей? --- спросил Дорген. Он
небрежно тахнул в сторону коллег-медиков

и ожидающих ординарцев. --- Будит
Император, нам пока не за кем
ухаживать. Пока не появятся раненые, мы
будем рады помочь вам.

Кёрт взглянула на старшего
санитара.

--- Спасибо. Мы благодарны за ваше
предложение. Следуйте за нами,
пожалуйста.

Барл следил за наполнением склада,
еще и перетаскивая больше грузов
благодаря искусственной руке. Орудья
командой из сорока человек, он загружал
складское помещение танкетскими
припасами. В сарае было уже полно всего,
удобно подписанного и отмеченного в
инфопланишете декларации, но все еще
оставалось более чем достаточно места
для припасов и амуниции, которые они
привезли с собой.

Еще один грузовик подъехал к дверям,
мизгая фары, и Домор, Кокоэр и Бростин
помогли перетаскать ящики со
скоропортящимися припасами на
отведенные полки. Барл определил еще

один отсек под ампуницию, которая, как ил
сказали, придет позже.

Каффран остановился передохнуть,
когда сержант позвал его.

--- Обойди кругом, --- распорядился
Барл. --- Проследи, чтобы амбар с тыла
был защищен.

Каффран кивнул, вытаскивая из
ближайшего ящика свою камуфляжную
куртку и плащ и натягивая их. Он сильно
взмок от работы.

Подняв лазган, он пошел в обход вокруг
полка с припасами, двигаясь через
темноту и тени, изучая подгнившую
заднюю стенку ангара на предмет пробоин.

Что-то тетнулось в темноте.

Он выставил лазган перед собой.
Крысы?

Ничего. Каффран шагнул вперед и
увидел угол ящика, отгрызенный.
Завернутые в пластик сухие крекеры,
несомненно, были похищены. Точно крысы.
От ящика тянулся след крошек и обрывков
пластиковой обертки. Придется
поставить мышеловки --- и разбросать яд,
пожалуй.

Он остановился. Дыра в ящике была слишком широкой для крыс. Если, конечно, здесь в канализации не вывели что-то размером с собаку. Это его не удивило бы, с учетом огромотности всего в улье Вербун.

Он снял лазган с предохранителя и скользнул за следующий стеллаж.

Что-то тетнулось снова.

Он двинулся вперед, подняв лазган и выстреливая цель. Фес, может, местные вредители окажутся недурными на вкус? Драгоценного свежего мяса последние дней сорок было мало.

Слева от него что-то шевельнулось, он упал на колени, наводя прицел. Позади стеллажей виднелся бледный лучик зеленого света, неровная дыра в задней стене сарая, через которую пробивалось свечение Щита.

Каффран двинулся вперед.

Щит справа.

Он крутнулся. Ничего. Он отметил, что еще несколько ящиков повреждены.

Что-то телькнуло мимо лучика света, что-то очень быстрое, на мгновение закрывшее собой свет.

Каффран рванулся вперед, боком проскользнул в дыру в подгнившей задней стене ангара и влетел в беспорядочную кучу мусора и обломков позади складского амбара.

Он выбрался, встал, поднял лазган...

И увидел мальчика. Маленького мальчика, восьми или девяти лет, как показалось Каффрану, взбегающего на гору мусора с пакетом печенек в руках.

Мальчик добежал до вершины, и из темноты выскользнула еще одна фигура. Девушка, постарше, лет восемнадцати, одетая в грубые тряпки и разукрашенная тирсингом. Она забрала у мальчика пакет и крепко его обняла.

Каффран поднялся, опустив лазган.

--- Эй! --- позвал он.

Ребенок и девушка недружелюбно воззрились на него, словно животные, попавшиеся на глаза охотнику.

Всего лишь миг он видел свирепое, но красивое и сильное лицо девушки, прежде чем ворюшки исчезли среди гор мусора на пустыре.

Он погнался за ними, но их и след

простыл.

В норе в сотне метров от складских помещений Тона Крийг обняла Далина и велела сидеть тихонько.

— Утница, утница, — пробормотала она, взяв печенье и разорвав пластиковую упаковку, чтобы он мог взять себе.

Далин сгрыз его мизот. Он был голоден. Все они там были голодны.

Питательные растворы, вводимые в цистерну, кортили дремлющего верховного лорда улья Вербун. Он покачивался в своем маслянистом жидком лоне, присосавшись к каналам кортления и подергивая руками и ногами, как спящая собака. Ему снилась Торговая война до его рождения. Картинки в его сон приплывали из пикт-библиотеки, где он учился в юности. Ему снился его прославленный предшественник, великий Церонито, надменно отвергший соперничество с Феррозойкой, готовящийся к войне. Как напрасно, как глупо! Такое очевидное упрямство! А улей держал его в таком почете за его

героическое правление! Глупцы! Скот!
Бездумная масса!

Торговля — всегда война. Но
коммерческую войну можно вести тонко,
аккуратно. А собирать людей, оружие,
обрабатывать прекрасную продукцию улья в
военные машины, пистолеты, пушки,
рационы и боеприпасы...

Что за мелкий ум, Церонито! Каким
слепцом ты был, если не видел истинный
путь победы! Дом Клати склонился бы
перед торговым эмбарго задолго до того,
как храбрые парни нашего Вербунского
Главного осадили стены Зойки! Уступка
тут, сделка там, перекрытие каналов
снабжения, блокада...

Сальвадор Сондар воспарил внутри
цистерны, ему снились теперь
архитектура двойной бухгалтерии,
зигзаги из поднятых процентных
ставок, реки валютных поступлений,
насыни ВВН.

Математические виды торгового
триумфа, которыми он восхищался
больше, чем каким-либо чудом во
вселенной.

Он снова дернулся в своем теплом бульоне, переливчатые пузырьки покрыли его сморщенные конечности и затем побежали к крыше цистерны. Он был рад, что убил старика. Церонито засиделся на престоле! Стогвадцатилетний, любимый глупой, пошлой толпой, никак не готовый уступить место гвадцатилетнему племяннику и очевидному преемнику! «Это был акт милосердия», — убеждал себя Сальвадор во сне, хотя вина за этот поступок мучила его уже пятьдесят лет. Его спящее тело подрагивало.

Да... это было милосердие... на благо глупья и во имя дальнейшего процветания дома Сондар, благородной династии! Разве не утроилось производство за время его правления? А теперь Гнайг, Кроу, Часс и остальные слабаки рассказывают ему, что компьютерческая война — это больше не вариант! Глупцы!

Гнайг...

Он... он же умер, не так ли?

У... Слайдо? Великий военный мастер, пал от яда. Нет, не так. Заколот в спину, на ковре в приятном зале... нет... нет...

Почему так спутались его сны? Уз-за
щебета. Этот щебет. Щебет. Если бы
только он утолк. Он мешал логике. Он ---
Верховный лорд улья Вербун, и он хочет,
чтобы спящее сознание было ясным и
незасоренным, чтобы он мог снова
привести свой огромный улей к победе.

Щит? Что? Что со Щитом?

Щебет что-то говорил.

Нет! Н-не...

Сны Сальвадора Сондара внезапно
зависли так же, как сам спящий. Реакция
бегства отключила его дремлющее
сознание. Он дрейфовал в цистерне, словно
мертвый.

Затем сны вновь понеслись.
Отравить слугу-дегустатора --- это был
гениальный ход! Никто не догадывался! У
использовать нейротоксин, который не
оставляет следов. Инсульт, решили все!
Инсульт в конце концов сразил старика
Церонито! Сальвадору пришлось вколоть
солевой раствор в собственные слезные
железы, чтобы плакать во время
погребальной церемонии.

Слезы! Всенародная скорбь!

Пятьдесят лет назад, и это все еще
тучило его! Почему ульеры так любили
старого ублюдка?!

Снова раздался щебет, на самой грани
его сознания, словно птицы на дереве где-
то вдалеке, на заре, словно насекомые в
полевой траве, на закате.

Щебет.

Щим? Что ты лепечешь о Щиме?

Я Сальвадор Сонгар! Выметайся из
моей головы и...

Старое тело дернулось и изогнулось
внутри железной цистерны.

Снаружи сочувственно тряслись и
дергались сервиторы.

Огромный железнодорожный
терминал на Вейвейрских воротах
превратился в бесформенную почерневшую
массу. Облака пара туманом клубились
над остывающими камнями и погнутым
металлом, где миллионы литров
огнетупительной жидкости распылялись
на бушующие пожары.

Майор Джан Расин из Вербунского
Главного двигался между сражающимися с

огнем рабочими командами и пытался
руководить очистными работами.
Пытался... о, это шутка. У него было
известен человек, в основном мужчины -- и
рабочие из Администрации, грузчики
или стюарды подвижных составов от
Железнодорожной гильдии. Этого едва
хватало, чтобы отвоевать клочок
пространства у разрушений такого
масштаба.

Расин не был инженером-
строителем. Даже с четырнадцатью
тяжелыми бульдозерами он не мог
выполнить распоряжение Штаба готов и
за три дня сделать железную дорогу
безопасной. Большая часть отсеков крыши
потрескалась, словно яичная скорлупа,
рокритовые колонны оплавилась и
погнулись, как подтаявшие леденцы. Ему
не хотелось отдавать распоряжение что-
либо выкапывать, так как он боялся, что
из-за этого что-то обвалится. Он уже
отправил пятерых в больницы, после того
как на них обрушился кусок стены.

Воздух был влажным и едким, вода
канала отовсюду, стекая в

пятисантиметровый желоб в полу.

Расин сверился с инфопланшетом еще раз. Холодные схемы и расчеты на экране просто-напросто не соответствовали ничему в реальности. Он не мог даже установить местоположение главного генератора и газопроводов. Неподдалеку вагон окончил путешествие в огромном кратере, и его колеса болтались на глинном черном корпусе. Что если из него вытекло топливо? Расин думал о вытекшем топливе, коротких замыканиях, утечках газа — даже о неразорвавшихся снарядах — очень много о чем. Он производил вычисления и ненавидел получаемые цифры.

— Тяжелая работенка, майор, — сказал кто-то у него за спиной.

Расин оглянулся. Говорящим оказался невысокий грузный мужчина лет пятидесяти с небольшим, черный от сажи, опирающийся на кирку как на костыль. У него был травмирован глаз, и его закрывала грязная льняная ленточка. Одежда, насколько смог разглядеть Расин, принадлежала начальнику литейщиков.

--- Тебе здесь не место, друг, ---
ответил Расин с терпеливой улыбкой.

--- Никому из нас, --- возразил Эган Сорик, похромав вперед. Он стал справа от Расина, и они оба мрачно уставились на покореженные развалины дороги, упирающейся в огромный призрачный силэт ворот и Күртины. Это было море камня и обломков, а люди Расина походили на муравьев, ползающих на самом мелководье.

--- Я не просился сюда. Уверен, и ты тоже, --- сказал Сорик.

--- Такая же хрень! Ты из убежищ?

--- Сориком звать, начальник производства, Первая Вербунская литейная, --- Сорик коротко махнул на огромные руины некогда гордого здания литейной, пристроенной к вокзалу. --- Я был там, когда в нее попали снаряды. Теперь еще зрелище.

--- Надо думать. Многих вытащил?

Сорик втянул воздух сквозь сжатые зубы и опустил взгляд, качая круглой головой.

--- Меньше, чем хотелось бы. Может,

сотни три. Нашли где укрыться -- но не сразу. Тогда был такой бардак.

Расин оглянулся на него, заметив внутреннюю силу и закипающий гнев.

-- И как оно? Я слышал, убежища забиты до отказа.

-- Плохо. Представь это, -- Сорин указал на вокзал, -- только завалы из людей, а не из рокрита и керамита. Припасов мало: еды, чистой воды, медикаментов. Они стараются, но сам понимаешь -- миллионы бездомных, большинство ранены, все -- напуганы.

Расин содрогнулся.

-- Я просил за своих людей, но мне сказали, что все беженцы определены на четвертый уровень рациона, если только не задействованы в военной подготовке. А такая работа подняла бы их до третьего уровня, а то и до второго.

-- Тяжелые времена... -- протолвил Расин, и оба умолкли.

-- А что если я тебе приведу три сотни готовых к работе людей? Активных, а имею в виду, работоспособных, тех, кто сможет таскать тяжести, да

еще кто кое-что слышит в переносе и
перекладывании обломков?

--- Ты предлагаешь помочь?

--- Да, мать его! Мои ребята уже на
стенку лезут, протирая штаны и ни хера
не деля. Мы могли бы помочь с подобной
работой.

Расин внимательно посмотрел на
него, пытаясь уловить подвох.

--- На благо улья? --- он улыбнулся
вопросительно.

--- Ага, на благо улья. И на благо моих
рабочих, пока они не съехали с катушек и
не пали духом. Ну и, я так себе думая,
если ты поможешь тебе, ты мог бы
затолкнуть словечко. Может, добиться
лучшего пайка.

Расин сомневался. Его вокс-линия
запищала. Должно быть, звонок из Штаба
готов --- наверняка интересующегося
успехом очистных усилий.

--- Мне нужно расчистить это или
хотя бы проложить через все это путь.
Мое отделение временно заблокировало
ворота, но если противник ударит по нам,
необходимо будет укрепить и вкопать

здесь защитную стену с люком для
припасов и доступом для войск. Если ты и
твои ребята поможете с этим -- я
достану вам этот фесов паек!

Сорик улыбнулся. Он оперся
подмышкой на свою кирку-костыль, чтобы
протянуть руку. Расин пожал ее.

-- Первая Вербунская литейная не
погведет вас, майор.

Бой хронометра знаменовал зарю, но
даже здесь, в Среднем хребте, стена дня и
ночи мало сказывалась на освещении.
Сияние Щита и облака дыма затенили
свет и тьму.

Эмчангасте Ворлин изволил
завтракать в стотровом пузыре своего
родового поместья. Он проснулся раньше
всей родни, хотя младшие клерки гильдии
Ворлин и сервиторы уже были на ногах и
готовили протоколы на сегодня.

В оранжевой шелковой ночной рубашке
он сидел в подвесном кресле за столом
красного дерева и поглощал завтрак,
который слуги принесли ему на
лакированном подносе. Сервитор-

дегустатор объявил еду безвредной и был
отпущен. Внимание Ворлина
переключалось с панорамы города на
инфопланишет, встроенный в столешницу,
по которой бежали колонки утренних
новостей и отчетов о ситуации,
сплетаясь в пучки мерцающих рун.

Яичное суфле, копченая рыбка, свежие
фрукты, пшеничные пирожки и кувшин
кофеина. Да, непредписанный
чрезвычайный рацион. Конечно, Ворлин
понимал это, но какой, в конце концов,
стыл принадлежать к купеческой элите,
если не можешь даже иногда кое-что
позаимствовать из собственных кладовых?

Он сдобрил кофеин стопкой джойлика.
Впервые за многие дни Ворлин
распробовал каплю наслаждения, и дело
было не только в алкоголе. Был один пай у
дома Ворлин, находящийся под его
непосредственным руководством, который
давал ему коммерческий рычаг в этой
войне: жидкое топливо. Он совсем забыл о
нем, поддавшись панике и стяжению в
первые дни.

В прошлом сезоне он выиграл кое-

какие топливные тендеры у гильдии Фарнора — к большому восторгу своего клана. Тридцать процентов поставок топлива из улья Ванник, три полноценных нефтепровода были в непосредственной власти гильдии Ворлин. Он взглянул на цифры вложения, исчисляемые в миллионах литров, подсчитал, как рыночная цена за баррель будет расти по экспоненте с каждым днем войны. Он проверил расчеты несколько раз, просто для удовольствия.

— Глава гильдии? — В комнату вошел его личный секретарь, комиссар Магнал Тарриан из УКВГ.

— В чем дело?

— Я готовил ваш маршрут на день. У вас назначена встреча с Советом гильдий в одиннадцать.

— Я знаю.

Магнал помолчал.

— Что-то еще?

— Я... Я принес распоряжение от Лейсслатуры вчера. То, которое требует закрыть все нефтепроводы из Ванника, разродственный улей пал. Вы... вы, кажется,

не подписали закрытие, глава.

--- Закрытие...

--- Все гильдии, контролирующее топливо, обязаны вывести трубы на север и заложить все оставшиеся линии прокрытым, --- Магнал попытался показать инфопланишет Ворлину, но гильдиец отмахнулся. --- Наши рабочие ожидают распоряжений...

--- Сколько топлива мы запасли в Хасских восточных хранилищах? --- спросил Ворлин.

Секретарь пробормотал внушительную цифру.

--- А сколько еще сейчас идет по трубам?

Еще бормотание, огромная цифра.

Ворлин кивнул.

--- Я оплакиваю потерю наших братьев из Ванника. Но топливо все еще идет. Это долг гильдии Ворлин перед ульем Вербун --- оставлять трубы открытыми до тех пор, пока они дают нам ресурсы. Я закрою трубы, как только они пересохнут.

--- Но директива, глава гильдии...

— Оставь эти заботы мне, Магнал. Поток протянет еще день, если не несколько часов. Но если я перекрою сейчас, представь, какими будут убытки? Дрянное будет дело, груз мой. Дрянное.

Магнал выглядел неуверенным.

— Говорят, что это вопрос безопасности, глава гильдии...

Ворлин поставил чашку кофеина. Она ударилась о блюдце как-то слишком громко, так, что Магнал подпрыгнул, хотя лицо Ворлина сохраняло добрую улыбку.

— Я не глупый человек, секретарь. Я серьезно подхожу к своим обязательствам — перед ульем и перед кланом. Если я перекрою трубы сейчас, я не выполню своих обязательств. Пускай солдатня прославляется и бравирует на фронте. История заполнит мою отвагу здесь, сражающегося за улей средствами, доступными купцу.

— Ваше имя заполнят, глава гильдии, — сказал Магнал и покинул комнату.

Ворлин сидел еще какое-то время.

постукивая серебряной ложечкой по краю блюдечка. Да, сомневаться нечего.

Придется убить и Магнала.

С южной стороны наружных трупоб промзоны огромный улей выглядел занимающим все небо куполом зеленого света, бледноватым в лучах утреннего солнца и темным в дыму бомбардировки.

Капитан Олин Фенсер из Вербунского Главного выполз из своей землянки и торгал, ослепленный холодным утренним воздухом. Сильно пахло термитом и фүцеленом, горевшим топливом и паленой плотью. Что-то изменилось этим утром. Но он никак не мог сообразить, что именно.

Взвод Фенсера, состоявший из пятидесяти солдат, располагался в юго-западных внешних трупобах, когда все началось. Вокс-связь оборвалась при первых залпах артобстрела, и им ничего не осталось, как окопаться и выживать день за днем под систематическим огнем, сравнивающим с землей промышленные окраины позади них.

Попасть в улей было невозможно, хотя Фенсер знал, что миллионы трущобных погались в том направлении. Он занял рубеж. Он разместился там вместе с тридцатью тремя людьми, оставшимися с ним, когда бронетанковая колонна Виготайна выкатилась по Южному шоссе в поля. Его взвод салютовал им.

Они скрывались в бункерах — многие со слезами гнева, боли или отчаяния — той ночью, когда разбитые остатки колонны прохромали обратно в улей.

Тогда у него оставалось двадцать человек.

В те дни Фенсер командовал сам, поскольку всякая связь со Штабом готов оказалась прервана. На самом деле он был уверен, что в улье никто не догадывался, что снаружи кто-то выжил. Он точно следовал букве боевого устава Вербунского Главного по непредвиденным военным ситуациям, создал сеть окопов, линии коммуникации и укрепления по всем трущобам, несмотря на продолжавшийся обстрел.

Его первый помощник, сержант Гросслин, затинировал дороги, а еще одна команда выкопала противотанковые рвы и ямы-ловушки. Несмотря на обстрел, они также соорудили трехсотметровый земляной вал, предварительно заполненный железными кольями, кусками рельсов, а также оборудовали защищенные мешками с песком позиции для трех станковых и двух огнететов вдоль шоссе.

Все это к десятому дню. Тогда у него оставалось уже восемнадцать солдат.

Еще трое погибли от ран или заражения к четырнадцатому дню, когда огни на орбите возвестили прибытие на планету подкреплений от Гвардии.

Был восход девятнадцатого дня. Перемазанный в крови и пыли, Фенсер шагал вдоль главной линии окопов, пока его солдаты просыпались и стеляли друг друга после утомительного ночного дежурства.

Но сейчас у него было шестьдесят человек. В Главном хребте сочли, что здесь все сровняли с землей, все погибли, --- но они ошиблись. Не все из разрушенных наружных туннелей бежали в укрытия, хотя

казалось именно так. Многие остались, упрямы, не желая или боясь пошевелиться. Пока продолжались бомбардировки, к Фенсеру постепенно стали прибаваться мужчины, женщины и даже дети, выбравшиеся из развалин. Он принимал штатских в любой бункер, какой считал подходящим, и назначал тщательно продуманный паек. Все дееспособные работники обоего пола были рекрутированы в авангардный батальон.

Они добыли драгоценные медикаменты в лазарете разбомбленной шахты и разбили полевой госпиталь в развалинах пекарни под руководством девочки-подростка по имени Несса, которая училась на медсестру. Они вынесли съестные припасы из столовых трех разрушенных фабрик в округе. Военный дом УКВГ на Западном транзите 567/k1 обеспечил их арсеналом плазгенов и револьверов для новых рекрутов, а также взрывчаткой и огнеметом.

Рекруты к Фенсеру приходили отовсюду. У него под командованием оказались клерки, в жизни не державшие

оружия, ткачи со слабым зрением и
оглушенные снарядами трупобные,
которые могли воспринимать приказы
только глазами.

Ядром его рекрутов, лучшими из них,
были двадцать шахтеров из глубинной
шахты № 17, которые в буквальном смысле
слова вырыли себе путь из-под земли, после
того как главный ствол их шахты
обвалился.

Фенсер пригнулся и поспешил вдоль
окна, минуя взорванные дома, под
упавшими кранами, потом по коротким
соединяющим туннелям, которые его
шахтеры выкопали, чтобы связать
укрепления. Их помощь была даром Терры.

Он добрался до второй огневой точки
на 567/kk и кивнул расчету. Капрал Ганнен
готовил наг примусом суп в своем
оловянном котелке, в то время как его
напарница, девочка-швея по имени Кали,
взглядывалась в горизонт. Они были
отличным примером того, как нужда
превращает обычных людей в героев.
Ганнен был обученным первым номером
стабберного расчета, но ему лучше

давалась подача ленты, чем сама стрельба. А у девочки оказался настоящий талант к обращению с самим стаббером. Они поменялись ролями, и капрал не считал ниже своего достоинства подавать боеприпасы для швеи в свое младшее его самого.

Фенсер двинулся дальше, миновал еще два блок-поста и нашел Гола Коли в его угловом гнезде, осматривающим шоссе. Коли, негласный лидер шахтеров, был крупным мужчиной с могучим торсом. Он прихлебывал горячую воду из выдавшей воды оловянной кружки; лазган лежал рядом. Фенсер намеревался присудить ему внеочередное звание. Он заслуживал его. Он вывел своих людей из темноты, организовал из них сплоченные ответственные отряды и сделал все, что было возможно. И более того. Коли был движим свирепой, лютой ненавистью к зойканским врагам. У него в улье была семья, хотя он и не говорил о них. Фенсер не сомневался, что именно мысли о них давали ему силы.

— Капитан. — Коли кивнул, когда

Фенсер протиснулся в укрытие.

--- Что-то не так, Гол, --- сказал Фенсер. --- Что-то изменилось.

Могучий шахтер мрачно устехнулся.

--- Вы не заметили? --- спросил он.

--- Заметил?

--- Обстрел прекратился.

Фенсер остолбенел. Обстрел настолько вьелся в их повседневную жизнь за последние несколько недель, что он даже не заметил, когда его прекратили. А в ушах все еще стоял звон от прошедших ударных волн.

--- Император, храни нас! --- выдохнул он. --- Какой же я дурак.

Он бодрствовал уже двадцать минут, но пока шахтер не указал, он не понимал, что их больше не обстреливают.

--- Видишь что-нибудь? --- спросил Фенсер, пробираясь к месту дозора рядом с Коли.

--- Нет. Пыль, дым, туман... ничего конкретного.

Фенсер потянулся к своему скону, и тут началось наступление зойканской пехоты.

Волна лазобстрела осыпала всю оборонительную линию трупоб, словно вспышки миллионов салютов. Сами объемы залпа ужасали. Девять солдат Фенсера погибли на месте. Еще трое, все из рабочих, бежали, абсолютно не готовые к пехотной атаке.

Гранаты и ракеты падали вокруг них, поджигая на воздух два блок-поста. Еще один ударил в здание, и их драгоценные съестные припасы вспыхнули, словно свечка.

Люди Фенсера приготовились к обороне.

Он отдал приказ перевести оружие в режим одиночного огня, чтобы поберечь боеприпасы и батареи. Даже стабберным расчетам было приказано стрелять только на поражение. Их ответ на атаку Зойки был неубедительным и слабым.

Фенсер поднялся на верх гнезда и вскинул ладан. В пятистах метрах сквозь дым и пыль он увидел очертания авангарда: солдат в тяжелой охральной походной форме, надвигающихся неумолимыми рядами.

Фенсер открыл огонь. Внизу вторил
Коли.

Они уложили тринадцать человек на
двоих за первые пять минут.

Зойканские танки, покрытые охрой,
ревущие, словно звери, вкатились по дороге
и взрылись в руины, используя все
открытые дороги и проходы среди моря
булыжников. Два подорвались на минах,
изрыгнув пламя и обломки брони, и
горящие остовы блокировали путь еще
шестерым.

Ракеты попали в насыпной вал, и их
взрывы образовали пятнадцатиметровую
дыру. Капрал Таник и еще трое солдат
погибли на месте.

Еще один зойканский танк в
защитной сетке прогрохотал через руины
и провалился в ямуповушку.
Заблокированный рокитовыми стенами
со всех сторон, он пытался развернуться и
повернуть башню, когда один из вервунских
огнеметов окатил его раскаленной волной
жидкого огня, и жар разорвал его.

Сержант Гросслин с еще двумя из
Вервунского Главного и шестеркой

трющобных открыл перекрестный огонь по
зойканским солдатам, пытающимся
перебраться через усеянный кольями ров в
восточном конце улицы. На всех они убили
с полсотни или больше, еще многие
натыкались на шпалы и колья. Когда
Джага, женщина-работник рядом с ним,
получила заряд в грудь и с криком упала,
Гросслин оглянулся, чтобы попытаться ей
помочь. Лазвыстрел одного из зойканских
пехотинцев, утирающих на кольях, снес
ему голову.

Ганнен и Кали держали западный
транзит два часа, положив десятки врагов
и по меньшей мере один бронетранспортер,
который сломался и взорвался, когда
девочка-швея обстреляла его бронебойными
пулями.

Ганнена разорвала шпаннель от
ракеты, когда враг подобрался слева.

Кали продолжала стрелять,
перезаряжая оружие, пока танковый снаряд
не поднял в воздух ее, стаббер и еще
двадцать метров насыпного вала.

Ошеломленные силы Фенсера были
отброшены в руины трющоб. Многие были

раздавлены мощью надвигающихся танков. Один из рекрутированных клерков, утирая от потери крови, обвязал пояс гранатами и бросился на противника, подорвав себя вместе с остановленным танком. Взрыв осветил низко идущие облака, а осколки танка осыпали окрестные улицы.

Некоторые еще пытались вести обстрел из последней линии окопов, когда волна надвигающейся пехоты захлестнула их. Разразился отчаянный ближний бой, штыком к штыку, лицом к лицу. Ни единый метр трупов улья Вербун не дался без чудовищных усилий.

Гол Коли, чей лазган выдохся, встретил врагов на баррикаде и убивал их одного за другим, направо и налево, неистово размахивая киркой. Он выкрикивал имя жены при каждом ударе.

Заряд лазгана впился в бедро капитана Олина Фенсера и вылетел через плечо. Падая, в слезах, он запустил лазган на автообстрел и осыпал надвигающихся убийц зарядами.

Его руки все еще сжимали оружие, когда кончился заряд.

К тому моменту он уже был мертв.

Глава шестая

СУБОРДИНАЦИЯ

Война, в которую
вмешались чиновники,
заведомо проигранная война.

Себастиан Тор.
Проповеди, том XV,
глава DJV

Гаунт ощутил, что монументальная
масса Киртины действительно
вибрировала. Снаружи глухо ревел обстрел.

Капитан Даур и еще трое офицеров
связи вели наблюдательную группу вверх
по винтовой лестнице второй башни в
Западной стене массивных Сондарских
врат.

Гаунт привел Роуна, Маколла и
рядового Майло в роли адъютанта.
Генерал Гризмунд вместе со своими тремя
старшими нартыанами и генерал Нэш со
своими двумя помощниками составляли

остаток группы, плюс Тарриан от УКВГ.
К ним приставили наряд телохранителей
из тридцати солдат Вербунского
Главного при полной экипировке.

Наблюдательная группа выбралась на
вершину башни, где горячий ветер,
пропитанный фүцеленовыми испарениями,
набросился на них. Три ракетные
установки были развернуты и приведены в
боевую готовность, их расчеты находились
здесь же. Однако перед визитом
высокопоставленных гостей были
возведены дополнительные защитные
навесы, мешавшие безопасному отведению
выхлопных газов от пусков ракет, поэтому
сейчас установки стояли без дела.
Расчеты отсалютовали вновь прибывшим.

--- Это в нашу честь? ---
поинтересовался Гаунт у Тарриана,
указывая на свежие защитные навесы.

--- Разумеется.

--- Вы блокировали целую защитную
башню, просто чтобы мы могли
безбоязненно поглазеть на Стену?

Тарриан нахмурился.

--- Генерал Штурм выдвигал это

требование каждый раз, когда посещал Стену. Я предположил, что вы и остальные высокопоставленные генералы будете ожидать того же.

--- Мы пришли сражаться, а не прятаться. Уберите это и дайте пространство для работы расчетов.

Тарриан посмотрел на Нэша и Гризмунда. Нарманин коротко кивнул.

--- Гаунт выразил наше общее мнение, --- сухо сказал Нэш. --- Нам не нужны знаки внимания.

Тарриан отвернулся от группы и начал раздавать приказы артиллеристам.

Остальные подошли к краю Стены и воспользовались магнокулярами или видоскопами, стоявшими там же на трехногих штативах. Майло передал Гаунту свой скон, и комиссар ввел параметры расстояния, поднимая прибор и встатриваясь.

Под ними раскинулась унылая пустошь разбитых и беззащитных южных наружных трющоб. Признаков жизни не было, только яростный ураган вражеского обстрела проносился над ними по пути в

улей. Часть попала в трющобы, не долетая до улья, но в основном они попали в самую Куртину. Гаунт вытянул шею, направляя скоп на склоны Стены. Насколько хватало глаз, ее адамантиевая поверхность была испещрена выбоинами и кратерами, как луна. Каждые несколько секунд орудия по обеим сторонам от них стреляли, чуть реже выплевывали снаряды толгучие осадные батареи из своих ниш в Стене. Стена продолжала дрожать.

--- И невозможно оценить масштабы... --- начал Нэш.

Гризмунд покачал головой.

--- Не совсем так, --- ответил он, указывая на самый край огромного пустыря трющоб. --- Нам сообщили, что это уже не работа дальнобойных орудий с полей. Это наступление сухопутных войск --- бронетанковая колонна продвигается через наружные трющобы и промзону.

--- Вы уверены? --- спросил Гаунт.

--- Когда пушки танков стреляют, видны вспышки огня. Четыре-пять километров, самые окраины наружных трющоб. Их оружие настроено на

максимальную дальность, так что
вспышки получаются высоко, а потому
заметны. Это просто наблюдения,
подсчеты и оценки.

Гаунт искал скопом вспышки. Как и
Нэш, он был командующим пехоты, и
всегда ценил техническую оценку опытных
офицеров, подкрепленную хорошей военной
школой. Гризмунд считался хорошим
командиром танковых войск. В этом
вопросе Гаунт полностью доверял
суждениям нартынина. Всмотревшись, он
начал различать мигание кратких
вспышек впереди.

— Ваша оценка? — спросил Нэш,
также изучающий местность и, как и
Гаунт, желающий услышать мнение
эксперта.

Гризмунд переглянулся со своими
офицерами, изучавшими местность через
скопы.

— Начин?

Бригадир ответил прямо, с
характерным нартянским акцентом,
растягивая гласные:

— По предварительной оценке, броня в

количестве около двадцати тысяч единиц. Прямой авангард, возможно также с мощным клином по линии фронта на востоке, там, возле высоких морозильных башен. Неисчислимы ракетницы и минометы, сложно отследить, но все подвижные. Сорок, может, сорок пять тысяч.

Остальные нарманы согласно закивали. Гризмунд повернулся к Нэш и Таунту, как раз когда Тарриан присоединился к группе.

— Начин свое дело знает не хуже меня. Вы слышали его цифры. Множественная полковая атака. Мощная бронетанковая сила. Но — если верить словам комиссара Каула — даже не десятая доля от общего количества.

— Можно предположить, что остальные военные силы продвигаются в обход через шахтерский район, болота, возможно, даже через восточные наружные трющобы и западные притоки Хасса, — непреклонно заметил Нэш.

— Так или иначе, я не могу прикинуть общее количество, — прибавил

Гризмунд.

--- С вашего позволения, сэр, ---
протолвил Роун, и Гаунт кивком
разрешил продолжить.

Роун указывал на пейзаж уверенными
жестами ловких рук, рук убийцы.

--- Если судить по вспышкам огня, как
предложил генерал Гризмунд, становится
заметно, что они складываются в четкую
линию, контур. Теперь соотнесем с
падением снарядов. Самая дальняя линия
падения снарядов --- ее видно по взрывам и
дыму над пожарами --- почти совпадает с
этим контуром, возможно, километра
полтора между танками и линией огня.
Можно предположить, что это
пространство занимает идущая впереди
танков пехота.

Нэш кивнул, впечатленный оценкой
танкистского офицера.

--- Мы не можем судить об их
тактике, исходя из своей собственной, ---
продолжил Роун. --- Фес, я насмотрелся на
тактические просчеты, которые
допускали хаоситы на поле боя, но если
предположить, что они не планируют

истребить собственные войска, и
учитывая максимальный возможный
предел погрешности, это дает нам ясную
картину пехотного авангарда. По
скромнейшим оценкам одной линии, я бы
сказал, что мы ждем в гостии более
полумиллиона. Удвоим линию, удвоим
цифры, утроим ее...

--- Может, мы и старшие офицеры, но
уследили за твоей математической
мыслью, майор, --- сказал Гаунт, и
остальные невесело растеялись. ---
Хорошая оценка. Спасибо.

--- По меньшей мере миллион, --- сказал
Маколл внезапно.

Все оглянулись на него.

--- Сержант разведки?

--- Прислушайтесь, сэр, --- сказал
Маколл, и все прислушались, но услышали
лишь неумолчный вой снарядов, его эхо и
грохот взрывов.

--- За ударами, нотой выше, как скрипка,
как ветер.

Гаунт из всех сил пытался
вычленить описанный звук из грохота
бомбежки. Он слышал слабый отзвук того,

что описал Маколл.

--- Лазганы, сэр. Столько лазганов, открывших огонь одновременно, что отдельные звуки сложились в единый протяжный визг. Нужно... до хера лазганов, чтобы вышел такой звук.

В хвосте группы Даур заметил агьютанта Гаунта Майло, который подошел к самому краю Западной стены и смотрел вниз. Агьютант был всего лишь юнцом с бледной кожей, украшенной синей татуировкой, что, похоже, было принято у большинства Призраков.

Хромая, Даур подошел к нему.

--- Что видишь? --- спросил он.

--- Что это? --- спросил Майло, указывая на восток. Вдалеке, вокруг изгибающейся Күртины, за Сондарскими и Вейвейрскими вратами и рудниками, огромный черный поток два километра шириной и пять в длину выступал из улья. Он выглядел, как поток смолы. В Күртине есть отверстие четырнадцать метров, чтобы выпустить его.

--- Террикон, --- ответил Даур. --- Это... гора каменной крошки и переработанной

руды --- отходы литейных и шахт. Огня из
достопримечательностей улья, ---
застеялся он.

--- В Стене дыра в этом месте.

--- Террикон старше Стены. Она была
построена вокруг него.

--- Да, но это брешь в обороне.

--- Не волнуйся, она хорошо защищена.

Пятый дивизион моего полка,
терриконовцы, отражен защищать это
место: двадцать тысяч человек. Они
относятся к работе серьезно. Кроме того,
Террикон сам по себе --- коварная дрянь:
крутой, опасный, постоянно осыпающийся.
Через него пробраться, наверное, не легче,
чем через саму Стену. Враг теряет
тысячи на этом направлении!

Даур ободрающе улыбнулся и,
отвернувшись, вернулся к группе.

Майло было жаль его. У Даура не
было опыта войны с таким врагом, он не
знал, как они разбрасывались жизнями и
сколько солдат готовы были положить на
достижение целей. Солдаты улья и
тактика, которой они придерживались,
были слишком сконцентрированы на опыте

сражений со здравомыслящим врагом.

В основной группе Гаунт посмотрел на коллег-полководцев.

--- Оценки?

--- Слишком много танков для пехотной контратаки, но еще хуже подпускать этих ублюдков к Стене, --- сказал Нэш.

--- Я хотел бы вывести мои танковые дивизионы, чтобы встретить их там, --- сказал Гризмунд. --- С поддержкой всех бронетанковых частей Севгруппы. У нас еще нет потерь. Если мы остановим их в наружных туннелях, не подпуская к главному входу, то авангард сложет клином врезаться прямо в сердце вражеского войска. Из-за своего невероятного количества линия очень растянута. Так бы действовал я. Бронетанковая контратака, прямая и неожиданная, выбьет землю у них из-под ног --- отбить пространство, открыть путь для маневра и зайти с фланга, отрезая им доступ к резервам. Упрократить путь для пехоты.

Нэш охотно согласился:

--- Я с удовольствием поддержу подобный организованный отпор.

--- Как и я, --- сказал Гаунт. --- Они заняли слишком много места. Мы должны устранить их --- хотя бы на западе.

Гризмунд кивнул.

--- Врата на этой стороне улья нужно открыть. Я с удовольствием дам бой этому ублюдку, сколько их там ни есть, но мне нужно место для мобилизации машин и маневров. У я лучше займусь этим там, в трющобах, чем буду ждать, пока они притащатся под самую Стену.

--- Или за нее, --- добавил Роун.

--- Что-то новенькое, --- улыбнулся коллегам Гаунт. --- Три полковых офицера сошлись в выборе тактики.

Раздался всеобщий хохот, прерванный вскоре первыми визгами пушковых установок на башне, вновь открывших огонь, когда навесы убрали.

--- Эти планы не согласуются со стратегией генерала Штурма, --- сказал Сарриан откуда-то сбоку.

Гаунт оглянулся на него.

--- Я чувствую себя неловко, когда

политофицер использует неопределенное слово «согласоваться», комиссар Тарриан. Что вы имеете в виду?

--- Я так понял, тактические соображения по проведению боевых действий в ходе конфликта уже находятся на рассмотрении у маршала Кроу, в Стратегическом комитете Штаба готов и у представителей благородных готов. Я слышал, они получили полную поддержку вице-маршала Анко и комиссара Каула.

--- Звучит, словно все уже решено! --- прорычал Нэш, и его тяжелый подбородок, покрытый серой щетиной, выдвинулся вперед.

--- Так мы время теряем тут? В чем смысл этого осмотра, если они уже все решили? --- спросил Гризмунг.

--- Мне уже доводилось иметь дело с генералом вольнооправды, --- заметил Гаунт. --- Вне всякого сомнения, он видит себя самым главным офицером Гвардии на всей этой арене, а старейшины улья превозносят его в этом качестве. Но он не склонен к открытой конфронтации. Он скорее займет нас чем-нибудь, пока сам

бюджет принимать свои решения. Например, этим...

осторожностью.

Гаунт резко развернулся, чтобы взглянуть на Тарриана.

— А ты знал, каковы его решения, не так ли, Тарриан?

— Я не в праве их сообщать, полковник-комиссар, — ровно сказал Тарриан.

— Держать Стену, оставить ворота закрытыми, сдаться без боя все, что снаружи, окопаться для долговременной осады, надеяться на Щит, Күртину и на то, что военные силы внутри улья Вербун будут сдерживать натиск врага вечно, ну, или пока нас не сломит зима.

Все оглянулись. Закончив реплику, капитан Даур пожал плечами, игнорируя убийственные взгляды, бросаемые командиром УКВГ.

— Планы были распространены этим утром, постоянный уровень доступа. У меня нет оснований полагать, что такого доступа нет у высшего эшелона офицеров Гвардии.

— Благодарю, Даур, — сказал Таунт.
Он снова посмотрел на Тарриана. — Мы с
генералами желаем увидеть Штурма и
маршала. Немедленно.

Пятеро солдат в охранной форме тихо
продвигались сквозь облака пыли по
коридору разбомбленного магазина.
Снаружи танк грохотал по мору
обломков, некогда бывшему Наружной
тротуарной улицей 287/fd.

Солдаты носили охранную полевую
форму, черные кожаные ремни,
полированные новенькие лазганы. На
головах у них были закрытые комбинированные
шлемы, похожие на широкие
ухмыляющиеся лица, словно размытые
черепя, с плюмажем феррозойки,
прикрепленным сверху.

Группа проверила каждый проход в
развалинах, в которые они зашли. Гол
Коли слышал злобный скрип
приглушенных вокс-переговоров.

Он скользнул обратно в укрытие и
подал рукой жест, понятный его
спутникам. Они отступили в укрытие

мени и пыли.

Гол позволил пятерым солдатам зайти достаточно далеко вглубь коридора, чтобы последний из них встал на фальшпол. Затем он подсоединил оголенный конец провода к терминалу.

Дина вырвала кусок коридора и уничтожила последнего солдата на месте, а того, что шел перед ним, убила осколками, шрапнелью и обломками костей взорванного товарища.

Еще трое упали, затем поднялись, стреляя вслепую в дыт. Яркие излучения лазерного огня пронзили его, словно рыбки, скользящие в мутной воде.

Гол вышиб фальшстену и обрушился на одного, пробив острием кирки шлем и череп.

Сержант Халлер спрыгнул с балки под потолком, где прятался все это время, и вырубил еще одного, придавив весом собственного тела, а затем добил из автомата.

Оставшийся зойканский ублюдок переключил лазган на автообстрел и стал бешено им размахивать. Его короткие

выстрелы пробили ширмѣ у стены и
выпустили кишки автокѣзнеца Вигора,
собиравшегося выскочить из укрытия.

Несса выскочила из-под мешков, под
которыи пряталась, и всадила нож в
затылок зойканца. Она не выпускала
перемазанный кровью нож, с криком
проворачивая его, пока солдат бился в
конвульсиях. К моменту, когда он осел,
голова была почти отпилена.

Гол поспешил вперед, поднял Нессу и
оторвал ее от трупa. Она, грожа,
протянула ему нож.

--- Оставь себе, --- шепнул он. Она
кивнула. Барабанные перепонки были
повреждены близкой бомбардировкой на
седьмой день, так что она никогда не
будет больше слышать, если только ей не
проведут дорогостоящие операции и не
установят имплантаты --- то есть, проще
говоря, она больше никогда не будет
слышать. Она была медиком-стажером в
трупобах. Не низ из низов, но очень, очень
низко в классовой пирамиде улья.

--- Ты молодец, --- показал знаками
Гол. Она улыбнулась, но страх в глазах и

кровь на лице сводили на нет улыбку и красоту девушки.

--- Нелезко далось, --- сигнализировала она в ответ. Она научилась показывать знаками свои комментарии уже давно. Капитан Фенсер, Император упокой его душу, хорошо учил ее и объяснил, что она не могла контролировать громкость голоса, оглохнув.

Гол огляделся. Халлер и члены второй команды Гола забрали у мертвецов четыре рабочих лазгана, два лазеристолета и несколько батарей к ним.

--- Вперед! Пошли! --- приказал Гол, сопроводив свои слова энергичной жестикүляцией для глухих. Из его девяти человек шестеро были лишены слуха. Он бросил прощальный взгляд на тело Вигора и кивнул в знак уважения. Ему нравился Вигор. Жаль, что отважному автокүзнецу не дали шанса сразиться. Затем он вывел свой отряд из коридора.

Они вышли из магазина, вернулись кружным путем по боковому проходу к выжженной капелле Экклезиархии. Тела братьев Министорүма лежали повсюду, и

наг нити роились мұхи. Они не покинули
свое святилище, даже когда начался
обстрел.

Халлер прошел к алтарю, выровнял
слезка покосившегося имперского орла и
почтительно опустился на колени. Но
лицу потекли слезы, но он все же догадался
выразить свои мұхи и молитву к
Императору знаками, а не вслұх. Гол
заметил это и был тронут двойной
верностью солдата -- Императору и их
безопасности.

Гол привел свой отряд в часовню,
распределил ополченцев прикрывать входы
и искать возможные пути для побега.

Земля затряслась, когда танк смял
магазин, в котором они устроили свои
ловушки.

Под прикрытием взрывов он
остелился говорить, одновременно
показывая знаками.

-- Давайте найдем, кого убить, --
сказал он.

-- Группа, шестеро, движется с
запада, -- прошипела швея Банда, готовя
лазган и выглядывая в полуразбитое окно.

--- Строится «бурот», как и прежде, ---
сигнализировал Гол Коли. --- Строится за
мной. Устроил-ка еще одну западню.

Лорд Хейтлик Часс отослал
сервиторов и телохранителей. Глава
охраны, Рудрек, по инструкции носящий
оружие зачехленным, пытался отказаться,
но Часс был не в настроении спорить.

Один в прохладной, сумрачной
капелле дома Часс, в верхних уровнях
Главного хребта, лорд усердно молился
душе бессмертного Императора. Призраки
его предков высились вокруг него,
вечные в статуях. Хейтлик Часс
верил в призраков.

Они говорили с ним.

Геноключом, хранившимся в его семье
многие поколения, он открыл шкатулку у
верхнего алтаря между стазисными
криптами семьи. Он поднял обитую
бархатом крышку, слыша стон древних
магнитных полей, и вытащил Атлет
Церонито.

--- Что ты делаешь, отец? --- спросила
Мерити Часс. Голос дочери испугал его, и

он едва не уронил драгоценную вещь.

--- Мерити! Тебе здесь не место! ---
пробормотал он.

--- Что ты делаешь? --- снова спросила
она, проходя вперед под сень горящих
канделябров капеллы, сопровождаемая
шелестом зеленого бархатного платья.

--- Это не... --- Ее голос сорвался. Она не
могла вытолкнуть ни слова.

--- Да. Отданный нашему дому сатил
Беликим Церонито.

--- Ты же не собираешься ит
воспользоваться! Отец!

Он уставился в ее исполненное боли
прекрасное лицо.

--- Уходи, дочь моя. Это не для твоих
глаз.

--- Нет! --- крикнула она. Она так
напотинала ему свою мать, когда вот так
злилась. --- Я взрослая, я наследник, пусть
даже наследница. Скажи мне, что ты
делаешь!

Часс вздохнул и ощутил вес амулета
в своей руке.

--- То, что должен, на благо улья.
Была причина, по которой старина

Церонито завещал это моему отцу.
Сальвадор Сонгар --- маньяк. Он погубит
всех нас.

--- Ты вырастил меня в уважении к
высшему дому, отец, --- сказала она, и
легкая улыбка на лице озарила хмурое лицо.
Это снова была ее мать, подумал
Хейтлик.

--- Это похоже на измену, ---
прошептала его дочь.

Он кивнул и поник головой.

--- Я знаю, на что это похоже. Но
выбора нет. Церонито всегда предсказывал
этот момент.

Он обнял ее. Спиной она ощутила
тяжесть атлета, зажатого в его руках.

--- Ты должен делать то, что должен,
отец, --- сказала Мерити.

Словно насекомое, медленно
собирающее пыльцу, вокс-грон лениво
прожужжал через всю капеллу к
обитающим людям. Он настойчиво
тишал. Часс отстранился от дочери, все
еще ощущая сладковатый аромат ее волос.

--- В Легислатуре проводится
голосование. Я должен идти.

Мельтеша, словно лотылек, вокс-дрон
парил перед благородным лордом, уводя его
из капеллы.

--- Отец?

Хейтлик оглянулся на любимое дитя,
подавленное и напуганное холодной
траторной семейной усыпальницей.

--- Я поддержу тебя во всем, что бы
ты ни делал, но ты должен сказать мне,
что намереваешься делать. Не держи меня
в неведении.

--- Обещаю, --- ответил он.

Совет Причастных был сферическим
театром, расположенным на Хребте,
прямо над величественным залом
Легислатуры, и он был отведен
исключительно для благородных готов.
Куполообразная крыша расписана
фресками, изображающими Императора и
божественные машины Марса, парящие в
сияющих облаках. Столбы теплого
желтого света падали вниз по периметру
круглого потолка и освещали бархатные
троны высоких готов. Кроме Часса, все
были на месте: Гавунга, Йетч, Родьин.

Анко, Кроу, Пийгестро, Номферэнти и
Вьюик.

Маршал Кроу увлеченно беседовал с
братом, старым и умудренным гогами
лордом Кроу. Вице-маршал Анко, сияющий
и подобоострастный, представлял генерала
Штурта своему пышно разодетому кузену,
лорду Анко. Комиссар Каул дипломатично
приветствовал лордов Гавунгу и
Номферэнти. Чернь и слуги наводнили зал,
бегая по поручениям, принося серебряные
подносы с освежающими напитками или
просто охраняя благородных хозяев с
зачехленным оружием на поясах.

Тонг пробил четыре раза. С шипением
отъехала позолоченная дверь в восточном
углу комнаты, и мастер-законодатель
Анофий прохромал в комнату, сверкая в
желтом свете переливчатыми одеждами
и покачивая перевязанной лентой
треуголкой в такт каждому шагу,
сделанному по вышитому ковру. Он
использовал свой глинный золотой скипетр
как трость. Мальчики-нажи держали его
шлейф и несли инкрустированный
драгоценными камнями вокс-пикт-грон и

Книгу Законов улья на украшенной
кисточками подушке.

Анофий добрался до своего места. Он
настроил серебряную трубку вокс-
передатчика и заговорил.

--- Благородные гота, прошу
внимания. --- Все оглянулись и немедленно
заняли свои места. Каул, Штурм и
остальные военные отошли в сторону.

Место лорда Часса пустовало.

Анофий пролистал данные на
инфопланишете, который держал один из
пажей, и приложил трясущийся палец к
влажным губам.

--- Вопрос на голосование.
Ратификация подробных планов обороны,
предложенных нашим благородным другом,
генералом Ночесом Штурмом, была
представлена вниманию присутствующих
готов. Вопрос нет резона откладывать.
Улей, гай Император ему богатство и
долголетие, ждет.

Шестью рунатами поддержки шипящие
голограммы осветили зал над Анофием.
Дома Родын и Нийгестро голосовали
против окрашенными в темный

зловещими огнями.

--- Принято, --- просто сказал Анофий.
Совет Причастных вновь наполнился разговорами и движениями.

Узорчатая стальная дверь с западной стороны зала открылась, и лорд Часс, сопровождаемый телохранителем, вошел в зал. Повисло неловкое молчание. Оно продолжалось, пока Часс спустился по ступенькам, пересек зал и занял положенное ему место. Обернув его глиняный шелковый шлейф вокруг его трона, телохранитель и слуги отошли.

Часс осмотрел круглый зал. Несколько вельмож отводили глаза.

--- Вы голосовали. Я отсутствовал.

--- Вас призывали, --- сказал лорд Анко. ---
Если отпущенное время выходит, голос конфискуется.

--- Вы знаете правила, благородный лорд, --- прохрипел Анофий.

--- Я знаю, что меня... не допустили.

--- Да полно вам! --- воскликнул Анофий. --- Кого можно не допустить здесь, в высшем парламенте улья Вербун. С учетом исключительности ситуации, я

позволю вам проголосовать сейчас.

Часс оглянулся снова, прекрасно понимая, почему лорд Кроу отводит взгляд.

— Я вижу, вопрос был решен шестеро против двоих. Мой голос, за что бы он ни был, теперь ничего не изменит.

— Голосуй за что хочешь, брат мой лорд, — прожурчал Гавунга через украшенный серебром проволочный аугментор, покрывавший его рот, словно сжавшийся узорчатый паук.

Часс покачал головой.

— Я воздерживаюсь. В этом нет смысла.

Группа людей входила через восточный люк. Комиссар Тарриан попытался задержать их, но его оттерли. Это были Гаунт, Гризмунг, Нэш и их старшие офицеры.

— Не могу поверить в такое коварство, Штурт, — выплюнул Нэш в лицо генералу. Жильбер двинулся, собираясь спорить с роанским командиром, но Штурт остановил его резким щелчком пальцев.

Гаунт прошел напрямую к трону мастера-законодателя и выхватил инфопланишет прямо из рук растерянного пажа. Он посмотрел его.

--- Значит, это правда, --- сказал он, глядя на Штурма и маршала Кроу.

--- Стратегические соображения генерала Штурма были приняты и ратифицированы Высшим советом, --- шелковым голосом сказал вице-маршал Анко. --- У я настоятельно советую вам и остальным иномирским командирам проявить нежного уважения и любезности по отношению к обычаям и принятым в этом высшем парламенте процедурам. Мы не позволим нашим древним традициям оказаться погрязшими...

--- Вы все глупцы, --- безразлично сказал Гаунт, положив инфопланишет и отвернувшись. --- Если больше печетесь о церемониях и традициях, чем о жизни. Вы только что совершили огромную ошибку.

--- Вы обрekli на гибель этот улей --- и нас вместе с ним! --- рявкнул Нэш, кипя от негодования. Гаунт взял огромного роанского генерала за плечо и повел прочь

от спора.

--- Вы удивили меня, маршал, --- глядя на него, сказал Гризмунд, еле сдерживая холодную ярость, словно боевого пса на короткой цепи. --- Но нашим встречам у меня складывалось впечатление, что вы кое-что слышите в стратегии.

Маршал Кроу поднялся.

--- Мне жаль, что вы разочарованы, генерал Гризмунд. Но план генерала Штурма показался мне разумным. Мы должны спасти улей. И комиссар Каул, который --- позволю себе напомнить --- живьем видел врага, нас поддерживает.

Гризмунд печально покачал головой.

--- А что бы вы сделали? --- спросил лорд Часс.

Раздались крики и протесты --- все против Часса.

--- Лорд Часс имеет право знать! --- чистый, сильный голос Убрата Таунта заставил крики утихнуть. Таунт повернулся лицом к вельможе. --- После некоторых наблюдений генералы Нэш, Гризмунд и я открыли бы юго-западные ворота и снарядили бы бронетанковую

колонну, чтобы встретить противника, а
следом пошла бы пехота. Фланкирующий
маневр, чтобы встретить их снаружи
Стены, вместо того, чтобы отдать все,
что у нас есть.

--- Сработало бы это? --- спросил Часс.

--- Мы никогда не узнаем, --- ответил
Гаунт. --- Но мы точно знаем вот что:
если ждать, пока они доберутся до Стены,
нам будет некуда отступать, когда это
произойдет.

--- Некуда.

Благородный Часс хотел продолжить
расспросы, но Совет Причастных потонул в
шуме, и Гаунт вышел прочь, за ним по
пятам шли разгневанные Гризмунд и Нэш.

--- Комиссар? Полковник-комиссар? ---

В людном зале променада перед Советом
Причастных, где парламентские
работники и помощники из домов носились
туда-сюда среди гильдийцев и
представителей ординарных домов, Гаунт
остановился и повернулся на голос.
Высокий мрачного вида мужчина в богато
украшенном бронежилете проталкивался

сквозь толпу следом за ним, пряча оружие в правой руке под атласной тканью. Гаунт отправил спутников вперед с остальными генералами и повернулся лицом к человеку. Телохранитель кого-то из готов, несомненно.

Мужчина подошел и учтиво отсалютовал.

--- Рудрек, лейб-гвардеец его превосходительства лорда Часса из благородного дома Часс. Мой лорд просит о встрече с вами в ближайшее удобное для вас время.

Мужчина передал Гаунту маленькую печать с имперским орлом на одной стороне и гербом Чассов на другой.

--- С этим вы приняты в доме Часс в любое время. Мой лорд будет ждать.

Пока Гаунт смотрел на символ, лейб-гвардеец поклонился и отбыл, проглоченный толпой.

«Ну а теперь что?» --- задал он.

Сальвадор Сондар почти проснулся, сон покачивался на краю сознания. Жидкость вокруг него была сладкой и

теплой, розовая биолуминесценция мягко светилась.

Щебет что-то бормотал ему, мягко, умиротворяюще и интригующе. Он не утолкал теперь все время, во сне и наяву.

Сонгар повернулся в воде.

Что? Ну что там? Что ты хочешь?

Южные наружные трубы горели, и пепельная завеса висела над усыпанными катнями улицами, разрываемая перекрестными ветрами, циклонами, расходящимися от самых больших пожаров.

Несмотря на свирепое партизанское сопротивление, зойканские силы продвигались через руины большими отрядами пехоты и колоннами танков, тысячами бойцов, невозмутимо движущихся сквозь хаос на север.

Первые уже были всего в километре от Куртины.

Глава седьмая

МАШИНЫ СМЕРТИ

Победа и смерть — сестры-
близнецы, и мать их — война.

Древняя поговорка

Артподготовка приближающейся
зойканской сухопутной атаки в середине
утра двадцать пятого дня внезапно
столкла. Наблюдатели улья тщательно
отслеживали передвижения вражеских
легионов сквозь наружные трупщобы, но на
двадцать второй день плотность дыма и
туч перла, укрывших регион, снова сделала
задачу невыполнимой. Теперь же к нулевой
видимости добавилось гробовое молчание.

Никто не сомневался, что
прекращение обстрела предвещает
неотвратимую атаку Куртины, и Штаб
готов распорядился провести спешное
переразвертывание сил вдоль всех южных
укреплений. Ворота Куртины уже были

заняты людьми из Вербунского Главного, а теперь еще и значительной частью Вольпонской, Роанской и Севзруннской армий, приведенных в поддержку Танитских Призраков также развернули на линии фронта, вытащив их из хитзабов, где они убивали время в разгарах праздности и разочаровании. Гаунт оставил некоторые взводы в резерве поселений, но пять взводов под началом майора Роуна были отправлены на Хасский западный форт, а еще четыре с полковником Корбексом во главе были переведены к Вейвейрским вратам в поддержку трех рот Вербунского Главного и двум Севзрун, уже размещенным там.

Корбек увидел уязвимость врат, как только перевозчик доставил его и его людей на место. Сверхчеловеческих усилий стоило расчистить разрушенный вокзал, и полковник с войсками проезжал мимо котанг, все еще разгребавших камни или укладывавших их в эффективные баррикады. Сами врата, семьдесят метров в ширину и сотни в высоту, были

блокированы обломками, в основном остатками сожженной станции. Но огромных дверей, как на других воротах, не было.

Корбек познакомился с полковником Модайлом и майором Расином, вервунской офицерской верхушкой этого отдела, и с полковником Балвером из Севзгруппы. Модайл был серьезный и деловой, хотя заметно нервничал по поводу предстоящего действия, первого за всю его карьеру. Корбеку не особенно понравилось, что офицер в верхушке командной пирамиды Вейвейра был девственником войны. Майор Расин был поприятнее, но еле держался на ногах от усталости. Позднее Корбек узнал, офицер Вербунского Главного провел без сна три последних дня наряду, руководя организацией Вейвейрской обороны.

Балвер, по крайней мере, был ветераном, участвовал в боях в годы восстаний в колониях Севзгруппы на главном спутнике Бергхаста. Он был крепко сбитым мужчиной, носил такую же ярко-зеленую бронеформу и рабочую одежду, как

и его люди, хотя значок на фуражке и потрепанный, силовой коготь немедленно выдавали в нем командующего. Когда четверо офицеров собрались вокруг схемного стола в шатре Модайла, Корбек вскоре заметил, что Модайл сильно полагался на мнение Балвера. Балвер тоже заметил это и стал перетягивать командование на себя. Все, что ему нужно было делать, --- намекать и манипулировать, и Модайл быстро подхватывал идеи и превращал их в тактические решения так, словно они были его собственными.

«Сейчас это неплохо, даже и лучшему, но что будет, когда начнется стрельба?» --- думал Корбек. Без непосредственного, крепкого руководства оборона развалится.

После встречи, на которой Призраков оттянули на позиции вдоль восточного фланга, по периметру рудников и развалин литейных, Корбек отвел Балвера в сторону.

--- При всем уважении, Модайл --- слабое звено.

Балвер кивнул.

--- Согласен. То же можно сказать о
большинстве офицеров Вербунского
Главного. Неопытные. Мои ребята хотя бы
прошли боевое крещение в лунных войнах.
Но это спектакль улья Вербун, и их Штаб
готов и имеет полномочия выше наших,
полковник.

--- Нужно принять меры
предосторожности, --- ровно сказал Корбек,
почесывая шею. В этих сараях хитзабога
были проклятые вши. --- Я не говорю о
прямот неповиновении...

--- Я понимаю, о чем вы. Мой старый
позывной --- «наковальня». Пусть это будет
сигнал к согласованию приказов в обход
Модайла, если в этом возникнет
необходимость. Я не хочу оказаться в
опасности из-за неопытности
командующего. Пусть даже и
действующего из лучших побуждений, как
Модайл.

Корбек кивнул. Ему нравился Балвер.
И он надеялся, что до их плана дело не
дойдет.

Прошел еще день дымной тишины за

Куртиной. Нервы начали сдавать. Пока продолжался обстрел, сохранялась хотя бы иллюзия, что кто-то ведет войну. Ожидание — худший враг солдата — начинало собирать свою дань. Беспокойные минуты имели слишком много времени на волнения, страх, догадки. Почти три четверти миллионной армии торчали на позициях у южной Куртины улья Вербун, не имея чем заняться, кроме как дремать, тревожиться, наблюдать за спектральными вспышками Щита высоко в небе и изводить себя собственным воображением.

УКВГ был занят. Шестьдесят семь дезертиров или подозреваемых в уклонении были казнены только в первые двадцать четыре часа.

Днем двадцать седьмого дня солдаты на Стене обратили внимание на зловещие щелкающие и звывающие звуки, доносящиеся из дымовой завесы внизу. Шум моторов, огромная сервосистема, стук механизмов, грохот приводов, скрип металла. Казалось, что шторм начнется

в любой момент.

Но звуки просто продолжались до темноты и участились ночью. Они были чуждыми и непонятными, словно крики невиданных существ в неизвестных механических джунглях.

Двадцать восьмой день прошел в тишине. Механические звуки утихли на заре. К полудню дым начал рассеиваться, особенно когда юго-западный ветер пригнал дождевые тучи с берега. И все же видимость оставалась слабой, по-прежнему не хватало освещения. В сером тарахле уничтоженных трющоб ничего нельзя было рассмотреть.

На двадцать девятый день наблюдатели на Стене у Сонгарских врат заметили небольшую группу зойканских танков, движущихся по магистрали рядом с Южным шоссе, в двух километрах от Стены. С экстренного разрешения Штаба готов в Главном хребте они навели шесть батарей и вибрационных пушек и открыли огонь. По всей линии обороны прокатилось

ликование, просто потому, что солдаты наконец-то получили видного врага и цель, что наконец-то закончилось затишье. Обстрел продлился двенадцать минут. Ответного огня не последовало. Когда же рассеялся дым, не было не только следа танков, по которым они палили, но даже их обломков.

Вечером того же дня сервосистемы снаружи снова ворчали и звенели, но не постоянно. Маршал Кроу держал боодушевляющую речь, обращенную к народу и солдатам с информационных экранов. Она помогла снять напряжение, но Таунт понимал, что Кроу должен был выступить с подобными речами ежедневно всю последнюю неделю. Кроу заговорил только сейчас, по совету комиссара Каула. Несмотря на неприязнь, Таунт видел, что Каул действительно понимал политические нужды войны. Он был чрезвычайно искушен в этом деле. Каул тем же вечером подписал указ, обязывавший всех офицеров, как УКВГ, так и регулярную армию, обходить линии обороны и поднимать настроение. Таунт

менно этим и занимался с тех самых пор, как его части были выведены на позиции, курсировал между Хасским западным и Вейвейром. В ходе этих туров он был впечатлен решительностью и дисциплинированностью Вербунского Главного, солдаты которого занимали защитные укрепления вместе с его людьми. Он отчаянно молил Императора, чтобы первая схватка не поколебала их решимости.

Тем вечером, направляясь по внутренней магистрали проведать части Роуна в Хасском западном, Гаунт нащупал в кармане пальто печать лорда Часса, врученную ему лейб-гвардейцем. Пока что не выдавалось времени посетить вельможу. Гаунт повертел значок в обтянутой перчаткой руке, ведя машину по колоннаде. Может, этой ночью, после осмотра Хасского западного.

Возможности так и не представилось. Ближе к полуночи, когда Гаунт еще только взбирался по лестнице в главной башне, начался Первый зойканский шторм.

Несмотря на экстренные приготовления, никто в улье не был действительно готов к нападению. Настолько внезапно оно началось. Его начало возвестил слаженный залп тысяч танков и самоходных орудий, подобранных через пустоши наружных туннелей на расстояние менее километра от Стены. Рев сотряс улей, и огни взрывов озарили ночное небо. Впервые враг обстреливал Киртину, в упор ударив по главной Стене, в основном по ее верхней части. Точно наведенные минометные залпы обрушились на вершину Стены, находя уязвимые зазоры между Стеной и Щитом. Другой яростный ливень взрывов колотил по воротам или скалывал керамиковую броню с самой Стены.

Ошеломленные защитники растерялись. Сотни сразу погибли или были тяжело ранены, а крепостная Стена во многих местах была серьезно повреждена. Офицеры привели в чувство шокированных солдат, и начался ответный обстрел. Они начали сражаться,

радостное неистовство охватило людей
улья Вербун. Наброситься на врага,
наконец-то! Узлить гнев огнем. После
столь долгого ожидания это было приятно.
Это было облегчением.

Огневая мощь Куртины сейчас
проредила зойканские силы,
приближающиеся к низу Стены. Улей
Вербун расстелил поле смерти на
четыреста метров за Стеной и
методично уничтожал танки и людей,
прорывающихся вперед. Позднее были
произведены подсчеты, из которых
следовало, что Зойка потерял сорок-
пятьдесят тысяч солдат и свыше 6 тысяч
боевых машин под вербунским огнем в
первые часы атаки.

Но само количество врагов давило как
физически, так и психологически. Сколько
бы сотен ни падали замертво, новые
тысячи невозмутимо занимали их места,
маршируя по трунам погибших. Они были
бездутны и лишены страха перед всеобщей
гибелью. Наблюдая за этим со своей
позиции в Вейвейре, Брин Майло понял,
что это было именно то, чего он и боялся.

безумная тактика хаоситов, которую военные Вербуна просто-напросто не приняли во внимание.

«Можно было поставить лазганы на автообстрел наверху Стены, — писал позднее генерал Ксанс из Севзрунн, — и убить десятки только затем, чтобы увидеть, как дыра, которую ты пробил, затягивается солдатами за те минуты, что ты тратишь на стену силовых батарей. Если терять войну количеством нанесенного урона, то мы победили в ту же ночь. К сожалению, это не тот случай».

— Сколько же их... — Это были последние слова, записанные на вокс-установку остолбеневшим офицером Вербунского Главного в Сондарских вратах, прежде чем один из убавэгэшников застрелил его и взял его потрепанные силы под свой контроль.

В Хасском западном Таунт прибыл на главный вал сразу после того, как ракетный снаряд вынес кусок стены и снес голову полковнику Фрагеру, командиру этого участка. Таунт принял командование, подозвав вокс-связиста из

Вервунского Главного и схватив трубку. Гаунта сопровождал офицер связи Даур, уверенно передававший команды всем отрядам в зоне слышимости. Гаунт был рад, что он с ним. Даур знал башню и людей по своей службе здесь, и они лучше подчинялись офицеру из своих. Многие, похоже, испытывали благоговейный ужас перед имперским комиссаром. Гаунт расценил этот страх как средство управления, но не мог избавиться от отвращения к тому, что сотворила железная хватка УКВГ с боевым духом местных солдат.

Гаунт поймал сигнал Роуна в вокс-линке. Майор распределил силы танитцев вдоль нижних башен и стен, линией ниже основного форпоста.

--- Никаких потерь, --- отпортовал майор, едва слышимый из-за треска и скрежета статики. --- Мы поливаем огнем, но их так много!

--- Продолжайте в том же духе! Мы знаем, что их не сломить, как нормальную армию, но мы с тобой с такими уже имели дело, Роун. Ты знаешь, как победить здесь!

--- Убить всех до единого, полковник-комиссар?

--- Убить всех до единого, майор Роун! --- И как бы мало комиссар ни доверял этому человеку в личных делах, Гаунт знал, что в бою Роун именно так и поступит.

--- Это еще что? --- заорал Фейгор, стреляя с упора. Роун взглянул ему через плечо.

--- Где?

Фейгор указал вниз. Бронированная машина размером с три обыкновенных боевых танка приближалась к Стене, и из ее вершины росла огроменная бронированная башня.

--- Осадные машины! Фес их побори! Живо к воксу, передай Гаунту!

Фейгор кивнул.

Роун подполз ближе к краю и лазерной буре внизу.

--- Бразз! Бразз!

Могучий солдат подполз к нему, волоча следом ручную гранатомет.

--- Убей это!

Бразг кивнул и поднял гранатомет на плечо, а потом сделал три выстрела, которые штопором ввинтились в исполинскую машину, оставляя след голубоватого дыма. Они ударились в корпус, загорелись, но не причинили серьезного вреда.

--- Заряжай! Ну!

Чудовищная осадная машина добралась до основания Стены, раздался скрежет металла, когда бронированная башня заскреблась о керамитовую и каменную облицовку. В Кюртину выпустили якорные канаты, чтобы зафиксировать башню. Гидравлические стабилизаторы раскинулись под бронированными краями машины, чтобы сделать ее устойчивее на разбитой земле. С металлическим воем башня стала выдвигаться вверх, углубляясь, чтобы сравняться с высотой стены. Сегментированная броня с зойканской символикой и другими росписями, от которых Роуна тошнило, развернулась сверху, чтобы защитить жерло выдвигающейся башни.

В это время основная часть огромной машины открыла хорошо защищенный люк, и в него устремились зойканские отряды.

Вершина башни вздымалась над краем Стены, метрах в сорока от Роуна. Гидравлические поршни хрипели, стальные когти вгрызались в кератит, а по обе стороны люка располагались тяжелые огнеметы.

--- В укрытие! В укрытие! --- орал Роун.

Огнеметы оросили вершину Стены жидким огнем, пронесшимся по ней взад-вперед. Сорок солдат Вербунского Главного и девять Призраков моментально превратились в прах, когда пытались убежать от башни. В припадку к визжащим огнеметам автоматические гранатометы на вершине башни с шумом плевались взрывчаткой. Гранаты детонировали по всей глине обожженной Стены.

Роун упал под прикрытие бастиона вместе с Бразгом, Фейгором и еще несколькими Призраками. Фейгор налил в башню из лазгана, но его выстрелы просто

отскакивали от брони. Вербунские солдаты, некоторые охваченные огнем, бежали мимо них.

--- Бразз!

--- Заклинило, --- ответил гигант, борясь со своим гранатометом.

--- Заряди его! --- приказал Роун. Ряговому Гиргу.

Гирг, седеющий Призрак лет сорока, метнулся за спину Браззу, когда тот взвалил оружие на плечо. Старший Призрак загружал свежие гранаты в приемник.

--- Выстрел! --- прорычал Бразз, отправив гранату прямо в вершину башни. Она сшибла левый огнемет и мощной вспышкой восплатенила выходящий прометий. Но бронированная транспортирующая часть осталась невредимой.

--- Погоди, погоди... --- прошипел Роун. Кожа на левой стороне лица почернела, обожженная волной огнемета. Если он доживет до утра, обзаведется тем, что Гвардия прозвала «огнезагар».

--- Чего ждатель? --- равкнул Фейгор. ---

Еще миг — и откроется люк. Тогда ублюдки накинутся на нас!

— Тогда чуть-чуть подожди. Мы не можем пробить эту штуку, так что подождем люка.

Оставшийся огнемет поливал вдоль и поперек Стену, белый огонь уже покрыл камень пузырями. Затем он выключился, и капли жидкого пламени стекали с его почерневшего хобота. Гранатометы прекратили огонь.

Штюрмовой люк с визгом открылся. Долю секунды защитники стены смотрели на первого из зойканских солдат в охральной броне, готового к штурму улья Вербун.

Брагг запустил три гранаты, одна из которых пошла в сторону. Две оставшиеся исчезли в глубине люка. Вершину башни разорвало изнутри. Второй взрыв прокатился по всей высоте башни, и она, схваченная пламенем, стялась и повалилась с яростным металлическим грохотом.

Защитники бешено ликовали.

— Живо назад на места! Прикрывайте стену! — поторопил Роун.

Еще шесть осадных машин выползли к Куртине, пока Роун боролся с первой.

Неутомимый артобстрел разнес одну из них у самых Сондарских врат раньше, чем она успела высадить людей. Еще одна добралась до Куртины, но встала прямо напротив батареи тяжелых вибрационных пушек, расположенных в стене. Массивные дальнобойные пушки разнесли ее в упор, хотя артиллеристов поджарила огневая команда, пронесшаяся по их позиции.

Третья добралась до Сондарских врат и успешно развернулась, вытянувшись, прикрепившись к вершине Стены, затем подгнав все и всех, что там находилось, прежде чем открыть люк и изрыгнуть волну за волной зойканскую тяжелую пехоту. Силы Вербунского Главного были истреблены этой атакой, но части вольнооповцев с соседних бастионов под командованием полковника Кордея стяли ряды нападавших.

Одна из отчаяннейших битв состоялась именно тогда, в Первый штурм, когда двадцать частей

Вольпонских Аристократов вместе с отделением элитной Десятой бригады под началом майора Кулциса сошлись на стене практически врыкопашную с тысячами зойканских штурмовиков. Аристократы носили серые с золотым бронежилеты и характерные низко надвинутые круглые шлемы. Элитная 10-я носила панцирную броню, матово-черные хеллганы и яркие синие значки в виде орлов, приколотые к арманпластовому вороту брони. Кулцис, лично заслуживший медаль за отвагу на Вандатааре, был слишком юн для Десятой элитной, но начальство верно подметило в нем командирские качества. Несмотря на потери, составившие семьдесят процентов, он удерживал Сондарские врата не чем иным, как тактической изворотливостью и отчаянной решимостью.

Вершина Сондарских врат и близлежащие стены были завалены трупами. Кулцис и его подчиненный сержант Мантес из регулярной Вольпонской попытались вывести осадную машину из строя противотанковыми

минами. Мантес погиб при этой попытке, но мины взорвали крепёжные когти башни, и вскоре она обвалилась под собственным весом. Кулцис, потерявший руку при взрыве мины, перегруппировал своих подчинённых и вырезал всех до одного оставшихся на стене зойканских солдат. В этой первой из трёх главных атак Сондарские ворота устояли перед врагом.

Четвёртая осадная машина добралась до стены к востоку от Сондарских ворот, на полпути к Вейвейру. Здесь на позициях были Роанские Диггеры, решительно настроенные ударные части в коричневой форме и сетчатых шлемах. Генерал Нэш командовал здесь лично, он навёл настенные батареи на перемычку башни, когда она начала выдвигаться к ним. Гранатам не уничтожил её, но они повредили какой-то внутренний механизм, и башню заклинило в полуразложенном состоянии, так что она не могла дотянуться до стены и закрепиться. Она злобно плевалась вверх огнемётами и гранатами, и Нэш потерял более сорока человек. Но она не могла провести атаку и

так и простояла, согнувшись, у Күртины, сломанная и покинутая, до конца войны.

Еще две осадных машины штурмовали Хасский западный.

Гаунт видел, как они приближаются, медленно и неумолимо, и поднял тяжелую артиллерию. Он видел способ нападения врасплох, наблюдая за позицией Роуна, и не хотел повторить его ошибки.

Под его вооружением настенные батареи расстреляли ближайшую машину и успешно разнесли ее на куски. Верхняя часть башни, начавшая выдвигаться, была сбита шаром огня и раздавила основной корпус, свалившись на него.

Но вторая машина, несмотря на усилия Гаунта, добралась до западной части вала и прикрепилась к стене. Башня выдвинулась.

Гаунт приказал людям отступить, когда огнететы рывнули и разразились ливнем пламени и на стену посыпались гранаты.

В укрытии рядом с ним капитан Даур снял с руки повязку.

— Ваша рука?

--- Забудьте, комиссар! Дайте оружие!

Гаунт передал Вербунскому капитану свой болт-пистолет и включил свой ценной меч.

--- Готовьтесь, Даур. Все настолько плохо, насколько возможно.

Зойканские солдаты хлынули на вершину форта тысячами. Их встретили Призраки и Вербунский Главный. Начался еще один печально известный эпизод Первого штурма.

Прямо перед тем, как люди Гаунта уничтожили первую из двух осадных башен, другие зойканские машины стерты с бряцаньем выкатились из трющоб и атаковали стены: полдюжины квазитанков, быстро прозванных вербунскими солдатами крабами из-за сходства со съедобными ракообразными, которых разводили в устье Хасса. Они были размером с четыре или пять танков, покрыты похожими на ракушку панцирями из наложенной слоями брони, словно гигантские жуки или моллюски. Одно дуло огромного калибра торчало из их турелей,

и они забарабанили по Стене скорострельным огнем, сотрясав каменную кладку и асфальтовые блоки.

Крабы были штурмовыми взломщиками, тяжелой техникой, специально разработанной, чтобы таранить мощнейшие укрепления. Два из них, с пушками, развернутыми вперед, вооруженные крупными таранами, набросились на ворота Хасского западного и Сондарские. Пока они приближались, обычные танки, казавшиеся крошечными, двигались следом. А приливная волна подметных в охру солдат не убывала.

А затем была очередь «пауков», самых крупных и устрашающих осадных орудий Зойки. Сто метров в длину от носа до хвоста, на восьми исполинских шинастых колесах, укрепленных на осях под главным корпусом бронированной машины, той ночью пауки были ближе к захвату улья, чем все остальное вместе взятое. Пять пауков. Один, приближаясь, был уничтожен настенными орудиями. Еще один обездвижен гранатометным огнем в двадцати метрах от Стены, а затем

загорелся под гальнейшим обстрелом.

Еще три добрались до стен и вытянули свои безтерные тела вверх, с визгом скребя по адамантию и керамиту, когда их округлые когти вгрызались в стену. Один был остановлен комиссаром УКВТ Вокейном, который приказал своим войскам выкатить снаряды из пусковых установок на вершину Стены и просто скинуть на поднимающееся чудище, настроив на скорый взрыв. Паука сшибло со стены, и он опрокинулся, раздав сотню зойканских солдат. Он лежал на спине и горел. Вокейн и пятьдесят семь его людей не успели порадоваться этому. Взрывная отдача от погибшего паука окатила стену и сожгла их до костей.

Второй паук добрался до Вейвейра и начал карабкаться на баррикады. Его толгучие колеса изрубили все, чего коснулись, медленно втаскивая свою тушу в проем. Тяжелая артиллерия и танковые части Севзгрупп встретили его массированным огнем, и стоило его голове протиснуться во врата, как ее взорвали. Он осел, раскинув взорванные колеса.

наполовину блокируя вход.

Оставшийся паук карабкался по Күртинке к западу от Хасского западного форта. Генерал Гризмунд уже поджигал его. Пока он расшвыривал и сжигал защитников Стены налево и направо, мармянские танки Гризмунда, собранные на открытых пространствах хитзабодов гота Анко, подняли свои орудия и открыли огонь, сбрасывая огромого монстра с Күртины. Мощь залпа снесла также и часть внутренностей Стены, но израсходовала свеч. Паук был уничтожен.

В Хасском западном люду Гаунта встретили прилив зойканских, хлынувших из прикрепившейся осадной машины. В узких коридорах вала завязалось отчаянное сражение. Гаунт лично убил ценным метком десятки врагов и отрезал путь заходившей сбоку группе. Давр не отставал, разя из одолженного болтера, так же как и стая из шестидесяти с лишним Призраков вперемежку с солдатами Вербунского Главного.

Эскадры под командованием Варла и Маколла присоединились к ним, и Гаунт с

удовольствием ответил, что они, похоже, убивали штурмовиков почти так же быстро, как те высаживались из башни.

Гаунт услышал крик сквозь шум сражения и увидел, как комиссар Каул ведет по нижним валам около пятидесяти солдат Вербунского Главного наперерез.

Враг оказывался, как понял Гаунт, зажат между ними.

--- Мне нужна взрывчатка! ---
прошипел он Дауру. Капитан позвал гренадера с полным мешком трубных зарядов и противопехотных гранат.

--- Всю! --- выплюнул Гаунт. --- В перемычку этой задости! Угем!

Гаунт двинулся сквозь волны врагов, выгрызая цепным мечом кровь, осколки брони, волосы и куски плоти. Он вырезал дыру в вершине башни и позвал гренадера. Выстрел лазгана пробил бровь гренадера, и он упал.

Гаунт подхватил его.

--- Даур!

Даур подбежал и помог комиссару. Вместе они подняли труп, нагруженный взрывчаткой, и подтащили к разинутой

насти башни. Гаунт вытащил заряд, снял предохранитель, затолкал обратно в мешок убитого, и вместе они толкнули тело в глотку осадной башни.

Граната взорвалась через пару секунд. Через долю секунды сдетонировали остальные снаряды, потревоженные первым взрывом.

Башня согнулась и сломалась, а затем обрушилась в море зойканских, будущие под Күртиной.

Силы Каула вступили в бой и перебили остатки штурмовиков на Стене.

В два часа ночи уже тридцатого дня зойканский штурм прекратился, и войска отступили вглубь неясных теней наружных трюбов. Крабы укатились обратно в дыт, сопровождаемые колоннами танков и легионами охранных солдат. Имперский гимн победы раздавался из всех радиовещателей в улье.

Улей Вербун потерял 34 000 солдат, двадцать ракетных установок, пятьдесят пушек и десять единиц гаубичной артиллерии. Күртина была изрезана и

повреждена, в нескольких местах
повреждена до точки износа.

Но Первый штурм был отражен.

Глава восьмая

ОПАСНЫЙ ПУТЬ

Первая уловка, которой
учится политофицер
Комиссариата: учись лгать.
Вторая: никому не доверяй.
Третья: никогда не ввязывайся в
местную политику.

Комиссар-генерал
Делан Окмар. Из его
Посланий к
гирканцам

Процессия священнослужителей
Министров, самых верных
последователей Имперского культа,
продвигалась сквозь каменные палаты
Общественного медицинского учреждения
внутренних трущоб 67/тв. Они несли
свечи и курящиеся кадила и пели литании
во избавление и благословения раненым и
умирающим, которые сейчас наводнили

учреждение. Длинные хрупкие ленты пергамента, исписанного речами Императора, тянулись за нити, словно сброшенная змеей кожа, свисая из толибвенных ковчегов, которые они несли.

Военный врач Анна Кёрт почтительно кивала клирикам каждый раз, когда встречала их в коридорах или палатах медицинского учреждения, но про себя она проклинала их. Они мешали, они пугали ослабевших или более серьезно раненных пациентов, которые видели в них ловцов душ, явившихся по их жизни. Спасение души — это чудесно, но здесь была катастрофа физическая, где больше пригодился бы толковый персонал, заботящийся о телах, а не о душах.

Зойканская осада направила поток новых пациентов во внутриульевые медицинские учреждения, которые на тот момент и так еле справлялись с больными и покалеченными беженцами с первой фазы столкновения. Военно-полевые госпитали и медицинские станции разбивались повсюду, а офицеры-медики и медперсонал, прибывший с Имперской Гвардией, были на

вес золота. Кёрт и ее коллеги были гражданскими врачами с огромным опытом лечения всех видов травм -- кроме боевых ранений.

Был вечер тридцатого дня, Кёрт провела на дежурстве уже около двадцати часов. После ночного кошмара битва затеялась до беспорядочного обмена залпами поверх свалки зойканских мертвецов под Стеной.

Ну, так говорили встреченные Кёрт солдаты и чиновники Администратума. У нее едва хватало времени поднять голову от нескончаемой работы. Анна остановилась попытать руки не только, чтобы очистить их, но и для того, чтобы ощутить освежающе холодную воду на руках. Она подняла взгляд и увидела группу грязных солдат Вербунского Главного, катящих в зал дюжину или более раненых товарищей на латунных каталках. Часть раненых всхлипывала.

-- Нет! Нет! -- крикнула она. -- Западные палаты заполнены! Не туда! Несколько солдат заспорили.

-- Вас разве не инструктировали на

входе? Покажите ваши бумажки.

Она остотрела лятые, залаяпаннне грязью и кровью пропускные билеты, которые передал ей один из солдат.

--- Нет, неправильно, --- пробормотала она, покачав головой. --- Они заполнили не те поля. Вам придется вернуться на главный сортировочный пункт.

Снова протесты. Она вытащила стилус и переписала данные на билетах, подписав их и поставив свою печать краткой вспышкой кольца-печатки.

--- Назад, --- властно распорядилась она. --- Назад, вон туда, там за вами пристотрят.

Солдаты убрались. Кёрт отвернулась и вскоре услышала повышенные голоса в палате 12/9 неподалеку.

Палата 12/9 была заполнена беженцами из трупоб, большинство из них --- простуженные или недолеченные. Дни регулярного питания и жаропонижающих инъекций поправили ситуацию, так что она надеялась вернуть большинство в лагерь беженцев в ближайшие пару дней. Это освободило бы драгоценное место.

Она зашла в отделение со сводчатым
потолком: глиняный выкрашенный в зеленый
цвет каменный зал с семью сотнями коек.
Некоторые были отгорожены ширмами.
Некоторые — окружены семьями
пациентов, отказавшихся расставаться с
родней. В воздухе ощущался теплый,
сладковатый душок живых тел — и грязи.

От койки посреди комнаты
доносились крики. Двое ее ординарцев,
узнаваемые по своим красным одеждам
среди грязных пациентов, пытались
успокоить рабочего из наружных труб
на глазах у группы других оттуда же.
Рабочий был крупный мужчина без каких-
либо видимых повреждений, но измученный
и бледный. Он кричал на ординарцев и
нервно, угрожающе жестикүлировал.

Кёрт вздохнула. Это был не первый
случай. Как и очень многие из
обездоленного низшего класса, рабочий был
обскүрозависимым, подсевшим на сладкий
опиат, облегчающий его жалкую
дерьмовую жизнь. Обскүра была дешевле
алкоголя. Он, вероятно, использовал трубку
или ингалятор. Когда началось

вторжение, рабочие бежали в улей. Теперь
многие из них жалели, что в панике
бросили заначки опиата. У нее уже было
девяносто с лишним пациентов, принятых
с тем, что сочли симптомами воспаления
кишечника. После нескольких дней ухода и
питания оказывалось, что у них
абстинентные спазмы.

Отчаявшись, некоторые зависимые
требовали лекарств, чтобы облегчить
ломку. Некоторые выдерживали фазы
абстиненции. Но многие становились
жестокими и неадекватными. Некоторым
--- хроническим, давно подсевшим --- ей
пришлось выписать облегчающие
транквилизаторы.

Кёрт вклинулась между оргинарцатами
и повернулась лицом к мужчине,
успокаивающе подняв руки.

--- Я старший врач, --- мягко сказала
она. --- Как вас зовут?

Рабочий прорычал что-то
нечленораздельно, но его подбородку текла
пена, когда челюсть шевелилась. Белки
были слишком яркими.

--- Ваше имя? Как вас зовут?

--- Н-норанг.

--- Как долго вы использовали обскурү,
Норанг?

Еще один невнятный визг. Заикание.

--- Как долго? Это важно.

--- С-с тех пор, к-к-как был п-п-
подмастерьем...

Не меньше двадцати лет.
Пожизненно подсел. Здесь не о чем
говорить. Кёрт сомневалась, что рабочий
когда-либо сможет побороть привычку,
разрушавшую его мозг.

--- Я кое-что вам достанү, что вам
поможет, Норанг. Вам надо просто
успокоиться. Сможете?

--- Т-т-таблетки? --- пробормотал он,
жүя губү.

Она кивнула.

--- Вы успокоитесь теперь?

У рабочего затряслась голова, и он
үселся обратно на койкү, тяжело дыша и
перебирая пальцами простыни.

Кёрт повернула к ординарцам.

--- Принесите две дозы лотитатола.
Живо!

Один из ординарцев заторопился

прочь. Она отправила второго развести
пациентов по их койкам.

Фоновый шум палаты на секунду
столк. Кёрт повернулась к рабочему
спиной и поняла, что это было большой
ошибкой. Он обернулся вовремя, чтобы
увидеть, как он бросается на нее, оскалив
огниющие зубы, со ржавым складным ножом
в руке.

Механически углубившись, как, во имя
Цнператора, ему удалось протащить нож
в зал, она успела отступить в сторону.
Рабочий боком врезался в нее, и она
отшатнулась, перевернув тележку с водой.
Бутылки разбились о плитку. Рабочий,
пронзительно завывая, переступил через
осколки, пытаясь удержать равновесие. Он
ткнул в нее ножом, и она закричала,
откатываясь в сторону и порезав руку о
разбитое стекло. Анна барахталась,
пытаясь встать и ожидая, что в любой
миз он всадит нож ей в спину.

Оглянувшись, она увидела, что он
задышится и давится, взятый в замок.
Дорден, танитский военврач, левой рукой
зажал шею зависимого, а правой крепко

--- Вы знаете, сейчас вообще-то война. Вам не помешала бы охрана. Во время войны становится небезопасно даже в тылу.

Она кивнула. Ее трясло.

--- Спасибо, Дорген.

--- Рад помочь. Я искал вас. Уйдите.

Он поднял стопку инфопланишетов и бумаг, которые она уронила, уклоняясь от рабочего, и повел ее под руку к выходу из палаты.

В прохладе коридора она остановилась и прислонилась к холодной стене, делая глубокие вдохи.

--- Как давно вы работаете? Вам нужен отдых, -- сказал Дорген.

--- Мнение врача?

--- Нет, груга.

Анна посмотрела на него. Она все еще не вполне понимала этого иномирца, но он нравился ей. И он со своими танитскими медиками был единственной надеждой боевого распределительного пункта.

--- Вы работали не меньше моего. Я видела вас вчера в полночь за работой.

--- Я дремал.

--- Как это?

--- Я дремал. Это полезное умение. Я поставил бы его чутьочку выше умения накладывать шов. Я знаю все оправдания насчет «не было времени на сон». Я сам к ним прибегал. Проклятье, я был доктором много лет. И научился дремать. Десять минут тут, пять там, в любой перерыв. Сохраняет бодрость.

Она покачала головой и улыбнулась.

--- И где вы дремаете? --- спросила она.

Он пожал плечами.

--- Я обнаружил исключительно удобный шкаф с простынями на третьем этаже. Вам стоит попробовать. Вас не побеспокоят. Постели все равно никогда не перестылают.

Это растешило ее.

--- Я... вам благодарна.

Он снова пожал плечами.

--- Учитесь, военный врач Кёрт. Выкраивайте время на дрему. Доверяйте грузьям. И никогда не поворачивайтесь спиной к обскурозависимому со ржавым ножом.

--- Я запотню, --- произнесла она, чуть-

чуть слишком торжественно.

Они вместе прошли по холлу, минуя две группы, несущие критических больных в операционную.

--- Вы искали меня?

--- Хм-м, --- протянул он в ответ, одновременно просматривая документы, которые нес. --- Это ерунда на самом деле. Вам это покажется глупостью, но у меня есть одна мысль насчет мелочей. Еще один урок, если вы в настроении. Следите за мелочами, иначе они укусят вас за фесову жопу.

Он остановился, посмотрел на нее и залился краской.

--- Мои извинения. Я слишком долго был в компании необразованной солдатни.

--- Принимаю. Расскажите, что там с мелочами.

--- Я был в палате интенсивной терапии 471/к и столкнулся с вот какой ситуацией. Здесь в основном жители внутренних трупоб, раненные в первые дни. Тут у нас ожоги, шрапнель, переломы, вывихи --- полный набор загостей, в общем-то. Все они были в Коммерции, когда

упали бомбы. Точнее, — он сверился с инфопланишетом, — станция С4/а и восточные торговые дома.

Она взяла инфопланишет у него.

— У?

— Я смотрел, нельзя ли выписать некоторых или хотя бы перевести в обычную палату. Там, может, около дюжины тех, кого можно перевести в обычные палаты.

— У? — повторила она. — В этом все дело? Административные соображения?

— Нет, нет! — сказал он, переверачивая очередную страничку. — Я перечислил вам основные случаи ранений: в основном от снарядов, несколько травм от панического бегства. Но было еще двое, оба в коме, в критическом состоянии. Я... я заинтересовался, почему у них огнестрельные ранения?

— Что? — Она выхватила инфопланишет и внимательно изучила.

— Маленький калибр, возможно, изломлет. Легко спутать с ранениями от шрапнели.

— Здесь написано «порезы о стекло».

Навес станции взорвался и...

--- Это изломленные раны. Я осмотрел, потому этих двоих, более десятка раненных осколками. В этих стреляли в упор. Я проверил записи. Еще двенадцать были доставлены с того же места с идентичными ранениями, но все мертвы по прибытии.

--- Коммерция, так?

--- Субтранзитная станция C7/d. Не загорая, по сути, прямым обстрелом, по утверждениям записей. Но там нашли не менее двадцати тел.

Она перечитала записи и посмотрела на него.

--- Вы думаете о том же, о чем и я? --- Улыбнулся он. --- Сотни тысяч погибли или умирают, все нуждаются в нас, а я думаю только о двоих. Мне не стоит думать о том, как они пострадали, только о том, что я нужен им.

Она помолчала.

--- Да, об этом я думаю... но...

--- О... «Но». Полезное слово. Почему их застрелили? Кто открыл огонь по беззащитным гражданам в разгар

катастрофы?

Несмотря на часы, проведенные на дежурстве, Анна Кёрт внезапно снова оживилась. Дорген был прав: это была мелочь в сравнении с невероятным горем в улье Вербун. Но это нельзя было оставить незамеченным. Сколат Медикалис учил ее ценить каждую жизнь в отдельности.

--- Улей Вербун убивают, --- сказала она. --- Большая часть убийц --- там, в охранных госпехах. Некоторые, должны признать, сидят за схемными столами в Штабе готов. Но есть еще один --- и мы его разыщем.

Гаунт поправил фуражку, лишний раз протер отворот чистой кожанки и оставил свиту из шести танитских солдат возле лифта. Свита, возглавляемая Каффраном, спокойно стояла, рассматривая изысканную полнезную обстановку Верхнего хребта. Никто из них никак не ожидал, что доведется увидеть хоромы ульевой знати.

--- Даже в фесовом лифте есть ковер! --- выдохнул рядовой Кокоэр.

Гаунт остотрелся.

— Оставайтесь тут, ведите себя хорошо.

Призраки кивнули и столпились вокруг вычурно изукрашенного фонтана. Вода вытекала из раковин в руках позолоченных нимф и, пенясь, падала в заросший лилиями зеленый бассейн. Некоторые из Призраков положили лапзаны на мраморный бортик. Гаунт улыбулся, увидев, как Каффранотряхивает брюки сзади, прежде чем присесть на бортик.

Настолько не к месту, думал он, бросив на них последний взгляд, шесть грязных армейских псин, только с поля боя, под сводом безмятежных апартаментов власти и богатства.

Он шагал по Променаду, и голубой ковер приглушал стук начищенных сапог. Воздух благоухал, а из скрытых вещателей доносились нежные напевы. Потолок крытой улицы был стеклянным, поддерживаемым тонкими железными перекрытиями. Деревья, настоящие деревья росли на клумбе в центре глинного

холла, и маленькие цветастые певчие птички порхали в ветвях. Вот они, привилегии власти, подумалось Гаунту.

Массивные двери, вырезанные из цельного ствола какого-то исполинского дерева, оказались перед ним, на них выделялась латунная эмблема гота Часс. Плющ обвивал стены по обеим сторонам, голубые цветочки распустились на деревьях в аллее, ведущей к дверям. Он вынул печать и приложил к выпуклой скважине в замке.

Огромные двери бесшумно распахнулись внутрь. Невидимый хор грянул приветственный марш. Он вошел в высокую комнату, освещенную голубым светом, падавшим сквозь витражные вставки в вышине. На стенах были мозаики, изображающие неизвестные ему события и сюжеты. Орнамент между мозаиками повторял эмблему Чассов.

— Добро пожаловать, почтенный гость, в анклав гота Часс. Наличие печати с эмблемой выдает в вас приглашенного горожанина гостя. Пожалуйста, ожидайте в вестибюле.

прохладительные напитки будут поданы,
пока его светлость будет
проинформирован о вашем прибытии.

Голос сервитора был мягким и
теплым и раздавался словно из чистого
воздуха. Мощные двери беззвучно
закрылись за Гаунтом. Он снял фуражку и
перчатки и положил их на тиковый
столик.

Спустя секунду открылись
внутренние двери и показались три
фигуры. Два домашних охранника в
бронезилетах, точь-в-точь как у лейб-
гвардейца, который говорил с Гаунтом
близ Совета Причастных. На бедрах
висело оружие, накрытое атласными
чехлами. Они сдержанно поклонились ему.
Третьей была серьезно модифицированная
женщина-сервитор, чьи имплантаты
скрывались под пластинами из чистого
золота. Она несла поднос с напитками в
длинных шарнирных серебряных руках,
дополнявших ее природные конечности.

Она остановилась перед Гаунтом.

--- Вода, джойлик, ягодное вино,
леденцы. Пожалуйста, угощайтесь, дорогой

гость. Если вам ничего не подходит, сообщите мне, и я удовлетворю любые пожелания.

--- Все отлично, --- сказал Гаунт. ---
Порцию этого местного напитка.

Держа понос своими
дополнительными руками, сервитор ловко
напила порцию джойлика в хрустальный
бокал и передала Гаунту.

Он принял его, кивнув, и сервитор
отступила в угол комнаты. Гаунт
задумчиво потягивал напиток. Ему стало
любопытно, почему он пришел. Было
очевидно, что между ним и Чассом не было
ничего общего. Что же могло их
связывать?

--- Вас должны были пригласить, раз
вы здесь оказались, но я вас не знаю.

Гаунт повернулся и увидел молодую
деву, вошедшую с другой стороны
прихожей. Она была в глинном платье из
желтого шелка, меховом боа и элегантной
тиаре, сплетенной из серебряных нитей,
посыпанной драгоценными камнями. Она
была почти до боли прекрасна, но Гаунт
разглядел острый ум в ее совершенном

лице.

Он почтительно кивнул, щелкнув каблуками.

--- Гаунт, миледи.

--- Унотирский комиссар?

--- Один из. Несколько моих коллег прибыли с Гвардией.

--- Но только вы знамениты: Убрам Гаунт. Говорят, Народный Герой Каул был вне себя от гнева, когда услышал, что знаменитый Гаунт направляется в улей Вербун.

--- Так говорят?

Девушка обошла его по кругу. Гаунт стоял, не поворачиваясь.

--- Именно так. Героев войны Каул еще терпит, как говорят, но комиссара -- героя войны? Известного своими действиями на Бальгауте, Фортис Бинари, Меназоиде, Монтаксе? Это слишком для Каула. Вы можете затмить его. Улей Вербун огромен, но место в нем лишь одному знаменитому, удалому комиссару-герою, не так ли?

--- Возможно. Мне не интересно соперничество. Так... я вижу, вы сведущи в

недавних военных событиях, миледи?

--- Нет, только мои служанки, --- она коварно улыбнулась.

--- Ваши служанки интересовались моим досье?

--- Очень. Не только вати, но и ваши -- как там это называли? --- ваши «отважными призрачными грязнулями». Полагаю, они интригуют гораздо больше накрахмаленных Вольпонских Аристократов.

--- За это готов поручиться, --- ответил он. Хотя она была милой, он уже был сыт по горло ее наглыми манерами и вежливым флиртом. Отвечая на подобные штучки, можно получить нүлю.

--- У меня там шестеро грязных, отважных Призраков ждүт снаружи, если желаете, я представлю их вашим служанкам, --- улыбнулся он. --- Или вам.

Она потолчала. Под маской невозмутимости просвечивало недовольство. Она неплохо его контролировала.

--- Что вам нүжно, Гаүнт? --- спросила

она вместо этого, и голос стал тверже.

--- Лорд Часс призвал меня.

--- Мой отец?

--- Я так и подумал. Можно считать, что вы представились.

--- Мерити Часс из дома Часс.

Гаунт любезно поклонился. Сделал еще один глоток напитка.

--- Что вам известно о моем отце? ---

спросила она резко, по-прежнему кружа вокруг него, как петух в брачном танце.

--- Владыка одного из девяти благородных домов в улье Вербун. Один из трех, кто отверг тактические решения генерала Штурма. Единственный, кто заинтересовался моей альтернативой планам Штурма. Союзник, я полагаю.

--- Не используйте его. Не стейте использовать его! --- гневно крикнула она.

--- Использовать его? Миледи...

--- Не надо изр! Часс --- один из сильнейших благородных домов, и старейших, но он в меньшинстве. Кроу и Анко контролируют и власть, и оппозицию. Особенно Анко. Мой отец либерал, как они говорят. У него... высокие

полтыслы, и он щедрый, честный человек. Но он простодушен, раним. Ловкий политикан запросто воспользуется его честностью и предаст его. Так уже случалось.

--- Леди Часс, у меня нет никаких планов на положение вашего отца. Он пригласил меня сюда. Я понятия не имею, чего он хочет. Я военный лидер, полководец. Я лучше руку себе отрежу, чем сунусь в высокую политику.

Она задумалась.

--- Обещайте мне, Таунт. Обещайте, что не используете его. Лорд Анко будет счастлив увидеть, как мой благородный дом со всей его славной родословной падет.

Он изучал ее лицо. Она говорила всерьез и, как сама выразилась, простодушно.

--- Я не интриган. Оставьте это Каулү. Простые, честные обещания -- по моей части. Солдаты живут или. Так что я обещаю вам, миледи.

--- Клянитесь!

--- Клянусь жизнью возлюбленного Императора и светом Луча Надежды.

Она слотнула, отвела взгляд, а затем молвила:

— Следуйте за мной.

Телохранители следовали на почтительном расстоянии, пока она вела Гаунта по коридору с мягкими полупрозрачными границами, качающимися на прохладном ветру, и вскоре они вышли на террасу.

Терраса раскинулась у внешней стены Главного хребта и была укрыта отдельным щитом. Они были примерно в километре над городом. Внизу обширная туча улья Вербун разлеглась вплоть до далекой Күртины. Над ним возносился пик Хребта в глянце изморози, венчаемый огромным сводом потрескивающего Щита.

Терраса представляла собой изысканный кибернетический сад. Механические листья росли и распускались на отведенных клумбах, бионические лозы повторялись в изгибающихся узорах ветвей, складываясь в карликовый фруктовый сад.

Металлические шпелли и хрупкие бабочки
с бумажными крыльями мельтешили в
серебряных стеблях и железных ветвях.
Масляно-свежие фрукты, черные, как терн,
висали с соцветий на покачивающихся
ветвях механических деревьев.

Лорд Хеймлих Часс, одетый в халат
садовника, с пятнами сока на манжетах и
фартуке, ходил между рядами
искусственных растений, обезглавливая
цветки, чьи лепестки стали латунными,
лазерным секатором и подрезая побеги
алюминиевых роз.

Он смотрел, как дочь ведет
комиссара.

--- Я надеялся, что вы придете, ---
толвил лорд Часс.

--- Я задерживался из-за
происходящего, --- сказал Гаунт.

--- Разумеется, --- кивнул Часс и на
мгновение застыл на Куртину. ---
Тяжелая ночь. Ваши люди... выжили?

--- Большинство. Война есть война.

--- Мне сообщили о ваших действиях в
Хасском западном. Улей Вербун уже в
долгу перед вами, комиссар.

Гаунт пожал плечами. Он окинул взглядом металлический сад.

— Я никогда не видел ничего подобного, — сказал он честно.

— Личная привилегия. Дом Часс построил свой успех на сервиторах, когитаторах и механическом прогрессе. Я изготавливаю рабочие машины для Империи. Мне нравится, что здесь они принимают облик природы и не имеют иного назначения, кроме собственной жизни.

Мерити отошла.

— Я оставляю вас наедине, — сказала она.

Часс кивнул, и девушка скрылась, петляя между проволочными лозами и вьющимися соцветиями.

— У вас хорошая дочь, милорд.

— Да. Моя наследница. Нет сыновей. У нее талант к механическим конструкциям, который просто изумляет меня. Она поведет дом Часс в следующее столетие.

Он помолчал, срезал ржавый цветок в обвязанный вокруг талии мешок и

вздохнул.

--- Если в улье Вербун наступит следующее столетие.

--- Силы Империи выиграют эту войну, милорд. Я не сомневаюсь.

Часс широко улыбнулся комиссару.

--- Слова настоящего политического животного, Гаунт.

--- Это не пропаганда.

--- Я понимаю. Но вы действительно политическое животное, не так ли, Гаунт?

--- Я полковник Имперской Гвардии. Воин всемогущего Императора, да славится имя Его. Моя политика простирается на заботу о боевом духе солдат -- и не дальше.

Часс кивнул.

--- Уделите со мной, -- сказал он.

Они прошли через рощу платиновых деревьев с тяжелыми медными апельсинами. Оборки проволочного вьюнка были припаяны к отполированным стволам. За рощей, тиновав железный газон, скрипевший под ногами, они спустились между рядами кустов с

широкими инкрустированными листьями
из мягкой бронзы.

--- Я полагаю, моя дочь прожужжала
вам все уши предупреждениями о моих
либеральных взглядах?

--- Вы правы, милорд.

Часс застелся.

--- Она очень опекает меня. Она
считает, что я уязвим.

--- Именно так она и сказала.

--- И это правда. Я вам кое-что
покажу.

Часс провел Гаунта в лабиринт из
живой изгороди. Изгородь потрескивала
энергией, словно покровы иллюзий.

--- Фрактальный сад, --- гордо сказал
Часс. --- Математические конструкции,
вырабатываемые стволонподобными
когитаторами, посаженными здесь.

--- Это чудо.

Лорд Часс оглянулся на Гаунта.

--- Но вам холодно здесь, не так ли,
Гаунт?

--- Холодно --- слишком сильно сказано.
Мне здесь... неуютно. Что я здесь делаю?

--- Вы необычный офицер, Гаунт. Я

внимательно изучил Ваше досье.

--- Как и служанки тиледи, --- сказал
Гаунт.

Часс фыркнул, снятая с пояса серп. Ум
он стал подрезать мерцающую
фрактальную изгородь.

--- По разным причинам, должен
сказать. Служанкам нужны мужья. Мне ---
грузья. Ваше досье говорит о том, что вы
удивительно нравственное существо.

--- Правда? --- Гаунт наблюдал, как
вельможа подстригает световые почки на
кустах, и не спешил продолжать.

--- Предан делу Умпериума,
Крестовому походу, но не всегда
подчиняется непосредственному
начальству, когда эти два интереса
сталкиваются. Дравир на Меназоуде
Унсилон, например. Наш собственный
генерал Штурм на Вольтеманге. Вы
ищете свой путь и, как истинный
комиссар, не спускаете тем в Вашем
стане, кто действует вопреки общему
благу.

Гаунт посмотрел на огромный улей,
раскинувшийся под нити.

— Еще предложение или два, и ваша речь будет изменой, лорд Часс.

— И кто услышит меня? Человек, чья профессия — искоренять измену? Если я изменник, Гаунт, можете убить меня прямо здесь.

— Надеюсь, до этого не дойдет, милорд, — тихо сказал Гаунт.

— Я тоже надеюсь. После давнишнего инцидента в Совете Причастных я понял, что вы не согласны с тактическим планом генерала Штурта?

Гаунт ответил сдержанным кивком.

— В таком случае у нас есть кое-что общее. Я не согласен с политикой гомеопатии Сонгар. Сонгар контролирует Кроу. А Анко — его комнатная собачка. Они приведут нас к гибели.

— Подобные махинации далеки за гранью моих полномочий, лорд Часс, — дипломатично заметил Гаунт.

Часс снова подрезал изгородь. Он вырезал идеального имперского орла из сплетений световых усиков.

— Но мы оба зависим не только от наших полномочий. Плохая политика и

плохое руководство уничтожат этот
улей. И тогда мы оба пострадает.

Гаунт прочистил горло.

--- Со всем уважением, есть ли смысл
во всем этом, лорд Часс?

--- Может, есть, может, нет. Я хотел
поговорить с вами, Гаунт, и составить о
вас мнение. Я хотел понять ваше
мышление и посмотреть, нет ли в нас
родственного огня. У меня есть
обязанности перед ульем Вербун, много
большие, чем правление этим
благородным готом. Вы не поймете меня,
и я не жажду объяснять. Поверьте мне.

Гаунт протолчал.

--- Я буду защищать жизнь этого улья
до последнего вздоха -- и после него, если
придется. И мне нужно знать, на кого
можно положиться. Теперь можете идти.
Я пришлю за вами вновь со временем.
Возможно.

Гаунт кивнул и отвернулся.
Цтперский орел из фрактальной изгороди
был завершен.

--- Гаунт?

Он оглянулся. Лорд Часс сунул руку в

мешок и вытащил розу. Она была идеальна, стальная, только распустившаяся и чутьчку заржавленная по краям. Серебряный стебель был крепок, и из него торчали алюминиевые шипы.

Часс протянул ее.

--- Носите ее с честью.

Таунт взял металлическую розу и прицепил на лацкан куртки, над сердцем.

Он кивнул.

--- С честью я буду носить что угодно.

Часс остался в одиночестве, когда Таунт прошагал по металлическому саду и отбыл. Он долго стоял неподвижно в задумчивости.

--- Отец? --- Мерити вышла из рощи медных апельсинов.

--- Что думаешь о нем?

--- Достойный человек. Немного скованный, но не робкий. Отважный, с характером.

--- Несомненно.

--- Мы можем ему доверять?

--- А ты как думаешь?

Мерити потолчала, рассеянно теребя фрактальный цветок.

--- Тебе решать, владыка дома.

Хейтлик Часс растеялся.

--- Мне. Но тебе он нравится? Это важно. Ты просила посвящать тебя во все.

--- Мне он нравится. Да.

Часс кивнул. Он вытащил атүлет из мешка, где тот был все это время, погребенный под садовым мусором.

Он повертел его в руках. Тот изгибался и щелкал.

--- Скоро узнает, --- сказал Часс дочери.

День тридцать первый прошел без серьезных происшествий. Перестрелка между защитниками стены и выжидательной зойканской армией продолжалась. На заре тридцать второго дня начался Второй зойканский штүрт.

Глава девятая ВЕЙВЕЙРСКІЕ ВРАТА

Не спрашивайте, как
отдать жизнь за Императора.
Спросите лучше, как отдать за
него смерть.

Воентейстер Слайдо,
на смертном одре

Был гнетуще серый рассвет. Ранний
утренний свет рассеивали серые тучи,
проглевавшие ночь. Начался дождь.
Сначала полчаса моросило, потом полило,
толомя по громаде улья и пустошам за
ним. Вигилность упала до двухсот метров.
Сильный ливень покрыл потрескивающий
Щит жутковатыми рваными узорами.

На укреплениях Вейвейра в первый же
час рассвета Колм Корбек обходил
танитские ряды, восточные посты и

разрушенный вокзал. Его пятнистый
маскхалат, характерный для Танинского
Первого, висел на нем, словно саван, и он
где-то раздобыл широкополый круглый
шлем -- скорее всего, у кого-то из Севзрун
-- заставлявший многих Призраков
хихикать при его появлении. Было
холодно, но Шит хотя бы не пропускал
дождь.

Корбек осматривал позиции
Танинских Призраков с дюжину раз, и с
каждым разом они все меньше нравились
ему. Через ангары и грузовые залы вели
запасные ходы, все разбомбленные, а путь к
почерневшим от пламени белокаменным
воротам проходил через груду обломков
взорвавшихся топливных цистерн. На краю
огромного вокзального двора, у восточной
границы, высились выжженные плавильни.

Полк солдат Вербунского Главного --
терриконовцы, как сказали Корбеку, --
держал позицию и следил за колебаниями
коварной шлаковой горы. У Корбека было
около двух сотен Призраков, окопавшихся
за ангарами или валунами вокруг, и
передовые разведывательные команды у

самых врат.

Вервунские части полковника
Модайла, почти пять тысяч, заполняли
главные траншеи и баррикады в
центральной части широкого вокзала.
Севгруппские солдаты Балвера, две с
лишним сотни, были развернуты вдоль
гордых и мрачных западных заводов,
уцелевших после бомбежек. Пятьдесят
частей Севгруппских танков ожидали на
северном конце вокзала, патрулируя дороги
и двory, готовясь выдвинуться вперед в
случае прорыва врагов.

Корбек прошел между почерневшими,
лишенными крыши ангарами, давя
тяжелыми ботинками плотную корку
снега и штукатурки, покрывавшую все
вокруг, несмотря на все усилия очистных
команд.

В ангаре двадцать Призраков
торчали без дела, — все, кроме
наблюдателей, прильнувших к южным
окнам. От крыши остались лишь голые
ребра перекрытия, и спутанные
металлические крепежи торчали из
развороченного рокрита.

Корбек подошел к разведчику Мак-Веннеру и рядовому Мохрану, сидящим на импровизированных стрелковых ступеньках и глядящим через дыры в кирпичной кладке.

--- Хорошее место для наблюдения, ребята, --- сказал Корбек, взбираясь на ржавые баки, служившие ступенькой, и остатриваясь.

--- Скорее для смерти, сэр, --- сухо пробормотал Мак-Веннер. Он был настоящим питомцем сержанта разведки Маколла, суровый и нетногословный. Маколл готовил большинство из них лично. Мак-Веннер был высоким человеком лет тридцати с синим полумесяцем, вытатуированным под правым глазом.

--- Почему же, Мак-Веннер?

Мак-Веннер указал на ворота.

--- Если они пойдут в лоб, ты и твои местные в основном дворе окажутся в равных условиях.

--- К тому же обзор сокращен почти до нуля с тех пор, как та штука свалилась здесь, --- добавил Мохран устало.

«Штүка», о которой он говорил, — это гигантский остов штүртового паўка, сброшенного батареей Севзгрупп во время первого штүрта, три дня назад. Его громадная тўша, торчащая из ворот, наполовину блокировала проход и оказалась неподъемной, несмотря на старания такелажников и саперов с бульдозерами и тяжелыми тягачами.

Корбек видел, что рядовой прав. Вражеская пехота могла протиснуться за ворота через тўшу паўка раньше, чем их успеют заметить. Осадная машина протянула для атакующих мостик прямо через беспорядочные нагромождения ржавых баррикад в воротах.

Корбек сказал им что-то такое, успокаивающее и ненапряжное, что заставило обоих расстаться.

Позднее, сколько ни пытался, он так и не вспомнил, что именно он сказал.

Он прогулялся к югу вдоль линии окопов и зашел в бўлыжные эскарпы возле ворот. Здесь у него были расставлены одиннадцать тяжеловооруженных команд за бронеширмами и мешками. Шесть

тяжелых стабберов на трехногих
штативах, два автомата на сошках.
Заряжающие лежали на животах рядом со
стрелками. Еще было три пусковых
ракетных установки. Между оружейными
позициями вдоль амбразур тянулись
цепочки танитских солдат.

Прохаживаясь между ними, Корбек
ощущал их уязвимость. С тыла и на
востоке никакого прикрытия, только
разрушенные плавильни и Террикон. У
приходилось полагаться на способность
никел не виденных терриконовцев уберечь
их от сюрпризов.

Корбек открыл вокс-связь и позвал из
запасников за ангарами трех
огнеметчиков. Теперь, при свете утра, он
отчетливо видел, насколько рыхлым и
ненадежным было укрепление, и хотел
усилить оборону.

Он нашел Ларкина в стрелковой
ячейке у ворот. Жилистый снайпер
разобрал свой специализированный лазган и
очистил его.

--- Есть движение, Ларкс?

--- Ни феса, --- Ларкин защелкнул

новенький усиленный ствол и стер слой оружейного масла с приетника, прежде чем задвинуть в него одну из батарей с усиленным зарядом.

Корбек уселся рядом с Ларкиным и решил проверить собственный лазган. У него было оружие штатного образца, с короточным металлическим прикладом, короче и проще снайперского варианта, отличавшегося цевьем и прикладом из полированного налового дерева.

--- Надо достать себе такой когда-нибудь, --- бросил Корбек, кивая на драгоценную винтовку Ларкина.

Ларкин фыркнул и бережно защелкнул скоп на кронштейн сверху ствольной коробки.

--- «М-Г»-шки снайперского образца выдают только тем, кто умеет стрелять. Ты просто не справишься.

У Корбека уже был готов остроумный ответ, когда зачирикала вокс-связь.

--- Подайл всем отделениям. Наблюдатели на Куртине заметили движение под дождем. Может, ерунда, но будьте наготове.

Корбек понял. Он посмотрел на огромную Стену и высоченную вершину врат. Он часто забывал, что там на позициях были люди, тысячи людей, в ста метрах над ними, умеющие наблюдать и в случае надобности -- стрелять.

Он кивнул Ларкину, и тот с гүлким щелчком присоединил к стволу глиняный пламегаситель.

-- Готов?

-- Нет. Но это нормально. Подать их сюда! Я устал ждать.

-- Вот он, характер, -- сказал Корбек.

Это он произнес, но не услышал. Звук был полностью перекрыт ударом снарядов, пробравшим до костей, и лазерным огнем, который обрушился на врата и сотряс Стену. Волны пламени неслись поверх сломанной осадной машины и баррикад и кружили над вокзалом. Куски баррикад, валуны по пятьдесят тонн каждый, дробились и влетали в ворота.

Корбек упал. Миллиарды свистящих осколков, раскаленных добела, прыгнули на танкитские ряды. Он уже слышал по воксусрочные сигналы медиком, доносящиеся с

позиций Вербунского Главного в центре двора. Он развернулся и увидел снаряды, падающие в Террикон позади танкетских позиций и вздымающие огромные фонтаны катней. Начался Второй штурм.

На вторую осаду Феррозойка сменил тактику. Первый штурм был тотальной всесторонней атакой на южную Куртину. На сей раз они начали систематический обстрел Стены, чтобы держать гарнизон в напряжении, а сами сфокусировали вторжение на трех точках. Группа бронетехники, возглавляемая гвутья ужасающими крабати, ударила по Сондарским вратам и колотила в них два часа, прежде чем ее отбросили настенные орудия. Группа пехоты двинулась на запад вдоль восточных железных дорог и атаковала врата Кроу и вокзал. Схватка в этой области с участием Вербунского Главного и полков Роанских Диггеров затянулась до полудня.

Третья атака пришлась прямо на особенно уязвимые Вейвейрские врата.

В первые десять минут Второго

штурма крабы и остальные тяжелые
штурмовые машины снесли баррикады и
вышибли труп паука. Первый краб
вкатился прямо во врата, ломая металл и
раскидывая щебенку, и покати́л прямо на
позиции Вербунского Главного в главном
дворе. Артиллерия уничтожала все
защитные укрепления на бастионах врат
и ближайших стенах, и Вейвейр оказался
лишен артиллерийской поддержки.

Прошло несколько минут отчаянной
панники, пока полковник Модайл пытался
собрать свои разрозненные силы в главном
дворе. Они массово отступали перед
бронированной атакой, бросаясь в окопы,
чтобы спастись от несокрушимой мощи
зойканских машин смерти. Второй краб
начал протискиваться следом за первым,
осыпая снарядами танитские позиции
справа.

В надежде на хоть какую-то
контратаку Модайл перестроил свою
пехоту в клин, позволяя бронетанковой
колонне Севгрупп двинуться навстречу
осадным машинам. Воздух вокзала
заполнился стуком и визгом снарядов.

когда группа вступила в бой. Танки Севгрупп были разнесены в клочья тяжелыми спинными пушками крабов, а остальные танки и «Хитеры» были раздавлены исполинскими гусеницами осадных машин.

Вся пехота, включая Призраков, могла разве что прятаться перед лицом этого монументального столкновения. Уровень шума причинял физическую боль, земля содрогалась.

Раздался громкий взрыв, и ликование прокатилось по рядам пехоты. Слаженный огонь трех дюжин Севгруппских танков наконец-то покалечил первого краба и, хоть и не сразу, взорвал его. Второй, лопящийся в ворота, был заблокирован развалинами первого.

Корбен живо развернулся в своем укрытии и стал пробиваться к флангу второго краба.

Ларкин поймал его за руку.

--- Какого феса ты творишь, Колм?

--- Надо свалить эту дрянь! Может, нешком можно подобраться достаточно близко, чтобы...

Ближний взрыв отшвырнул их в укрытие.

--- Ты рехнулся! --- заорал Ларкин, поднимаясь. Он нашел край заграждения и приладил ружье.

--- Пусть фесовы танки займутся крабами! Вот наша проблема!

Корбек пополз к нему.

Зойканская пехота сотнями пробиралась через брешь, которую проделал краб, в сами ворота.

Корбек начал стрелять. К визгливому треску его лазгана вскоре присоединилось басовитое завывание снайперской винтовки Ларкина. Вскоре все танитские ряды поддержали их, тоже открыв огонь.

Тяжелые снаряды свистели над головой, пока Брин Майло прополз вперед на животе и стал выстреливать в скопившуюся вражескую пехоту. Спешные приказы полковника Корбека скрипели из вокс-связи. Вокруг было настоящее пекло.

Майло увидел несколько охранных фигур, карабкающихся в проеме ворот, и навел прицел. Первый выстрел ушел мимо.

но он приспособился и сбил зойканцев вторым и третьим выстрелами.

Рядовые Баффелс и Ярч упали рядом с ним и тоже открыли огонь. Лазерный огонь сверкал взад-вперед над вокзалом, сливаясь в разноцветные обжигающие полосы. Кто-то в нескольких метрах от них кричал.

Майло пытался отстреливаться. Он целился, как учил его Паркин, придерживая дыхание. Вспышка лазерного огня. Охранный воин сбит с ног.

Ярч подполз к краю амбразуры и сорвал чеку гранаты. Он швырнул ее, и сильный порыв ветра осыпал их гравием.

— Если ты... — начал Ярч.

Майло и Баффелс так и не узнали, что задумал Ярч. Лаз-заряд вошел в череп через носовой хрящ и вышиб ему затылок. Пока он снопом оседал навзничь, еще два заряда попали в него, один в горло, другой в глаз. Он покатился по камням. Еще один призрак ушел.

Баффелс, борогатый мужчина лет сорока с могучей грудью и синей татуировкой на щеке, втащил Майло

обратно в укрытие, когда ужасающий лазерный огонь прокатился над их окопом.

Вместе они уползли на дно траншеи и встретили Фальча, Мак-Фейда и Дреммонда, пытающихся двигаться к югу.

Шквал огня грохотал повсюду. Шальной рикошет попал в ягодицу Фальча, и он упал на колени. Мак-Фейд попытался подняться на стрелковую ступеньку, но над кроткой гуляли волны лазерного огня, взорвавшие цевье его оружия и оторвавшие ногтевые фаланги с двух пальцев левой руки. Он упал навзничь, проклиная судьбу и брызгая яркой, алой кровью.

Майло начал перевязывать пальцы Мак-Фейда полевыми бинтами, удерживая его руки так, чтобы они были выше головы. Баффелс пытался залатать кровоточащую рану на заднице Фальча и вызывал медиков по вокс-связи.

Дреммонд, несший один из огнеметов, которые потребовал Корбек, подполз к краю и направил опустошительные заряды испепеляющей смерти вверх. Он и так уже мог похвастаться огнезагаром после

Первого штурма, при котором сражался на Хасском западном.

К ним присоединялись новые солдаты. Некоторые, возглавляемые сержантом Фолсом, двинулись вперед по изгибающемуся окопу, чтобы начать продольный огонь.

Майло оторвался от возни с рукой Мак-Фейда, утирая лицо от крови, когда солдата рядом с ним разорвало нагвоя. Дреммонд продолжал палить из огнемета, и еще трое Призраков присоединились к нему на стрелковой ступеньке, открыв лазерный огонь.

— Сделал, что мог! — сказал Майло раненому, а затем занял его место на стрелковой ступеньке. Мак-Фейд, уже на чистом адреналине, подполз к нему. Ему удалось взять оружие ранеными пальцами, и он начал стрелять.

Строй лазганов Призраков разразился лающими вспышками по всей глине восточной позиции.

Мак-Веннер вывел свою команду из ангара за секунду до того, как краб разнес

его в щепки. Мохран уже был мертв, расстрелянный серией стаб-зарядов, пробивших стену ангара.

Мак-Веннер распорядился прилкнуть щиты — глинные серебряные танитские кинжалы — еще в самом начале осады, и теперь был рад этому. Зойканская пехота, чьи лица скрывали охряные маски, хлынула в танитские окопы с юга. С горсткой из пятнадцати человек Мак-Веннер завязал бой, закалывая и разрезая, расстреливая в упор. Зойканцев было слишком много. Казалось, охряному врагу числа нет. С той же скоростью, с какой Мак-Веннер косил их, прибывали новые. Защитники словно боролись с океанским приливом.

Майор Расин из Вербунского Главного отряда вынужден был нарушать передовые порядки Вейвейрских позиций, когда начался штурм. Он пытался контролировать отступление и яростно спорил с полковником Модайлом о том, как лучше противостоять зойканскому натиску. После нескольких нервных сообщений вокс-связь отключилась. Модайл явно не желал

больше препираться со своим подчиненным.

Расин оказался за каменным укрытием с пятью сотнями людей в главном дворе, лицом к лицу со вторым крабом. Он подозвал бомбардира и набрал три полных мешка гранат и мин.

Затем закусил губу и побежал на осадную машину.

Шквал лаз и болт-зарядов неистовствовал вокруг него. Ни один его не задел. Все, кто видел, сочли это чудом. Расин был в десяти метрах от мегатанка с его греющей комбинированной броней, когда плаззаряд прошел через его ухо и вышиб мозги. Он упал.

Среди наблюдавших солдат поднялся негодующий ропот по поводу несправедливости, вознагражденной отваги. Он подобрался так близко!

Краб двинулся вперед, вдавив труп Расина в землю.

Давление активировало взрывчатку в его мешках.

Оглушительная канонада взрывов подбросила краба в воздух и опрокинула на спину. Стетливые артиллеристы из

Севзгунской бронетанковой обрүшились шквальным огнем на незащищенное брюхо. Один из снарядов задел боеприпасы, и они взмыли ввысь колоссальным столбом пламени, который снес крышу сатих Вейвейрских врат.

Солдаты Вербунского Главного, когда пришли в себя после взрыва, клялись, что Расина будут помнить до конца дней своих.

Зойканские солдаты были повсюду. Корбек промчался по образу, который когда-то был привокзальной улицей, стены вокруг все еще держались, изрезанные и испещренные дырами. С ним было шестнадцать человек, включая Ларкина и рядового Дженкса, несшего автомашку на сошках.

Сперва Корбек думал приказать своим людям жаться к стенам, но улицы простреливались, а лаз- и болт-заряды рикошетили от стен. Он уже потерял троих, кто держался у стен и оказался поджарен огнем, гүлявшим вдоль них. Стоять посреди улицы оказалось

безопаснее.

Они двинулись вперед и наткнулись на отряд зойканских солдат не меньше пятидесяти человек, которые прорывались к восточным позициям. Но нил открыли огонь, и Корбека изумляло то, как лазерный огонь, поцеловав стену, разлетался вдоль нее. Рядовой Фэнк упал, ему разорвало грудь. Рядовой Маник был зажат в пах, и его крики подхватило эхо.

Дженкс открыл огонь, и его пушка издавала отчетливые «вук-вук-вук» в закрытом пространстве. Вражеский выстрел отстрелил ему кисть, но Корбек подхватил автоматную пушку и продолжил обстрел. Дженкс, чей обрубок руки прижгло лазерным огнем, молча встал и стал подавать ленту в оружие полковника.

Ларкин снимал свои цели еще на подходе, сшибая головы или вышибая грудины могучими ударами снайперской винтовки. Лазерный огонь обычного оружия был ужасающе горячим, но ему не хватало останавливающей силы. Ларкин поблел, увидев, что вражеские солдаты продолжали наступать, несмотря на

точные попадания его соратников, прошивавшие их насквозь. Только снайперская винтовка Ларкина и автомашинка Корбека действительно валили противника, причем так, что он больше не поднимался.

Сезгруппы были почти разбиты. Полковник Балвер воксировал полковнику Модайлу, но офицер Вербунского Главного, по-видимому, вырубил свою вокс-связь.

--- «Наковальня»! --- сигнализировал Балвер Корбеку, единственному в этом бою, кому доверял. --- «Наковальня»!

Никто не заметил, как над всем этим кошмаром наступило утро. На Сондарских вратах после двух с лишним часов отчаянного сопротивления зойканская атака была отбита. Нармянские танки Гризмунда собрались на площади Маршалов прямо внутри врат, готовые встретить любую силу, которая дошла бы до них. Они стояли грохочущими рядами, точь-в-точь как колонна Виголайна в первые часы войны, с тыся-

назад.

Когда натиск у Сондара был отбит, Штаб готов сигнализировал Гризмунду выйти и развернуться на шоссе вдоль южных заводов, чтобы поддержать Вейвейрские ворота. Два полка Вербунского Главного моторизованного и боевая группа вольноопущенцев также были направлены поддержать Вейвейр, но приказы, отданные вице-маршалом Анко, были неопределенными, и подкрепления застряли в пробках на магистральных путях. Гризмунд, растерянный и не добившийся внятных указаний от Штаба, готов, двинул свою бронетанковую колонну к Вейвейру через складские дворы за заводами. Получить полноценную санкцию на такие действия было невозможно, поскольку связь была забита помехами и шумом боя. Гризмунд прошел около двух километров, двигая свою колонну через проволочные заграждения, когда представители УКВГ в громкоговоритель с проклятиями отдали приказ вернуться на шоссе.

Противоречия обострились. Гризмунд

лично вылез из танка и направился
напрямую к подразделению УКВГ,
доказывая, что его неудобный штабным
маршрут был необходим. Страсти
накалялись, а когда один комиссаров УКВГ
вытащил пистолет, Гризмунд вырубил
его. Завязалась краткая потасовка, и
шокированный Гризмунд оказался вместе с
четырьмя своими старшими командирами
взят под стражу. Укавэгэшники
оттащили их в Штаб готов, оставив
нармянскую танковую силу без командира.
В тунике, под пристальным наблюдением
прибывающих сил УКВГ.

Несогласованные указания от Штаба
готов спровоцировали и другие беды,
усугубившие и без того неблагоприятное
положение дел. Подкрепления Вербунского
Главного и вольпонцы застряли у южного
коридора. Одна группа Вербунских
мотовойск на вездеходах и батарея «Тигр»
оказались в западне в боковом транзитном
ходе. В панике они приняли
приближающихся к ним вольпонских
«Хилер» за вражеские войска. К тому
моменту по вокс-связи уже не было слышно

ничего, кроме ужаса и паники Вейвейра, так что складывалось впечатление, что зойканские силы прорвались в улей и разоряли южные кварталы. Батарей «Тигр» открыла огонь в упор. Прежде чем ошибку обнаружили, тринадцать вольпонских солдат погибли.

Второй штурм показал самое слабое место в командной структуре улья Вербун. Вербунский Главный, Штаб готов и УКВГ имели системы связи и выделенные каналы, которые отлично работали в мирное время или в ходе учений, но оказались неспособны справиться с помехами в вокс-эфире, неизбежными в боевых условиях. Более того, вокс-система Штаба готов, разработанная по Имперскому стандарту, использовала те же частоты, что и Имперская Гвардия или Севгруппы. В течение часа после начала осады ни один командир не мог передавать сообщения даже собственным войскам на расстоянии, и тем более до поля боя не доходили приказы Штаба готов. Невозможно было также обратиться к Штабу готов за

пояснениями. Вокс-связь срабатывала только в близком диапазоне между отрядами и офицерами. Некоторые командиры пытались сменить частоту, надеясь, что их людям придет в голову та же идея, но шанс, что офицеры и подчиненные переключатся на один и тот же новый канал одновременно, был очень мал.

У врат Кроу генерал Нэш добился некоторого прогресса. Он переключился на частоту, на которую его Роанские Диггеры, как известно, уже были однажды вынуждены переключаться на Кроксисе, и его воксистам на поле боя пришла в голову та же мысль. Большую часть дня Нэш был единственным старшим командиром на поле боя, у которого был непосредственный доступ к руководству своими силами.

Вольпонские силы под началом Кордея также смогли восстановить связь с отдаленными частями. С помощью вестовых Кордею удалось передать настройки новой частоты по цепочке. К сожалению, он выбрал канал, в который втешивались обертона Щита.

На Вейвейре все усложнялось еще и тем, что Модайл отрубил главный канал, чтобы отделаться от запросов своих офицеров --- людей вроде покойного Расина, --- которые сейчас требовали от Модайла приказов. Корбек получил сигнал «Наковальня» от Балвера по локальной связи и сумел скоординировать с командиром Севгруппы совместную оборону, но оказалось, что действия их солдат зачастую оказывались прямо противоположными действиям подразделений Вербунского Главного, следующих все более необдуманным приказам Модайла.

Гаунт, вновь оказавшийся в Хасском западном, когда начался штурм, стремглав понесся в Вейвейр вместе с Дауrom и взводом танкетцев. Их военный грузовик наткнулся на хвост колонны подкрепления, они застряли и отчаянно искали обходной путь. Гаунт яростно воксировал в Штаб дотов, чтобы исправить разрастающуюся логистическую катастрофу, но вслед за коллегами обнаружил, что вокс-линия

забита.

Он вернул трубку Разлону и посмотрел на бледного Даура. Трохот и рев кошмарной битвы при Вейвейре отражался от стен зданий впереди.

--- Как далеко отсюда до Вейвейра? --- крикнул Гаунт.

--- Четыре-пять километров, --- ответил вервунский офицер связи. Гаунт окинул взглядом плотную стену солдат и транспортеров, заполнившую магистраль впереди, и тихо выругался. Установить нормальные рабочие вокс-протоколы станет его задачей номер один, если будет время. В Вервунском Главном были отважные люди, благородные дома были почтенной институцией, но на войне все они были гилетантами.

--- Спешиться! --- крикнул Гаунт своим войскам и сам выскочил из грузовика. Даур соскочил следом, готовя лазвинтовку, которую вытребовал на складе после Первого штурма. Его рука все еще болела и не заживала, но слушалась достаточно, чтобы он мог стрелять, так что будь он проклят, если, последовав в бой за

комиссаром, снова станет огалживать его оружие. Он проглотил двойную дозу таблеток, чтобы унять боль.

Пятьдесят Танитских Призраков собрались на дороге позади грузовиков.

Таунт прошелся вдоль рядов, говоря прямо и кратко:

--- Мы двинется пешком. Тута километров пять, двигается маршем, так что бросайте все лишнее --- с собой только оружие, боеприпасы и штык-ножи. Избавьтесь от всего, что вас замедлит или утомит к моменту, как мы доберемся. Даур поведет.

Он посмотрел на Даура.

--- Капитан? Показывайте дорогу.

Даур уверенно кивнул. Хоть и прожившись и прожив в улье всю жизнь, он разбирался в южных нагромождениях заводского района не лучше инотирцев. Он вытащил инфопланишет из набедренной сумки и проворно листал карты, пока не нашел местность, в которой они находились.

Стилусом он проложил возможный маршрут. Ему было важно не подвести

Призраков, а в особенности — Гаунта.

— За мной, — сказал он и рысцой двинулся прочь с дороги, мимо зенитной батареи, в технический парк автокүзницы. Гаунт и Призраки поспешили следом.

На вратах Кроу зойканский натиск был так сильно и часто бил в агамантиевые ворота, что күски скалывались, а сама обшивка нагревалась. Нэш стянул все моторизованные силы, какие были, внутрь врат на случай, если они падут.

Снаружи строй вражеских танков и бронированных боевых машин притерно в пять сотен единиц числом протянулся вдоль обрүбков рельс и рокрытовых оснований приподнятой экспресс-линии. Можно было разглядеть и зойканских пехотинцев, но по большей части это была битва пүшек, ракет, минометов и башенных орудий против танков и артиллерии. Если бы только силы үлья сдержали врага и сохранили могүчие врата закрытыми, битва никогда не разрослась бы до такой мясорүбки, какая сейчас творилась в Вейвейре.

Если откроются два фронта пехоты, если падут ворота Кроу — Нэш понимал, что это станет началом неизбежного поражения Вербуна. Он молился святому Императору Терры, чтобы зойканцы не приберегли еще несколько машин смерти.

Вейвейр был настоящим кошмаром. Воздух над огромным двором наполнился лазерным огнем, брызгами огнететаверещащими ракетами и плотной завесой дыма. Несмотря на все взлеты своей военной карьеры, Корбек нечасто видел столь яростные и напряженные сражения. Упав в укрытие и вместе с Дженксом, сжавшись рядом, пытаясь прочистить автомашку, Корбек задал, потому ли все так плохо, что поле битвы так зажато со всех сторон: Күртина с одной стороны, заводы вокруг, Щит сверху. Словно адская перестрелка разразилась в коробке, нагнавшей ярость и усиливавшей шум.

Балвер снова сигнализировал ему, и пришлось напрячься, чтобы расслышать. Командир Севгрупп клином продвигался с запада, ведя свою бронетанковую колонну и

нехотные войска, а также несколько частей Вербунского Главного, которые смог урвать у бесполезного Модайла. Он просил Корбека прикрыть их Призраками с востока.

Корбек принял. По цепочке передал распоряжения, пытаясь сплотить всех в слаженных усилиях, но зойканцы были повсюду, и Корбек понимал, что по меньшей мере три четверти его войск сражаются насмерть, взятые в кольцо.

Он бросил взгляд на восток, на влажные склоны Террикона, который все еще находился под обстрелом. Над рудными шлаками носились туда-сюда вспышки лазерного огня. Терриконовцы встречали неприятеля, взбирающегося на склон. Он надеялся, что зойканцы продолжат наступление на хорошо защищенный Террикон. Потому что если они повернут на запад и налетят на его чахлые силы с тыла, то тогда...

Он прервал свои мысли.

--- Сколько? --- крикнул он Дженксу.

Здоровой рукой Дженкс показал, что у них осталось около трех сотен патронов к

автомашке в мешках у него за плечами и в коробках боеприпасов, которые он подобрал. Около двух минут бесперебойного огня, прикинул Корбек.

Он воксировал своим людям двигаться к западу. Они поднялись, затем сразу же спрятались, поскольку мощный залп лазерного огня прокатился с северо-запада.

Корбек выругался. Фесов Вербунский Главный, очень деятельный без своего руководства, один посреди двора стрелял по всему, что шевелилось, и зашел Призраком во фланг, словно так и планировалось.

Корбек попытался достучаться до Модайла через вокс. Все, чего он добился, это матерщина агьютанга Модайла, требовавшего, чтобы Севгруппы и танитцы перегруппировались в соответствии со штабными приказами.

«Модайл не жилец. Лично пришью», — решил Корбек.

Он поднялся, и автомашка с пыльным огнем оплевала снарядами продвигающиеся зойканские строи.

Болт-заряд врезался в камень у него за спиной и рикошетом ударил его в бедро.

У Корбека подкосились ноги от удара, он попытался выцарапать плавающий осколок пули. Ткань была пробита, шла кровь. Он обнаружил, что пуля раскололась о камень, и в его ногу попало десяток металлических осколков. Он согнул ногу. Было больно, нога сильно кровоточила, но слушалась.

Могайлу точно не жить.

Пути на запад не было, во всяком случае прямого. Он потащил своих солдат за собой и направился к воротам под прикрытием восточных траншей и баррикад. Возможно, на запад удастся пробиться чуть дальше, вне зоны досягаемости отчаявшегося Вербунского Главного.

Снаряды ревели над головой, а сквозь ворота пробивались ракеты.

Силы Корбека продвинулись на сотню метров, когда столкнулись с зойканской иштуртовой группой.

Майло добрался до конца

разгромленной стены и закинул гранату за угол. Как только прогремел взрыв, отдавшись дрожью в груди и осыпав все кирпичной крошкой и штукатуркой, он помчался через брешь и занял позицию у следующего изгрызенного лазганом угла, присев на колени и поводя лазганом в дыму гранаты, чтобы прикрыть Баффелса, бежавшего за ним.

Несколько вражеских выстрелов прозвенело у них над головами выше стены, воздух затрещал.

Нескон и Рыс пронеслись следом за Баффелсом и Майло, прикрывающими их.

— Где Дреммонг? — спросил Нескон, перекрикивая рев. Он был забрызган кровью, но это была не его кровь.

— Впереди, я думаю! — прокричал Майло. Он проверил микробусину, но она лишь выдала помехи. Взвод по окнам пробирался между домов к воротам в поддержку отважному прорыву полковника Корбека, и до сих пор огнемет Дреммонга расчищал им путь. Но три ракеты, упав в ров, разделили их, так что теперь авангард взвода, Дреммонг и сержант

Фолс, исчезли из виду, уйдя в облака дыма.

Майло, Баффелс и Рыс прислонились к стене разрушенной станции, пока Нескон прикрывал прорыв следующей группы Призраков: Домора, Филэйна и Токара, за которыми следовали вокс-связист Уэльн и рядовые Каулл и Венар. Затем Нескон и Домор двинулись вперед, а Филэйн и Токар остались прикрывать передвижение оставшихся троих.

В авангардной группе Майло, Баффелс и Рыс снова двинулись вперед, пробив гранатой дыру в стене, проскочив мимо и затем прикрывая путь следующим за ними соратникам.

В ста метрах впереди завязалась жестокая схватка. Микробусина Майло взвизгнула, и он услышал отрывки командирских указаний Корбена.

Домор и Нескон подтянулись к ним, и Домор обследовал дымовую завесу впереди оптическим имплантатом, которым обзавелся после ранения на Меназоуде Унсилон.

Фокусировочные кольца зажужжали и закрутились в пустой глазнице.

--- Считываю жар --- очень сильный.
Огнемет, поливает.

Майло кивнул. Он учуял запах
прометия.

--- Дремтонг, --- предположил
Баффелс.

Воодушевленный мыслью, что
приближается к своим командирам, взвод
собрался и двинулся вперед. Майло
заметил, что все, похоже, следуют за ним,
ища в нем лидера в отсутствие сержанта
Фолса. Это было нелепо --- у всех было
больше опыта, чем у него, все были
старше.

Это тень Гаунта маячила за его
спиной, словно он получал какие-то
естественные полномочия просто из-за
близости с комиссаром.

Прикрытие впереди сломалось и
осыпалось в цепочку глубоких окопов,
расстрелянное снарядами. Вражеский
огонь перекрывал им путь. Майло увидел
по меньшей мере двох мертвых
Призраков, свалившихся в ров.

--- В обход! Угем в обход! --- вывалил

он, и Баффелс кивнул. Баффелс тоже нравился Призракам, а он, похоже, охотно принял роль старшего помощника Майло, как Корбек при Гаунте. Майло изумляло, как легко и органично складывается иерархия в бою, без вопросов и гласных решений. С концентрацией, страхом и адреналином, достигшими такого уровня, на волоске от смерти, люди принимали простые естественные решения.

Ули, по крайней мере, так поступали хорошо подготовленные, целеустремленные войска, такие как Призраки. Майло был убежден, что войска Вербунского Главного были сломлены именно из-за недостатка решимости и вот этой природной самоуправляемости.

Он повел соратников влево, к краю Террикона, через цепочку обшарпанных складов, заваленных грязными железнодорожными шпалками и ящиками. У Венара была автомаша, и несколько полных патронных коробок все еще висели, пристегнутые к его разгрузочному жилету, так что Майло подал ему знак расчистить путь. Лязганье коротких

пущечных очередей отдалось эхом по складам, когда Венар расчищал им путь.

Склады вывели их в складской двор площадью с гектар, чужом оставшийся невредимым. Открытые грузовые вагоны и платформы, груженные трубами, стояли сцепленные шестью рядами. Здесь же стоял сожженный дизельный локомотив.

Взвод пропустил вперед через двор, огибая неподвижные вагоны, иногда проскальзывая под или между платформами или взбираясь на покрытые теплом и маслом ударно-тяговые приборы.

Лазвыстрелы затолотили по вагонам рядом с Майло. Они вышибли куски деревянных простенков, и Майло с Баффелсом засыпало щепками.

Люди бросились в укрытия, которых было полно во дворе. Но микробусине раздавались предположения насчет расстояния и угла обстрела. Венар выпустил из пушки несколько зарядов под вагоном, за которым скрывался, и Майло слышал выстрелы, звякающие о металл и отскакивающие от железного вагона.

Вражеский огонь усилился.

Майло повел их дальше. Он увидел, как Филэйн вылетел между вагонов и сразу же нырнул обратно в укрытие, поскольку лазобстрел искрошил камень вокруг него. Один выстрел отколол кусок рельса, и металлический брус разломился с почти музыкальным звоном.

Дотор и Нескон тоже пытались продвинуться вперед. Они крались под прикрытием нескольких грузовиков и вскоре показались из-за высоких бортов кузова. Лазвыстрелы сдирали тонкую металлическую обшивку вагона. Нескон упал, но Дотор оттащил его под прикрытием следующей цепочки платформ. Нескона не подстрелили. Он просто споткнулся.

Майло и Баффелс вместе с Рысом и Токаром оказались загнаны в угол. Майло попытался обойти ближайший вагон, но шквал выстрелов обрушился на него, и он упал на землю, сжавшись.

--- Тебя загели! --- услышал он крик Баффелса.

--- Не, я в норме... --- сказал Майло.

--- Тебя, фес его, загели! --- повторил

Баффелс.

Майло повертелся и нащупал влажную дырку на правом плече. Дырка от выстрела была, но боли не было. Его ранило. Он даже не почувствовал этого.

Майло поднялся на ноги и замер, затем снова наклонился и осторожно заглянул под вагоны. Нагая, он заметил что-то, на что его сознание лишь сейчас среагировало.

В трех поездах от них под платформами он видел ноги. Бронированные ноги в тяжелых охранных ботинках.

Он тахнул остальным вниз.

С дюжину, может, больше.

Зойканцы.

Непрерывный огонь, зажавший их, ослабился. Зойканцы явно тоже продвигались перебежками от платформы к платформе, как и Призраки, только с другой стороны.

Майло подал сигнал и отправил людей в обход, скрываясь за платформами. Немногие в Улперской Гвардии перемещались столь бесшумно, как

танитцы.

Раздался пушечный выстрел в двадцати метрах к югу от Майло. Потом еще два, несколько ответных развыстрелов. Веназ завязал бой.

Еще одна перестрелка, краткая и яростная, в соседнем ряду вагонов. Но связи он услышал ругань Уэльна, потом стех.

Баффелс полз впереди Майло вдоль вагона. Призраки уже все были серыми от пыли, руки и колени перемазаны маслом.

Вдруг Майло услышал глухой стук изнутри вагона.

Он выкрикнул предупреждение и метнулся в сторону, как раз когда зойканский штурмовик показался на краю вагона и выстрелил вниз. Баффелс инстинктивно откатился под вагон и врезался в его колеса и шпалы, как раз когда зойканский огонь вспорол землю там, где он только что был.

Майло выстрелил вверх и всадил три разряда в алюминиевую стену и врага за ней. Фигура в охряных доспехах дернулась и неуклюже вывалилась из вагона. Он приземлился рядом с Баффелсом, и тот

автоматически обернулся и прострелил
трупу голову в упор.

Нескон, Рыс и Токар отстреливались,
высматривая зойканцев по другую сторону
путьей. Зойканский лазерный огонь и
обычные снаряды рикошетили между и над
вагонатами и вынудили Токара на заднице
отползти за перевернутую цистерну.
Нескон использовал тяжелые ударно-
тяговые приборы вагона как прикрытие и
содрогнулся, когда плотный огонь хлестнул
по кузову и врезался в массивные железные
колеса у него за спиной.

Рыс поднялся, едва увернувшись от
лаззаряда, и закинул гранату так, что она
попала аккурат в гущу зойканцев и
испепелила их. Треснувший зойканский
шлем, расколотый поперек бесстрастно
ухмыляющейся маской, вылетел из взрыва и
упал к его ногам. Он потянулся забрать его
в качестве трофея, но обнаружил, что в
шлеме остался большой кусок головы.

Майло услышал вскрик Уэльна. Его
подстрелили. Майло слышал его стоны
всего в паре шагов от обратной стороны
вагона.

--- Моя нога... нога...

--- Заткнись! --- прикрикнул Майло, затем перепрыгнув сцепление двух вагонов, чтобы оказаться по другую сторону путей. Уэльн растянулся на ответвлении путей, его левая нога ниже колена была месивом крови, костей и изогранной плоти.

Майло, пригибаясь, подбежал к нему, подхватил его под руки и начал оттащить в укрытие. Выстрелы прошили воздух вокруг них. Двое зойканцев показались на крыше следующего вагона и еще двое вылетели из-за платформы. Плазвыстрел просвистел у самого носа Майло, а другие два прошили его болтающийся таскхалат.

Раздался рев пушки, и двое зойканцев на крыше поезда разлетелись на куски. Оставшиеся нырнули в укрытие. Майло толкал Уэльна в укрытие в конце вагона, волоча его между путей. На другом конце того же вагона показалась еще одна группа зойканцев. Некоторые стреляли вниз, но выстрелы отскакивали от рельсов. Майло отчаянно оглядывался, ища поддержки. Он увидел Баффелса на позиции позади

ближайшего поезда, того самого, с которого Майло только что сорвался, чтобы добраться до Уэльна. Баффелсы слишком сильно обстреливали, чтобы он мог прикрыть.

Майло посмотрел вверх, пытаясь не обращать внимания на стоны Уэльна, и встопорился в сцепление, скреплявшее вагон, в котором они скрывались, и соседний. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить, как расцепить их, хотя руки соскальзывали с грязного железа.

Когда они расцепились, Майло подвесил гранату на тормозном кабеле и вытянул чек. Затем выдернул Уэльна из-за платформы, и тот упал на насыпь с другой стороны следом за Майло, вереща от боли.

Граната разорвалась, и отгача толкнула отцепленный вагон, все восемнадцать тонн, по рельсам прямо на зойканское укрытие, и еще один вагон в дальнем конце путей. Грохот и лязганье прокатились по всему подвижному составу.

Рыс, Нескон и Баффелс подбежали к

Майло, когда мальчик отчаянно пытался
остановить кровотечение, перевязывая
искалеченную конечность Уэльна.

Уэльн не прекращал кричать. Майло
хотел позвать врача, но знал, что вокс-
линии сейчас бесполезны, да и Уэльн, падая,
сломав вокс-аппарат. Это даже если
предположить, что где-то здесь нашелся
бы медик.

Баффелс увел Венара и остальных
зачистить двор. Несколько коротких
перестрелок с отступающими зойканцами
усеяли рельсы новыми охрыными телами.

Майло внезапно расслышал что-то
другое, не стрельбу и визг Уэльна, не
постоянный грохот главной битвы.

Пение. Монотонное пение, низкое,
глухое и злобное.

Закончились патроны, так что
автоматика стала бесполезна. Корбек
отшвырнул ее и вытащил из-за плеча
лазружье, чтобы снова открыть огонь. Его
часть была сейчас прямо во вратах,
погрязла в хаосе сражения с главными
силами зойканских штурмовиков. Битва

сверкала сквозь разбитый остов ворот на
усыпанной каменной крошкой землей.

Зойканцы были повсюду.

Корбек больше не был командиром.
Не кем было командовать. Он был просто
человеком, сражавшимся изо всех сил и со
всей злостью, которые у него остались. Он
сражался, чтобы выжить, чтобы убивать
охряные фигуры, набрасывавшиеся со всех
сторон.

То же самое происходило со всеми
Призраками на воротах. Единственное,
что сдерживало наплыв зойканцев, —
недостаточная ширина разбомбленного
прохода. Будь врата открыты, сорок или
около того Призраков вместе с Корбеком
были бы уже мертвы.

Корбек истекал кровью, сочащейся из
дюжины легких ран. Врагов, которых не
убивал на месте лазерным огнем, он
добивал одиночными вспышками из ружья
или закалывал штыком.

Рядом с ним внезапно возник
Дремлонг, окатив врагов из огнемета. Но
огнемет словно икал. Корбек знал этот
звук. Бак почти пуст.

Он крикнул Дремтонгу окатить
врата. Те остатки пламени, что у них
были, лучше было использовать так.

Дремтонг крутнулся, и изрыгаемый
его огнеметом огонь хлестнул, словно
плеть. Дюжина зойканцев попала,
доспехи горели и оплавлялись на них.
Некоторые превратились в живые факелы,
и, прежде чем упасть, спотыкаясь,
проходили еще несколько шагов.

Дремтонг выиграл Корбеку секунду на
размышления.

Корбек двинулся, продолжая
отстреливаться, к изрытой дырами
наружной стене здания, радуясь, что
прихватил все силовые батареи, которые
нашел в карманах утроб.

Дженкс был в укрытии у стены. Боль
уже начала распространяться, и Дженкс
был бледен. Без руки он не мог
управляться с лазганом, хотя вокруг
валялось несколько брошенных мертвыми
зойканцами или танитцами.

Корбек дал Дженксу свой
лазгистолет, и парень (Дженксу было не
больше двадцати, хоть и здоров, как

буйвол) начал отстреливать все цели, какие попадались на глаза.

Сержант Фолс и трое его людей прикрывали вход на лестницу во вратах, крышу которых снес еще первый краб. Почерневшие трупы артиллеристов Вербунского Главного со Стены лежали среди погнутых обломков их орудий и кусков керамита.

Фолс посмотрел на могучие врата, которые они защищали ценой стольких жизней. Было почти больно видеть снесенную крышу, просто две здоровенные створки, крепящиеся к Күртинке. Укрепление наверху обвалилось, и они сейчас сражались на обломках.

Фолс еще заметил, что Щит над ними пошел волнами и стал прерывистым. Взрыв краба, выбивший верхушку массивных ворот, также сбил транслирующую точку, и балдахин Щита истончился и искрил над ними.

Фолс ощутил влагу и понял, что это дождь. Обложной ливень, все еще продолжавшийся снаружи, теперь, когда Щит ужался метров на сто, колотил и по

ним.

Земля походила на кашу, поскольку дождь превратил слой золы в липкий суп по щиколотку.

Призрак рядом с Фолсом без единого слова упал, ему оторвало челюсть. Поток дождя стекали повсюду, окрашиваясь грязью и кровью.

Фолс впихнул оставшихся двоих соратников на лестницу, обстреливая ворота. Дождь и дым ухушли в пучину.

Фолс увидел невдалеке яркие вспышки огнемёта Дреммонда, увидел клубы пара, в которые превращался дождь от раскалённых выстрелов и горячих катней.

Рядом с ним крикнул напарник, и Фолс увидел зойканских штурмовиков, десятками прорывавшихся через Стену.

Он оглянулся и сразу убил троих. Но шквал лавыстрелов разорвал его соратников и забрызгал кровью стену, служившую им укрытием. Фолс потерял колено, глаз, локоть, а четвёртый выстрел вспорол ему живот.

Но когда зойканский штык пригвоздил

его к стене, он все еще стрелял.

Пение продолжалось. Зойканские ударные войска пробивались через Вейвейрские ворота, подняв знамена, мечущиеся флаги, исписанные символами феррозойки и эмблематами, которые резали глаз и вызывали рвоту: руны и значки Хаоситской скверны, шокировавшие защитников.

У некоторых зойканцев к шлемам крепились громкоговорители, скандирующие гнусные гимны и подбывающие молитвы во разрушение.

Со своей позиции Корбек видел, что зойканцы уже праздновали победу.

Хотел бы он поспорить с ними, но с жалкими силами, которые у него остались, шансов не было.

Он снова стенил обойму, отшвырнув старую в щебенку. Рядом с ним Дженкс и еще двое солдат тоже перезаряжали.

Они убьют столько, сколько смогут. Во имя Императора -- а что еще они могли?

Информационные потоки сообщали, что битва была напряженной, зверской. Но она была так далеко. До него она докатывалась в виде незатихающих всплесков информации, просто безэмоциональные каскады фактов.

Сальвадор Сондар покачивался в своей железной цистерне. Он абсолютно потерял интерес к испытаниям солдат улья. Все, что происходило на вратах Кроу и, что еще хуже, на Вейвейре, для него стало сумбурным сном.

Все, что действительно волновало сейчас верховного лорда улья Вербун, — это щебет.

Ракета сожгла рядового фикса на месте и подбросила в воздух Ларкина. Он упал в гущу тел и щебенки, больно приложившись о камень — слух пропал, в глазах плыло, а любимая винтовка исчезла.

Ларкин поднялся. Он был с ребятами Корбека у ворот. Это было последнее, что он помнил.

Слух начал возвращаться. Он

расслышал богомерзкие песнопения
зойканцев, словно из-под воды. Лазерный
огонь и стяги он видел, как пляшущие огни
в дыму.

Прямо над ним показался зойканец,
установился на него своей жуткой маской-
визором и пырнул штыком.

Ларкин увернулся и свалился со
стены, с двух метров упав в слой обломков.
Не обращая внимания на боль в спине, он
выхватил серебряный танитский нож и
набросился на зойканца, стоило тому
показаться на краю баррикады.

Зойканский штык взрезал рукав
Ларкина. Он опрокинул тварь на камни и
всадил свой нож, пытаясь попасть в зазор
между охраной броней.

Нож поддался, войдя прямо под шейной
застежкой военного костюма. Зловонная
кровь брызнула на руки Ларкину, обжигая
почти как кислота.

Зойканец брыкался и дергался. Ларкин
наседал, царапал, бил, всаживая нож все
глубже.

Он и зойканец прокатились двадцать
метров по каменному склону. Внизу

ожесточенные усилия Ларкина сорвали с
врага шлем.

Он был первым в улье Вербун, кто
увидел лицо врага как оно есть, без доспехов
или маски-визора.

Ларкин закричал от ужаса.

А затем колот, и колот, и колот, и
колот.

Вихрь лазерного огня налетел с
запада. Зойканцы падали поверх своих
флагов, взрывались громкоговорители со
всей их музыкой. Корбек и его люди,
пораженные, пробивались, чтобы
поддержать подкрепление, с
возобновленным упорством врезаясь в силы
противника.

Девять взводов Вербунского Главного
влетели в разбитые ворота, возглавляемые
комиссаром Каулом.

Каул направился в Вейвейр из Штаба
готов сразу, как только все началось, и
лишь сейчас, почти в полдень, он смог
добраться до фронта. Не найдя связи с
Модайлом или любым другим вербунским
командованием, он силой личного

авторитета и характера поднял
вервунских солдат и повел их к воротам,
прикрываемый людьми и танками
Балвера.

Каул пел Утнерский гимн во всю
мощь легких и стрелял из штурмового
болтера.

Части Севзрунских бригад Балвера
следовали за ним, а Балверу хватило
стекалки отправить часть восточнее,
чтобы поддержать сходящие ряды
танков.

Корбек не верил своим глазам.
Наконец-то слаженные усилия. Он собрал
оставшихся Призраков и вычистил
восточный фланг врат от зойканцев. Его
поддержка позволила Каулу добраться до
самых врат, которые до сих пор, более
часа, удерживали в одиночку танкисты.

Наступление трех соединений ---
танкского, вервунского и севзрунского ---
вытолкнуло зойканцев в наружные
траншеи, под проливной дождь. Каул убрал
свои части с дороги, чтобы танки Балвера
закончили начатое и заблокировали врата
--- конечно, только после того, как

комиссар попозировал для
пропагандистских снимков, немедленно
транслированных по всемирным
информационным экранам улья. Каул,
победоносный, в развороченных Вейвейрских
вратах, Каул, расстреливающий
неприятеля, Каул, высоко поднимающий
стяг Вербуна над кучей камней. Солдаты
Вербунского Главного, столпившиеся,
чтобы помочь ему всадить древко знамени
в землю.

В середине дня ворота удерживали
полсотни танков из Севзгуннской
бронетанковой. Каул снова стал Народным
Героем. Битва за врата Вейвейр
завершилась.

На вратах Кроу, как только
разнеслись новости о том, что зойканцев
отбросили, сражение прекратилось. Наш
вздыхнул с облегчением, когда противник
стал оттягивать войска с оплавающих
ворот. И все же распорядился продолжать
обстрел.

Ни один из ликующих
информационных экранов не упомянул

потери: 440 человек из Вербунского
Главного и 200 Роанских Диггеров на
вратах Кроу, 500 вербунских
терриконовцев вдоль Террикона, 3500 из
Вербунского Главного, 900 человек из
Севзрунн и почти сотня Танитских
Призраков на Вейвейре. Люди получили
победу и героя, все остальное не имело
значения.

Гаунт и его небольшая группа
поддержки добрались до Вейвейра уже к
концу схватки. Гаунт кипел гневом и
решилось.

Даур провел его окопами к Штабу
Вербунского Главного, где полковник
Модайл собирал людей и раздавал вокс-
указания.

Модайл оглянулся, когда Гаунт
ворвался в его укрытие, его лицо
окатенело.

--- Битва закончилась. Мы победили.
Вербун празднует победу, --- безучастно
сообщил Модайл Гаунту.

--- Я слушал вокс. Я знаю, что здесь
происходило. Вы облажались, Модайл. Вы

потеряли контроль. Вы прятались. Вы
вырубили вокс-связь, когда вам не
понравилось услышанное.

Модайл безразлично пожал плечами.

--- Но мы победили...

Танитские солдаты зашли в штаб
следом за Гаунтом. Даже потрачевший
Даур обнажил оружие.

--- Связать всех офицеров и взять под
арест. У мне нужна запись всего вокс-
эфира, --- распорядился Гаунт. Призраки
метнулись выполнять приказ, и офицеры
Вервунского Главного непонимающе
торгали, когда их связывали.

--- Что это вы себе позволяете? ---
нагменно поинтересовался Модайл. --- Это
той командный пункт!

--- У вы накомандовали что, а? Бойню.
Вы поражаете меня, Модайл. Люди
кричали, требуя поддержки и приказов, а
вы игнорировали их. Я все слышал.

--- Это был сложный случай, --- сказал
Модайл.

--- У меня сложилась репутация,
Модайл, --- проговорил Гаунт, --- репутация
человека справедливого и честного.

который хорошо обращается со своими людьми, поддерживает их перед лицом тьмы. По-видимому, такая репутация представляет меня мягким. Кажется, что я склонен понимать ошибки и прощать их. Некоторые вроде Каула считают меня слабым комиссаром, не готовым к решительным действиям, которых требует мой чин. Не готовым обеспечить дисциплину на поле боя, когда сочту ее ослабленной.

Гаунт снял фуражку и передал ее Дауру. Он неотрывно глядел на Модайла, еще не осознавшего, что происходит.

--- Я имперский комиссар. Я возмещению слабых, поддерживаю колеблющихся, направляю заблудших. Я буду всем для тех, кому я нужен. И я же --- покараю без колебаний некомпетентных, трусливых, изменников.

--- Гаунт, я... --- начал Модайл.

--- Комиссар Гаунт. Ни слова больше. Вы потеряли много жизней сегодня.

Модайл понялся, внезапно с ужасающей ясностью осознав, что происходит.

Гаунт вытащил из кобуры болт-
пистолет.

--- Ради приличия, выбирайте:
расстрел вашими же людьми или быстрая
казнь.

Модайл заикался, у него сдали нервы,
и он бросился бежать.

Гаунт прострелил ему голову.

--- Будь по-вашему, --- грустно сказал
он.

Глава десятая

ПОТЕРИ

Через несколько лет своей карьеры я понял, что уже достаточно побигал. С того момента я побигал гораздо больше, но старался не принимать все это всерьез. Иначе просто не выдержать.

Главный военный врач
Голека, после бойни
на Августе IX

Судя по звукам, на Вейвейре разворачивалось настоящее побоище. Небо под Щитом вспыхивало отсветами взрывов, по всему улью разносился грохот. Это тянулось с рассвета.

Цонси жалобно хныкала и издавала всхлипывающие, чавкающие звуки. И так всю ночь. Тона не знала, как быть. Далин был угрюмым и тихим, в основном спал в

гальнем углу мусорной ящеры.

Тона выползла из своей норы и осмотрела изрытые снарядами склоны. Внизу, в полкилометре от них, раскинулись огражденные забором и колючей проволокой казармы хитзабодов Гавунгы.

Там поселились эти иномирские солдаты, бледнокожие, темноволосые, с их черными одеждами и синими татуировками. Тона думала, что в ульях, откуда они пришли, синие татуировки тоже были знаками банд или символами ранга.

Она мечтала об их еде. Там, на складах, было заперто настоящее изобилие, достойное Императора. Она уже несколько раз засылала Далина воровать еду, но это становилось небезопасно.

Тона знала, что теперь ее очередь. Младенец был слаб и плакал. Ей нужно было сухое молоко и детское питание.

Около тысячи грузих беженцев прятались среди мусорных куч на пустырях на месте разбомбленных заводов, но она и не думала просить помощи. В

Улые Вербун сейчас каждый был сам за себя.

Особенно яростный взрыв сотряс
Щит над Вейвейром, и Тона оглянулась
посмотреть. Она несколько раз бывала на
Вейвейрском вокзале, стояла в стеклянном
зале главной станции, теперь давным-
давно исчезнувшей, рассматривая
заносчивых путешественников из Верхнег
хребта, снующих туда-сюда по
платформам. Ее двоюродный дядя Рика
держал там киоск фастфуда, а еще она
пару месяцев ходила там с бандой
карманников.

Большой терминал повергал ее в
благоговейный трепет, даже когда она
работала там. Он казался ей проходом
куда угодно. Будь у нее деньги, она бы села
в поезд, мчащий в тропические улыи, на
архипелаг, может, даже в Вержастский
порт, где, говорят, можно купить билет
куда угодно, включая другие миры.

Врата Вейвейра казались ей дорогой
прочь от этой скалы. Возможным
будущим. Обещанием.

Теперь они разрушены и сожжены,
безразличные иномирские солдаты

вмонтали обломки в грязь.

Младенец снова заскулил. Тона метнулась в свое укрытие и посмотрела на Далина.

— Оставайся с ней. Я скоро вернусь с едой.

Тона соскользнула по каменному склону и направилась к проволочному забору военного поселения.

Тона пересекла развалины заводов, промышленные зоны, которые сровняли с землей в первый же день, когда Щит еще не был включен. Разбитые рокритовые здания торчали по периметру кратеров шириной метров по двадцать, если не больше. Покореженная металлическая обшивка, вывороченные трубы, торчащие из кирпичной пыли. Куски неузнаваемой сожженной техники усеивали все вокруг.

Тела лежали, где падали, и через месяц они походили уже на лугу из высушенных костей и ободранной одежды. Спасательные команды унесли большую часть раненых в первый же обход, а трущобные своих мертвецов забрали сами.

Но часть тел осталась, смятая и
полүзасыпанная на просторах развалин.
Туены, тощие, больные и шелүдивые,
наводнили рүины, тародерствүя, — как и
она, вероятно, хотя до мертвечины она не
опүскалась. Наво всем витал застойный
гнилостный дүшок, вызывающий тошнотү.
Тысячи таких, как она, из низов или
совсем пропащие из наружных трүщоб
обрели здесь временное пристанище, когда
основные лагеря беженцев оказались
переполнены. Тона Криүг избегала
госүдарственных приютов, поскольку,
предлагая еду и медицинскүю помощь, они
все равно представляли власть со всеми
свойственными ей недостатками. УКВГ
держал большинство приютов в ежовых
рүкавицах.

Она видела остальных, шастающих
по рүинам. В основном взрослые, реже
дети, все тощие и черные от грязи.
Некоторые тарацились, когда она
проходила; другие не обращали внимания.
Никто не разговаривал.

Тона миновала блок складов с
осколками окон и үвидела собственное

отражение. Оно шокировало ее. Всклобоченное бледное существо в грязной рванине с запавшими глазами ответило на ее взгляд. Она ожидала увидеть дерзкую, трющобную девчонку с яркими глазами, сверкающим пирсингом и нагешливой улыбкой.

Увидев собственную худобу, Тона осознала, насколько была голодна. Она подавляла это чувство все время. Пустой желудок сжался в узел с такой резкой болью, что на мгновение подкосились ноги, и ей пришлось посидеть на перемазанном сажей ящике, пока боль не утихла настолько, чтобы ее можно было терпеть без судорог и головокружения.

Тона взяла флягу, висевшую на поясе, и сделала несколько глотков драгоценного питья. Полупустая фляжка была последней бутылкой изотонического раствора, который она стащила на шахтерском складе Первой Вербунской литейной. Она знала, что только благодаря ему она и дети выжили в последний месяц.

Тона повесила фляжку обратно и взяла нож. Задний забор военного поселения

был всего в паре метров. Оно выглядело пустынным. Может, они все были в бою сейчас. Судя по тишине внутри.

Ее брат Нейк подарил ей нож на десятый день рождения, всего за пару недель до того, как его убили во время бангитских разборок в Каналах под Главным хребтом. Нейк Крийг был из вербов, одной из крупнейших банг, и ручка ножа была украшена искусно вырезанной эмблемой вербов: ухмыляющийся череп внутри готической «V». Тона и сама носила несколько знаков банды — гвоздик в ухе, пряжка, таленькая татуировка, змеящаяся по плечу, но она никогда не была полноценным членом какой-либо конкретной банды. Она тусовалась с несколькими бангитскими группами и водила знакомство с парнями из разных банг. Пока она была с ними, каждая группа пыталась завербовать ее, но она отказывалась. Одну вещь Тона Крийг усвоила навсегда, с тех пор как семь лет назад Нейк истек кровью от ножевых ранений в темной канализации Каналов: жизнь бангита была глупой, бессмысленной

и короткой. Она предпочла бы проложить свой путь, быть самой себе хозяйкой или вообще никак не быть.

Нож был удобный, складной: крепкая красивая рукоятка и выдвижное стальное лезвие сантиметров пятнадцати. Прикосновение к потертой кнопке на рукоятке активировало встроенную батарейку, которая заставляла лезвие вибрировать так быстро, что оно выглядело неподвижным. Но как он резал!

Она коснулась кнопки, и лезвие заурчало. Она выключила его и поползла к бронированному забору.

Склад с припасами был не освещен и так же набит едой, как в прошлый раз. Она не могла прочесть большую часть пометок на ящиках, так что их приходилось открывать и осматривать. Первый, в который она сунулась, был забит шинурками.

Во втором лежали металлические тюбики. В надежде, что это съедобная паста, она выдавила капельку черной массы на ладонь и лизнула.

Сплюнула, едва сдержав рвотные позывы. Если этим питались иномирские воины, то они из совсем другого мира. Она двинулась дальше, оставив открытый тюбик камуфляжной краски позади.

Какие-то наушники с проводами и пробками. Батарейки. Свертки, заложенные в бумагу, от которых несло дезинфекцией.

В следующем ящике упаковки гречневой каши. Лучше. Она закинула полдесятка в мешок, потом добавила еще чуток. Если не добудет воды, она и всухомытку съест. Потом она нашла коробки спичек, и стопка отправилась к ней в рюкзак. Дальше — металлические стаканы. Она вытащила из упаковки один, потом второй. Далин захочет себе отдельный.

Следующий ряд — золотая жила кукурузное печенье в глиняных пластиковых трубках, брикеты сои в герметичных пакетах. Она закинула больше дюжины в мешок, а один открыла и сразу съела, почти не жуя, лишь запивая соком, который стекал по подбородку и капал на

пол.

Тона затерла, не успев проглотить кусок, с набитым ртом и желудком, ворчащим от удивления. Шум за спиной, справа, шум, который она едва не пропустила за собственным чавканьем. Она кинулась в укрытие.

Между стеллажами в трех рядах от нее зажегся огонек. Она пожалела, что не сможет стать невидимой, и сжалась за башией из солдатских котелков, сжимая нож в руке. Лучик света плясал вокруг, и послышался возглас досады. Внезапный скрип и вспышка лазерного огня заставили ее вскочить на ноги. Мимо нее промчалась гиена, визжа и приволакивая обожженную переднюю лапу.

Она слегка расслабилась. Чей-то голос пробормотал что-то, но она не определила акцент. Огонек заколебался, а затем двинулся прочь.

Она прокралась через проход к следующему ящику. Несколько взмахов ножом, одновременно вслушиваясь в окружающую тьму. Питательные пакеты первой помощи. Жестянки с супом.

самостоятельно разогревавшись, когда
срываешь упаковочную ленту. Банки с
сушеными овощами в масле. Маленькие
плоские баночки консервированной рыбы.
Пакеты пастеризованного молока.

Она нагребла всего. Мешок стал
тяжелым, это было рискованно. Пора было
идти.

Свет вспыхнул прямо в лицо, она
закричала, за плечо ее ухватила чья-то
рука.

Тона Крийг научилась драться у
братьев, бандитов. Инстинктивно она
крючнулась навстречу захвату и бросила
обладателя руки через плечо. Свет
покатился в сторону по рокровому полу
атбара, а за ним и крупная мужская
фигура, выкрикивающая ругательства во
весь голос.

Но он не выпустил ее, падая, он
попал ее следом, вцепившись
тренированными руками, и швырнул боком
на стеллаж.

Удар оглушил ее. Она попыталась
подняться, слыша, как шевелится соперник.
Еще несколько ругательств и резкий

вопрос, которого она не поняла.

Она поднялась и наугад лягнула темноту. Это точно укабэгэшник, она была уверена. УКВГ -- это лазвыстрелы, болт-пистолет, понимание, что ты ничуть не лучше бродячего пса.

Ее удар нашел цель, и фигура упала на пол, хрустнув костями. Еще больше яростных проклятий.

Тона побежала к щели в стене.

Намного более крупная фигура схватила ее из темноты поволокла по прокритовому полу. Она бешено вырывалась, брыкаясь изо всех сил.

Противник скрутил ее благодаря превосходящей силе и отличной технике. Он навалился на нее, и огонек снова тизнул, ослепляя отвыкшие глаза.

-- Все в порядке, все в порядке, -- произнес хриплый голос на низком готике с телодичным акцентом. -- Не надо граться со мной.

Она посмотрела вверх, продолжая брыкаться, и увидела лицо иномирского солдата, молодого, того, который звался За Далином несколько недель назад.

Клинок заурчал, и она взмахнула им
вверх.

Каффран увидел приближающийся
вибронож и вильнул в сторону, отпустив
пленницу. Эта красивая девочка-бандитка
--- та самая, которую он видел на пустыре,
когда погнался за мальчиком.

Она уже была на ногах, угрожая
жужжащим ножом, взятым обратным
хватом. «Стойка для ножевого боя, ---
подумал Каффран, --- подошла бы в
«Призраки».

--- Опусть, --- сказал он тязко. --- Я
могу помочь.

Она развернулась и бросилась бежать
к расщелине в фиброкартонной задней
стене амбара.

Каффран вытащил лазнистолеп,
перехватил целящую руку и выстрелил
три раза, выбив круглые дыры в задней
стене ангара вокруг Тоны. Дневной свет
полился сквозь отверстия. Девушка стала
как вкопанная, оцепенев, словно ожидая,
что следующий выстрел пропустит луч
света уже сквозь нее.

Каффран поднялся на ноги, не опуская оружия.

--- Я могу поточь тебе, --- повторил он. --- Нельзя, чтобы ты жила вот так. У тебя же дети, мальчик, кажется? Что тебе нужно?

Она медленно повернулась лицом к нему и к свету, в одной руке нож, а второй прикрылась от режущего глаза фонарика. Каффран опустил его так, чтобы он не слепил ее.

--- Уловка, --- сказала она.

--- Что?

--- Это уловка. Уж лучше пристрели меня, сволочь.

--- Никаких уловок, --- он шагнул вперед и убрал пистолет. --- Никаких уловок.

Тона набросилась на него, рассекая воздух ножом. Он уклонился и схватил ее за руки, откатываясь назад, чтобы уложить ее на лопатки. Удар вырубил ее на мгновение.

Каффран отпихнул жужжащий нож.

Он поставил ее на ноги. Она откашливалась и тяжело дышала. В его руках она казалась такой тоненькой и

хрупкой, но он знал, что она достаточно коварна и жестока, чтобы ранить его.

--- Как тебя зовут? --- спросил он.

Она пальцами ткнула ему в глаза, и он заорал, откатившись и прижимая ладонь к лицу.

Когда он смог подняться, девушка уже выбиралась через заднюю стенку на свободу. Каффран заметил, что она не забыла захватить свой нож.

Он побежал следом.

--- Фес тебя, стой! Я хочу помочь! Стой!

Тона оглянулась, глаза ее были дикими и безумными, как у животного. Ее раздвигавшийся мешок застрял в щели, не давая протиснуться в дыру.

--- Отвали! Отвали! --- завопила она.

Он приблизился, держа пустые руки поднятными, пытаясь выглядеть безопасным.

--- Я не причиню тебе вреда... пожалуйста... меня зовут Каффран. Друзья зовут Кафф. Я такой же потерянный, как ты. Просто Призрак, лишенный дома. Я здесь не по своей воле и уверен, что ты, фес

его, тоже. Пожалуйста.

Он был на расстоянии вытянутой руки от нее и видел страх в ее глазах. Девчонка плюнула и взвыла, потом широко взмахнула ножом и отрезала лямку ремешка. Он упал наземь, но она была свободна. Оставив добычу, она рванула прочь из сарая и припустила по пустырю.

Каффран выскочил следом, но затешился, проталкивая свою тушу через щель.

Он успел увидеть, как она, перепуганная, оглядывается, а затем уносится по насыпи мусора и исчезает из виду.

Тона лежала в укрытии пару минут, закопавшись в сажу кратера, в компании вонючих трюнов. Сочтя, что солдат не пошел за ней, она выползла, добежала до одинокой стены в паре метров и спряталась за ней.

Потом услышала хруст ботинок по щебенке и затерла.

В двадцати метрах, глядя в другую сторону, солдат в черной униформе шел

через рұңны, и ее мешок болтался у него в
руках.

--- Эй? --- звал он. --- Эй? Тебе нужно
это. Правда нужно. Эй?

Он долго стоял, минут, наверное,
десять, оглядываясь. Тона оставалась в
укрытии. Наконец солдат поставил мешок
на землю.

--- Я оставляю здесь, если хочешь, ---
сказал он.

Долгая пауза.

Затем он вскарабкался по склону и
залез обратно в амбар.

Тона выждала целых пятнадцать
минут, прежде чем пошевелиться. Она
выскочила из укрытия, подхватила мешок
и метнулась обратно в лабиринт
развалин.

Солдат не появился вновь, чтобы
преследовать ее.

Спрятавшись в окне, Тона открыла
мешок, изучая содержимое. Все, что она
украла, оказалось на месте, все --- а еще
три фляжки очищенной воды, немного
одежды, пачка антибиотиков, немного
сухих колбасок, замотанных в пленку... и

лазистолет, тот самый пистолет, из которого, как она считала, он собирался ее застрелить. Магазин был почти полон.

Она с минуты сидела, потрясенная, а затем застыла. Радостная, она подхватила мешок трофеев и побежала к своему убежищу кружным путем на случай, если за ней следят.

Только потом, после того как они с Далином доели свой первый нормальный обед за последний месяц, а Ёнси уснула, наевшаяся молочной каши, она нашла значок на дне мешка: чистое серебро, имперский двуглавый орел и надпись на ленте, зажатой в когтистых лапах: «Танитский Первый, милостью Бога-Императора Терры».

В сумрачной норе, сытая, с сытыми и довольными подопечными, Тона Крийд откинулась на спину у огня, разожженного гвардейскими казенными спичками, и размышляла, куда бы прицепить значок. Если уж значки банг вырвали, то этот точно не помешает.

Улицы и площади за Вейвейрскими

вратами были завалены мертвецами.

Команды Вербунского Главного, рабочие бригады и сотрудники Муниторума, закрыв лица респираторами или просто кусками ткани, уносили погибших в бою с полусгоревшего вокзала и складывали на пустыре к северу от Вейвейра для опознания и распределения.

Эган Сорик привел своих рабочих из лагеря Коммерции, когда бой утих, и велел помогать выполнять неприятную, но важную работу.

Он хотел сражаться. Черт, как тот храбрый офицер -- как там его? -- Расин! Тот, который дал им возможность поучаствовать в подготовке обороны. Он дал Сорикү ощутить вкус войны. Будь у них оружие, Сорик вместе со своими людьми был бы тут, в бою, еще тем утром. И пусть Феррозойка трепещет перед разъяренными литейщиками Вербунской Первой!

Из того, что он понял по слухам и разговорам в иномирской Гвардии и Севгруппах, было видно, что свирепая схватка завершилась тем, что Зойкү

вытеснили за ворота, хотя и с большими потерями. Он надеялся вскоре увидеть Расина, хлопнуть парня по плечу и услышать, что труд его людей помог им победить, построив баррикады, которые враг не смог сломить.

Времени было вдоволь. Вместе с литейщиками Ганнифом, Фафенгжем и Моджем Сорик начал погружать трупы в тележку. Это была грязная, отвратная работа. Они старались обмотать тела в куски ткани, а еще им велели искать жетоны и вносить данные установленных личностей в инфопланшет. Но некоторые тела находили не целиком. От некоторых остались только части. Некоторые части никак не подходили к соседним.

Некоторые еще были живы.

Это было как в морге. Тележки с телами сновали туда-сюда, медицинские и почистные команды мелькали тут и там, цепочка носилок с ранеными тянулась медленной усталой процессией от самого вокзала, часто демонстрируя ужасающие увечья. То и дело они уступали дорогу грузовику или медицинской «Хитере».

мчащимся в больницы.

Сорик, припавший кверху костью к бедру, наклонился и подхватил под руки почерневший безногий труп.

Когда он поднял мертвеца, тот застонал.

— Врача! Врача! — закричал он, отшатнувшись от существа, к которому прикоснулся.

Крепко сложенный доктор протолкался к нему сквозь суетящуюся толпу, мужчина лет пятидесяти с серебристой бородой, всем своим видом выдающий иномирца. Под медицинским алым халатом на нем были черная форма и ботинки Гвардии.

— Жив? — спросил медик Сорика.

— Бүдь я проклят, похоже, да. Пытался его үнести.

Медик вытащил гибкую трубку и приложил один конец к почерневшему торсу, а другою к уху.

— Мертв. Наверное, вы вытолкнули воздух из легких, поднимая его.

Сорик кивнул, когда медик выпрямился, сворачивая скоп-трубку.

обратно в наплечную сумку.

--- Вы иномирец, так? --- спросил Сорик.

--- Что? --- переспросил медик, отвлекшись.

--- Иномирец?

Врач отрывисто кивнул.

--- Танитский Первый. Старший медик.

Сорик протянул руку и стащил бумажные перчатки.

--- Спасибо, --- сказал он.

Медик остановился, удивленный, затем пожал протянутую руку.

--- Дорген, Первый и Единственный Гаунта.

--- Сорик, я раньше заправлял вот там, --- Сорик тахнул через плечо на руины Первой Вербунской литейной к востоку от вокзала.

--- Скверное время для всех нас, --- сказал Дорген, изучая плечистого, внушительного мужика, опирающегося на костыль, почерневшего от сажи.

Сорик кивнул.

--- Ваш глаз... его обработали? ---

спросил Дорген, шагнѹв вперед.

Сорик поднял руку.

--- Старое дело, друг, устарело недели тому. Полно тех, кому вы нужнее.

Словно в подтверждение его слов солдаты УКВГ прокатили тимо, везя кричащего, залитого кровью солдата Севзрун.

Мейн и один из людей Кёрт поспешили к нему.

Дорген оглянулся на Сорику.

--- Вы меня поблагодарили. Почему?

Сорик пожал плечами.

--- Я во всем этом с самого начала. Нас бросили подыхать. Вы не обязаны, но все же прибыли сюда, и за это я благодарю.

Дорген покачал головой.

--- Магистр войны Макаром отправляет нас, куда сочтет нужным. Впрочем, я правда рад, что могу помочь.

--- Без вас, инотирцев, улья Вербун уже не было бы. И за это благодарю.

--- Я ценю это. Мое дело, как правило, неблагодарное.

--- Вы не видели майора Расина? Вербунский Главный? Он славный парень...

Дорген покачал головой и повернулся к санитарам-носильщикам, начавшим заносить раненых танитцев с поля боя. Рядовые Майло и Баффелс несли раненого в пах Маника, воющего от боли, кровь капала с носилок.

Дорген подошел к Манику. Он был уверен, что юный солдат утирает от потери крови.

Он бросил взгляд на Майло и Баффелса, работаая.

— Расин? Не знаете, что с ним?

Руки Доргена уже стали скользкими от крови Маника. Паховая артерия разорвана, и ее не получалось зажать. Она вытягивалась в полость тела, и Дорген крикнул Леспу принести инструменты.

— Майор Расин? — переспросил Майло, отступая от носилок Маника и поправляя повязку на плече. — Он погиб. Пог крабом. Убил гадину, но сам погиб.

Сорик, выслушав иномирского мальчишку, печально покачал головой.

Лесп, спотыкаясь о камни, принес Доргену скальпель. Дорген попытался расширить паховое ранение визжащего

Маника достаточно для того, чтобы
просунуть руку, вытащить рассеченную
артерию и зажать ее. Но было поздно.
Маник истек кровью и умер, раньше чем
Дорден успел вытащить руку.

— Позвольте я заберу его, — сказал
Сорик и вместе со своими людьми бережно
переложил тело Маника в тележку.
Дорден был почти шокирован их
почтительностью.

— Каждая дыша за улей, и улей за
каждую дышу, — через плечо сказал Сорик
измазанному кровью Дордену, увозя
мертвого Призрака.

Анна Кёрт вела ординарцев через
хаос Вейвейрских врат. Мертвецов вокруг
было больше, чем живых.

Она проверила все трупы по порядку,
записала данные, сняла жетоны и передала
сборщикам.

Она немного колебалась, когда
обрабатывала трупы танитцев. Все они
были друзьями Дордена. Анна осторожно
сняла их жетоны и ввела имена в
инфопланишет.

В воротах она остановилась. Пересмотрела последний набор жетонов три раза, чтобы убедиться.

Слезы навернулись на глаза, и она спрятала окровавленные жетоны в карман халата.

Тридцать второй день конфликта близился к концу. Этот день жители улья Вербун будут помнить, наверное, дольше, чем что-либо из случившегося до этого. Несмотря на успешный отпор Первого штурма тремя днями ранее, именно сегодня случилась первая настоящая победа. В считанные часы после битвы оборона Вейвейра приобрела мифический ореол. Как в Хребте, так и в труппах или приютах вербунцы говорили о ней как о переломном моменте, начале освобождения.

Информационные экраны по всему улью транслировали триумфальные слоганы, «уточненные» данные о погибших и снимки со славного побойща, в основном демонстрирующие Народного Героя, подвигающего флаг в разгромленных

вратах в окружении ликующих солдат
Вервунского Главного. В Базилике
Экклезиархии прошла победоносная месса с
десяти тысячным хором и
литургическими чтениями Кодекса
Имперialis. Громкоговорители
транслировали службу по всем уровням
улья.

Кое-где устраивали праздники, и
некоторые пиршества -- в том числе среди
солдат Вервунского Главного, окрыленного
боевым крещением, -- прерывались
укавэгэшниками.

Но невозможно было остановить
праздник во всех кварталах улья. Костры
зажгли вдоль пристаней и в приютах,
барабаны, часто самодельные или
импровизированные, грели в ночи. Было
множество докладов о декагентском
банжете в Верхнем хребте, где торговцы и
ординарные дома отбросили ограничения
рациона и предались неумеренному
чревоугодию, устроив роскошный пир.

Услышав об этом, Гаунт вздохнул.
Это были или признаки невежества, или
же слепое отрицание того, что ожидает

всех на самом деле.

Но пусть повеселятся, решил он. Возможно, в последний раз.

В мрачном настроении он оставался в Вейвейре до заката, обходя своих людей, записывая, кто пропал, отражая команды на их поиски. Он повысил рядового Баффелса до сержанта и назначил командиром подразделения фолса Кренкого, борогатого солдата захлестнули эмоции, когда Нескон, Домор, Майло и остальные закричали, приветствуя его. Он пожал руку Гаунту и смахнул слезу, скатившуюся по синему когтю татуировки. Был слухок, что Гаунт присудит сержантский значок еще и Майло, но это абсурд. Он только-только стал солдатом, это выглядело бы странно, но зато действия Майло и его руководство на Вейвейре заслужили ему огромное уважение, лишь укрепившее его репутацию тени Гаунта.

Под руководством Корбека соединения танитцев -- участники боя при Вейвейре -- двинулись на отдых в складские дворы к северу от Террикона, а свежие части под

командованием Роуна, сопровождаемые
вольонцами под командой полковника
Кордея, заняли позицию во вратах.
Каменщики, механики и инженеры из
рабочих трупп были призваны в помощь
санерным отрядам, восстанавливающим
врата. Используя камни, упавшие с
вершины ворот, каменщики воздвигли две
крепкие защитные стены прямо за
воротами, и яркий свет окиселовых
факелов шипел под ночным дождем, пока
металлисты устанавливали навезы и
заборы из брони поломанных танков. Куски
рельсов -- а их были километры,
раскиданные по всему вокзалу, -- были
спаяны в решетки, которые обтянули
кольчужной проволокой. За двенадцать часов
ударной работы, продолжавшейся всю ночь,
рабочие воздвигли впечатляющие
концентрические круги надежных
укреплений внутри и снаружи разрушенных
врат. Вдоль восточного края были
установлены пандусы, чтобы колонны
Северной двигались следом за пехотой. Леса
гаубиц со стволами, поднятыми так
высоко, что напоминали слегка кренящиеся

деревья, был установлен на месте главного терминала, оттуда они отлично простреливали пространство за воротами.

Во дворе изможденные танитские и севзрунские солдаты с фронта устраивались на свернутых куртках или прямо на оршштейне, многие сразу засыпали, стоило им лечь или сесть. Армейские грузовики с супом, корзинами хлеба и ящиками легкого пива прибыли поддержать их. Было решено, что они пробудут там до рассвета, когда магистралю наконец-то расчистят достаточно, чтобы транспортеры смогли развезти их по лагерям.

В сутрачном углу севзрунской «Химеры» Корбек и Балвер за выпивкой обсуждали минувший день. Действия Вербунского Главного, а особенно Могайла, всю поносили. Нули выдержанную сакру из личных запасов Корбека, сургучную печать на бутылке с которой он сломал не без удовольствия. Балвер повесил силовые когти на подставку и, разминая затекшие в перчатке пальцы, достал из кожаной коробки и поставил на стол две стопки и

жестяной портсигар, полный пухлых сигар
лучшей марки, произведенной в ульях
Северных групп.

Балвер никогда раньше не пробовал
танитский ликер, но даже не поморщился,
чему Корбек не удивился. Балвер был
седым суровым солдатом, каких Корбек
часто встречал за свою карьеру. Они снова
чокнулись.

--- «Наковальня», --- провозгласил
Корбек, выпуская колечки голубого дыма,
заклубившегося вокруг его лица.

Балвер кивнул.

--- Будем надеяться, он нам больше не
понадобится. Но нога саднит, подсказывая
мне, что нам еще немало достанется.

--- Нога?

Балвер постучал по правому бедру.

--- Металлическое бедро. Стаб-заряд
во время лунных войн, ноем зверски, когда
сыро, --- а еще хуже, когда беда идет.

--- Погода меняется. Идут дождевые
тучи.

--- Но ноем не поэтому.

Корбек наполнил стаканы.

--- А кроме как во время этих лунных

войн, ты когда-нибудь выбирался отсюда?

--- Нет, --- ответил Балвер. --- Хотел погаться в Гвардию, но к тому моменту уже был майором, так что дорога была закрыта. Планетарная Оборона, как мой отец до меня, как его отец до него.

--- Достойное призвание. Хотел бы я руководить гарнизоном собственного города.

--- А где он, говоришь? Танит?

Корбек поизрал маленьким стаканом в своей ладони. Сточил губы.

--- Погиб давным-давно. Мы последние.

--- Как?

--- Мы были призывниками, первой группой призывников на Таните. Три полка, созданных в поддержку похода военлейстера. Это было сразу после Бальгаута, знаешь. Гаунта направили ввести нас в курс дела. Была допущена... ошибка. Хаоситский флот прорвался сквозь заграждение приближавшегося флота Сегментум Пацификус и атаковал Танит. У Гаунта был выбор: бежать со всеми солдатами, каких сможет спасти, или остаться и погибнуть вместе со всей

планетой.

--- Он выбрал первое.

--- Как любой хороший командир. Мне нравится старина Убрам Таунт, но он комиссар по призванию. Жесткий, готовый отдать собственную жизнь за веру в Императора, преданный дисциплине. Он вытащил нас оттуда, около двух тысяч, а Танит сгорел у нас за спиной. Но мы рассчитываемся с врагом с тех самых пор.

Балвер кивнул.

--- Я полагаю, поэтому вас прозвали Призраками?

Корбек хохотнул и налил им обоим еще сакры.

Балвер молчал какое-то время.

--- Я не могу представить, каково это -- потерять родной мир.

Корбек не озвучил ответ, пришедший на ум, но Балвер сам увидел логику своих слов и произнес очевидное:

--- Надеюсь, и не узнаю.

Корбек поднял стакан.

--- Клянусь духом моего утраченного мира, --- сказал он жестко, глядя на сакру. ---

Мы, Призраки, не позволим возникнуть

призракам Бергхаста.

Они осушили стаканы глубоким глотком. Балвер поднялся и начал рыться в сундуке, привинченном к стенке транспорта. Он вытащил карты, снаряды и сноп сигнальных флажков, прежде чем нашел, что искал: пузатую бутылку из коричневого стекла.

--- Мы выпили ваше танитское пойло, которое я не могу не одобрить, но несправедливости ради выьем теперь Бергхастского марочного. Джойлик. Десять лет, бочковой.

Корбек улыбнулся.

--- Единожды можно пробовать все, --- он опрокинул стакан, распробовал и снова улыбнулся.

--- Или дважды, --- добавил он, протягивая стакан.

У огня, разведенного в металлической бочке, Баффелс сидел с Майло, Венаром, Филэйном и Домором. Филэйн и Венар хранили, опершись друг на друга. Домор устало, почти автоматически, черпал ложкой суп.

--- Я хочу, чтобы ты держался рядом, -- тихо сказал Баффелс Майло.

--- Сержант?

--- Ой, вот только не начинай эту фигню! Эти погоны должны были дать тебе.

Майло застелся, и Филэйн встрепенулся во сне, а затем снова успокоился и захрапел.

--- Я был солдатом секунд десять. И я самый младший в Танитском полку. Гаунт никогда бы не снятил настолько, чтобы назначить меня сержантом. Ты заслужил их, Баффелс. Все знают, что они твои.

Баффелс пожал плечами.

--- Ты вел нас сегодня. И это тоже все видели. Тебе верят.

--- И тебе тоже, и мы работали в команге. Если они за мной пошли, то только потому, что пошел ты. Они могут считать меня счастливым фесовым талистаном, осененным сатим комиссаром, но уважают они тебя.

--- Но мы ведь неплохо поработали, а?

Майло кивнул.

--- Говори что хочешь, но я хочу,

чтобы ты был под рукой, рядом со мной, и
идет?

--- Ты сержант.

--- И я принимаю командное решение. Люди уважают тебя, так что если ты рядом, они и за мной пойдут.

Майло смотрел в огонь. Он чувствовал, что Баффелса пугали его новые обязанности. Он был отличным солдатом, но никак не ожидал стать командиром. Он боялся облажаться, но Майло знал, что этого не случится, как знал и Таунт, когда производил повышение. Но если это пригаст Баффелсу уверенности, Майло поступит, как он просил. Несомненно, тем странным, бессознательным способом, который наблюдал Майло в перестрелке утром, солдаты в критических ситуациях выбирают своих лидеров, и выбрали Баффелса и Майло.

--- Где Танит, по-твоему?

Майло оглянулся, сперва решив, что Баффелс задал риторический вопрос. Но старший смотрел на небо.

--- Танит?

--- С какой из тех звезд ты пришли?

Майло уставился в небо. Щит отсвечивал зеленым, шипя под каплями дождя. Но все равно можно было разглядеть свет далеких звездных россыней, прокалывавших черноту.

Майло ткнул наугад.

--- С той.

--- Уверен?

--- Абсолютно.

Это, похоже, удовлетворило Баффелса, и он долго встатривался в мигающий свет.

--- Волынка еще у тебя?

На Танит Майло был музыкантом, прежде чем стать солдатом, и в строю раньше был волынщиком.

--- Никуда без нее не хожу.

--- Сыграй, а?

--- Сейчас?

--- Мой первый сержантский приказ.

Майло вытащил плотный сверток трубок и мехов из рюкзака. Он прочистил тунгштук и вдохнул в мешок жизнь, заставив его тихо выть и поскрывать. Гул болтовни вокруг всех костров стих с

первым же аккордом.

Нажимая на меха рукой, он заставил мешок дышать на высокой, пронзительной ноте.

--- Что сыграть? --- спросил он с трубками в руках.

--- «Любимая ждет меня в наловой роще», --- неожиданно сказал Домор у него за спиной.

Майло кивнул. Мелодия была неофициальным гимном Танит, более живая, чем официальный планетарный гимн, но печальная почти до боли для любого танитца.

Он заиграл. Мелодия возносилась над двором, над стайками искр, взлетающих над кострами. Один за другим люди заперли.

--- Что это? --- хрипло спросил Балвер, когда Корбек тихонько запер. По всему двору севгруппские солдаты затолчали, когда горестная завораживающая мелодия разлилась в воздухе.

--- Песнь призраков, --- сказал Корбек и потянулся к сакре.

Главный хребет звенел хором голосов. В залах Легислатуры и в огромной полковой капелле Штаба готов тысячеголосые победные хоры славили победу и пели гимны во спасение.

Шагая по мраморной колоннаде с капитаном Дауром и еще несколькими офицерами к Штабу готов, Гаунт остановился на балконе и посмотрел вниз, на зал полковой капеллы. Он отправил спутников вперед, а сам постоял немного, наблюдая за мессой. Двенадцать сотен певчих в золотых робах, держа перед собой переплетенные в красное книги гимнов, исполняли гимн «Узрите Терры триумф» так, что воздух дрожал.

Высокая сводчатая крыша зала была украшена баннерами компаний и флагами готов, дымок из кадил клубился в свете свечей. Процессия клириков Министорута, несущая позолоченные знамена и шкатулки с реликвиями, затыкаемая детьми-сервиторами, спускалась с главного нефа к Имперскому алтарю, где ожидали интендант Бейнфейл и мастер-

законодатель Анофий. В процессии участвовали трое представителей Администра́та в капюшонах и три астрона́та из гильдии, чьи атласные одеяния раздулись от трубочек, проводов и подсоединений. Астрона́тов несли в паланкинах взрослые сервиторы, и множество трубочек и проводов, тянувшихся из складок их мантий, подсоединялись к микродиодам, впаянным в серебряные пластинки.

--- Греет ду́шу, не так ли? ---
Поинтересовался голос за спиной у Га́унта.

Га́унт повернулся. Это был Ка́ул.

--- Если согревает ду́ши у́лья Вербу́н, ну́скай. Хотя все это преждевременно.

--- Неужели? --- Ка́ул нахмурился, как бы сомневаясь. --- Я направляюсь в Штаб-готов. Составите компанию?

Га́унт кивнул, и две злобещие черные фигуры в фуражках двинулись вместе по империаторной колоннаде, освещенной мерцающими фонарями, развешанными вдоль стены.

--- Сегодня мы добились победы, вы же, кажется, пали ду́хом.

Гаунт хмыкнул.

--- Мы отбросили их. Называйте это победой, если угодно. Но она досталась нам дорогой ценой, дороже, чем могла бы.

--- Могу я поинтересоваться, на чем вы основываетесь, полковник-комиссар?

Они шагнули в высокую арку, на которой стяги хлопали на ветру. За ними следовал хор.

--- Командные и контролирующие системы улья Вербун непригодны для военных действий такого размаха. Система дала сбой. Координация плохо работала в тылу и отказала на передовой. И в самой командной структуре Вербунского Главного очень многое достойно порицания.

Каул резко остановился.

--- Я принял бы эту критику лично. Я, в конце концов, старший дисциплинарный офицер улья.

Гаунт тоже остановился и повернулся лицом к Каулу. На его лицо падало слишком много тени.

--- Вы, похоже, превосходно выполняете обязанности, комиссар Каул.

Вы лучше всех, кого я встречал, разбираетесь в использовании пропаганды и внушений. Но вы удерживаете под контролем местных чистой силой воли, а не благоразумными тактическими приказами. Командование Вербунского Главного не имеет опыта войн подобного масштаба. Все, что они знают, они прочли в учебных текстах и трактатах. Необходимо заставить их положиться на опыт боевых офицеров.

--- Таких, как вы и остальные командиры Гвардии вроде генерала Гризмунда?

--- Именно. Я верю, что смогу рассчитывать на вашу поддержку, когда мы встретимся в Штабе готов. Мне нужно, чтобы мы были заодно, Каул. Мы не можем тянуть в разные стороны.

--- Разумеется. Я разделяю ваше мнение по этому вопросу, полковник-комиссар.

Они продолжили путь. Гаунт слышал приглушенные нотки в тоне Каула -- и презирал это. Он прекрасно знал о двух десятках запросов о переводе в боевую

Гвардию, направленных Каулом за последние три года. Ускүсный политикан, Каул явно искал расположения Таунта, предположив, что он мог бы направить хвалебный рапорт и подстегнуть перевод.

--- Я так понял, вы казнили Модайла, -- сүхо заметил Каул.

--- Необходимая мера. Престүпная халатность.

--- Его подвела, как вы выразились, неопытность. Не слишком ли быстрая казнь -- для человека, который еще мог бы научиться?

--- Я надеюсь, что вы поступили бы так же, Каул. Бездействие и трусость Модайла стали причиной множества смертей. Это не лечится опытом. Он проигнорировал и предварительные инструкции, и непосредственные приказы свыше.

Каул кивнул.

--- В то время как опытный командир Гвардии придерживался бы установленного порядка действий.

--- Уменно так.

Каул улыбнулся. На его злобном лице

это выглядело устрашающе.

--- На самом деле я аплодирую вашим действиям. Решительные, сильные, верные духу Комиссариата. Многие опасались, что великий Гаунт размяк, когда сам стал командиром, что комиссарский инстинкт ослабнет. Но вы развеяли эти заблуждения сегодня, с Модайлом.

--- Раг слышать.

Они подошли к дверям с золотым барельефом на огромных створках. Элитные войска Вербуна в парадных формах, отороченных парчой, с плюмажами на шлемах, распахнули перед ними двери. За дверями зал Штаба готовился наполнился голосами и шумом.

Генерал Нэш стоял за кафедрой, пытаясь говорить, но благородные дома его перекрикивали. Младшие офицеры Вербунского Главного топали ногами на своем ярусе и свистели, роанские адъютанты кричали в ответ, поддерживаемые офицерами Севзгруппы, нармьянами и вольноопонцами.

Вице-маршал Анко поднялся на ноги.

ударив рукой в белой перчатке по спинке скамьи.

--- Со всей благодарностью за оказанную иномирскими братьями помощь, я нахожу это оскорбительным. Генерал Нэш порицает наши военные организации и утверждает, будто мы неспособны справиться с этой битвой. Оскорбление, не больше и не меньше! Разделяет ли его превосходительство генерал Штурм это мнение?

Штурм поднялся.

--- Война, благородные господа, --- начал он успокаивающим, сладким голосом, --- это стяжение. Эмоции зашкаливают. Как определить, хороша или плоха система? Система проверяется только пламенем сражения. Вербунский Главный --- образцовые солдаты, хорошо вышколенные и исключительно сознательные. Их отвага не вызывает вопросов. То, что командные каналы наложились во время сегодняшнего столкновения, --- неудачное стечение обстоятельств. Это не вина вербунских офицеров. Я уже оформил регламент

разведения вокс-частот, чтобы в
дальнейшем не повторилось наложение.
Смерти, наступившие в результате этого
злключения, вызывают у меня
глубочайшую скорбь. Такая ситуация не
повторится.

— Как насчет дисциплины? — голос
Таунта прорезал огромный зал, и все
оглянулись. Таунт прошел в конец зала и
поднялся на кафедру. Каул занял свое
место на передней скамье рядом с Анко.

— Полковник-комиссар? — Маршал
Кроу поднялся и через весь зал взглянул
Таунту в глаза. — Есть еще какой-то
вопрос? Генерал Нэш уже имел
нелюбезность отчитать улей Вербун за
его слабое командование. Вы разделяете
это взгляд?

— Частично, маршал. Проблемы связи,
которые упомянул генерал Штурм, были
лишь каплей в море катастрофы, с
которой мы столкнулись сегодня. Нам
посчастливилось пережить Вейвейрскую
осаду.

Анко вскочил на ноги.

— И не нашего ли героя, комиссара

Каула, нам стоит благодарить за
предотвращение катастрофы?

Зал разразился рукоплесканием и
криками, в основном от вервунцев.

Каул принял аплодисменты
грациозным, скромным кивком. Гаунт
хватило ума не указывать на
«косметическую» природу Каулового
вмешательства.

--- Действия комиссара Каула ---
документально подтвержденный факт.
История не забудет ценности его вклада в
победу улья Вербун, --- Гаунт очень
тщательно подбирал слова, формулируя
ответ. --- Но иерархия руководства во
время осады Вейвейра подвела войска
фатально. Полевое командование
Вербунского Главного, чья отвага не
подлежит сомнению, не распространило
стратегические распоряжения --- или же не
смогло --- или не удалось ---
перестроить свои силы перед лицом осады.

На Гаунта обрушился свист и
улюлюканье.

--- Я так понимаю, вы уже произвели
дисциплинарные взыскания, полковник-

комиссар, -- сухо заметил Анко.

-- И только начал, -- Гаунт повысил голос, перекрикивая рев на заднем плане. -- Но это лишь борьба с симптомами. Это не решает проблемы.

-- А под проблемой вы понимаете неповиновение непосредственным приказам? -- спросил Каул, поднимаясь на ноги под одобрительные крики.

Гаунт кивнул.

-- Иерархия командования должна соблюдаться при любых обстоятельствах. Любой, нарушивший ее, должен понимать, что рискует получить высшее наказание. Без субординации и дисциплины любая война будет проиграна. Я не сомневаюсь, что Вербунский Главный отныне будет придерживаться этой философии.

-- Значит, всех нарушителей надлежит карать? -- спросил Каул.

Должно быть, он очень хочет перевестись. Он поддерживает каждый мой шаг.

-- Конечно. Без угрозы соответствующих санкций нарушения субординации продолжатся.

--- В таком случае вы поддерживаете наказание генерала Гризмунда? --- спросил вице-маршал Анко.

--- Что?

--- Генерал Гризмунд --- который нарушил приказы и начал собственное развертывание нармянских танков? --- теперь уже нармяне свистели и кричали.

Гаунт запылся.

--- Я... Я не был поставлен в известность об этом. Это, должно быть, недоразумение. Генерал Гризмунд заслуживает полного доверия, и...

--- Значит, одни правила --- для местных, другие --- для Гвардии? --- язвительно поинтересовался Анко.

--- Я этого не говорил. Я...

--- Генерал Гризмунд воспротивился однозначным распоряжениям Штаба готов и повел свои танки через территорию, принадлежащую благородным домам. Даже не приняв во внимание нанесенный им ущерб, не достойны ли его действия суровейшего порицания? --- Тарриан из УКВГ посмотрел на Гаунта. --- Ведь эту философию вы отстаивали, не так ли?

Гаунт отвел взгляд от полуприкрытых глаз коменданта УКВГ и нашел глазами в толпе лицо Каула. Каул улыбнулся ему, не мигая, бездумно.

Он знал. Он знал насчет Гризмунда еще раньше, чем они вошли в зал. Он затанил Гаунта в свою ловушку.

В мгновение Гаунт осознал, что недооценил тщеславие Каула. Тот боролся не за перевод из Бергхаста. Он боролся за славу и власть.

— Так что же, полковник-комиссар? Как нам поступить с Гризмундом? — спросил Анко.

Гаунт отступил от кафедры и прошагал через зал к выходу, осыпаясь выкриками и оскорблениями.

За дверями он схватил одного из Бервунских Элитных, стерегущих дверь, за парчовые одежды и прижал к стене.

— Гризмунд! Где он?

— В т-т-тюрьме, сэр! Уровень С-суб-40!

Гаунт выпустил его и утчался прочь.

Воодушевляющие гимны огромных хоров сотрясали воздух вокруг. Но за

воодушевлением ощущалась пустота.

До рассвета оставался час.

Цепочка Призраков тянулась от припаркованных в восточных трющобах грузовиков к заводским складам, пристроенным к Террикону.

Тридцать человек, сливки танитских разведкагров. Вербунские солдаты, контролировавшие местность, так называемые терриконовцы, приветствовали их под сводами рудного амбара. Воздух был забит каменной пылью, освещение было приглушенным, всего несколько прибитых к стенам светильников.

— Вот ведь задница, — Ормон, майор, командир терриконовцев, салютовал Маколлу, когда тот привел своих людей. Это был большой, грузный мужчина с налитыми кровью глазами и ожогом от огнемёта на горле.

— Я так понял, у вас хорошие снайперы и каратели, — обратился Ормон к Маколлу, провожая его к схемному столу.

Маколл кивнул. Он просмотрел
схемы. Террикон, огромная насыпь шлака,
был настоящей брешью в обороне улья. Они
это тоже понимали, иначе не держали бы
здесь специальный отряд, но недавняя
битва проредила ряды терриконовцев.

— Генерал Штурм признает талант
танитцев в начинаниях этого рода. Мы
окажем вам поддержку.

— Вот ведь задница. — Огромная
түша Ормона была облачена в синюю
шинель и шипастый шлем Вербунского
Главного. Он стерил взглядом жилистого
инотирца в его выцветших черных
одеждах и забавном сером плаще. Он не
впечатлился.

Все присутствующие терриконовцы,
включая Ормона, носили глиняные
автоматы со скопаты, предназначенными
для снайперского обстрела. Их лица были
покрыты черной камуфляжной краской. У
некоторых были правильно обработанные
свежие ранения.

Сержант Маколл подозвал своих
людей, чтобы они взглянули на схемы.
Призраки столпились вокруг стола.

комментирүя, рассуждая.

--- Почему ты ил просто не прикажешь? --- презрительно спросил Ормон.

--- Потому что я хочу, чтобы они понимали ситуацию и ориентировались на местности. Как иначе они смогут эффективно защищать окрестности? Ты разве так не поступаешь?

Ормон ничего не ответил.

Маколл разбил своих людей на группы и разослал в разных направлениях, предварительно убедившись, что микробүсины у всех на одной частоте.

Ормон присоединился к Маколлу, ведшему свою группу --- Мак-Веннера, Домора, Ларкина и Рильке --- вверх по крошащимся внутренним лестницам на третий этаж, остатривая шлаковый склон. У разбитого окна здесь располагалось девять терриконовцев, наблюдавших в скопы за положими склонами Террикона.

Призраки заняли позиции рядом с ними.

Ларкин и Рильке, оба вооруженные

снайперскими лазганями, устранивались осторожно. Рильке спрятал ствол своего оружия в отрезок трубы, выступавший из стены. Ларкин маскировал свою винтовку кинной пустых мешков.

Дотор взял у Маколла скон, установил его на треноге в тени окна и приблизил механический глаз к кону. Он видел дальше и яснее, чем кто-либо в форме.

Ормон собирался задать Маколлу вопрос, но обнаружил, что тот и Призрак, по имени Мак-Веннер исчезли.

Маколл и Мак-Веннер незаметно двигались вдоль Террикона, укрывшись плащати. Угледобный рудный мусор был влажным и скользким. Они были не под защитой Щита, и ночной дождь поливал их с неба, скапливаясь в лужи.

Они настроили коны. За Терриконом на два километра тянулось открытое плоское пространство, дальше были разбитые трюбы. Обложной дождь затопил грунт стоячей водой, по ней бежала рябь, так что ливень делал ее

похожей на тятый лист олова. Вигудость
была скверной, облачность нарастала.

Послышался звук. Мак-Веннер снял
лазган с предохранителя, а Маколл пополз
вперед.

Это было пение. Хорал. Доносящийся
от вражеских расположений, из
громкоговорителей и вещателей,
терзостный гимн Хаоса звенел в ответ
триумфальным песнопениям в улье.

Он стал громче.

Маколл и Мак-Веннер содрогнулись.

Позади, на складе, Ормон торопился
по зову мочевого пузыря.

Ларкин на своей позиции напрягся. Он
был изможден нервотрепкой в сегодняшней
битве и отправился с людьми Маколла
только потому, что был высокочлассным
снайпером.

Стоило ему закрыть глаза, как ему
виделось лицо, лицо зойканца.

А теперь снизу, через склоны
Террикона, доносились их хоралы.

Зойканская грянь пела иля, снова и
снова повторяя канонот.

Наследник Асфогель... Наследник

Асфогель...

Глава одинадцатая

НАСЛЕДНИК

Убейте нас! Убейте всех
нас! Во имя Терры, пока он не...

Запись последней
передачи с Рикса V,
первого из
«унаследованных»
миров

Уровень Сиб-40 был почти в
километре под землей, в глубине Главного
хребта. Бронированная клетка лифта
доставила Гаунта вниз на последние
триста метров, погрузив его в подземный
мир темного, влажного камня, сперттого
воздуха и зарешеченных натриевых ламп.

Он вошел в подземный вестибюль, где
грунтовые воды капали с труб на потолке
на рокристовый пол, а над кучами
заплесневелого мусора болтались
ржавеющие цепи. Вдоль одной стены

тянулся ряд деревянных стоек с кандалами, привинченными на высоте запястья. Стена позади стоек была вся в пулевых отверстиях и непонятных пятнах.

Гаунт подошел к агамантиевому люку с желтыми метками. Рокритовые бункеры стояли по обе стороны люка, пустые, не считая высоко подвешенного почтового ящика.

Когда он подошел, автоматические прожекторы показали наг люком, включились и залили его бело-голубым светом.

--- Назовитесь! --- проскрипел голос через вокс-передатчик.

--- Полковник-комиссар Убрат Гаунт, --- отрывисто ответил Гаунт и затем предъявил свой личный номер.

--- По какому делу?

--- Просто откройте люк.

После небольшой паузы огромная металлическая створка со скрежетом открылась. Гаунт зашел и оказался перед новым люком. У него за спиной захлопнулся первый, прежде чем второй открылся.

Внутри западни обнаружился

коридор, ведший в комнату обыска с открытым душем и низкими столиками для осмотра личного имущества. Натриевые лампы придавали зловонному затхлосту воздуха ледяной холодок.

Охранники показались из боковых бункеров. Все были укавэгэшниками в черных рубашках, черных фуражках, графитово-серых брюках и черных ботинках. У каждого на руке была оранжевая повязка, на черных кожаных ремнях портупей болтались полицейские дубинки и наручники. Они были вооружены полувзрывоматическими дробовиками.

--- Гризмунд, --- лаконично сказал Таунт. Он позволил обыскать себя и передал болтер. Двое охранников провели его через череду решетчатых дверей с дистанционными электрозамками по аскетичным, выкрашенным красной краской коридорам блока тюремных камер. От открытой канализации доносилась навязчивая аммиачная вонь с привкусом замшелых камней и влажного грунта. Любой звук подхватывало эхо.

Гризмунд и четверо его офицеров

делили просторную общую камеру. Они все еще были в горчично-коричневой униформе нармян, но фуражки, пояса, погоны и шиньорки были конфискованы.

Гризмунд встретил Гаунта у двери камеры. Укавэгэшники отказались открыть, так что пришлось говорить через решетку.

— Я рад видеть тебя, — сказал Гризмунд. Он был бледен, в его глазах темнел гнев. — Вытащи нас отсюда.

— Расскажи, что произошло. Своими словами, — сказал Гаунт.

Гризмунд помолчал, потом пожал плечами.

— Нас направили в Вейвейр. Благодаря полному игноризму организации Штаба готов дороги оказались блокированы. Я повел свою колонну к воротам через промышленный сектор, свернув с шоссе. Следующее, что я вижу, — на меня накидывается УКВГ.

— Нарушил ли ты хоть один прямой приказ?

— Меня направили в Вейвейр, — повторил мужчина. — Мне велели

сдвинуться по магистрали ОБ/7м. Когда я не смог воспользоваться ею, я попытался выполнить первичную задачу и достичь указанной линии фронта.

--- Ты ударил офицера УКВГ?

--- Да. Он первым вытащил оружие, без какого-либо повода.

Гаунт помолчал минуту.

--- Такое впечатление, что этим ублюдкам и не нужно, чтобы ты сражался за них, --- прорычал Гризмунд.

--- Уязвлена их гордость. Неадекватность их командной системы сегодня предстала во всей красе. Они ищут, на кого свалить вину.

--- В жопу их, если хотят повесить все на меня! Это бред! Штурм не поддержит тебя?

--- Штурм слишком занят, пытаясь угодить всем сразу. Не волнуйся. Я не дам этому затянуться и минутой больше, чем нужно.

Гризмунд кивнул. С грохотом топотом, многократно повторенным эхом влажной тюрьмы, комиссар Тарриан ворвался в сопровождении солдат УКВГ.

--- Комиссар Гаунт. Вам здесь не место. Нармянское неподчинение --- это дело дисциплинарного пересмотра УКВГ. Вы не вмешаетесь в верзхастуанскую военную юстицию. Вы не будете беседовать с заключенным. Мои люди проводят вас к лифту.

Гаунт кивнул Гризмунду и зашагал с конвоем укавэгэшников, на мгновение поравнявшись с Таррианом.

--- Вы совершаете ошибку, о которой пожалеете и вы сами, и ваши кадры, Тарриан.

--- Это какая-то угроза, Гаунт?

--- Вы комиссар, Тарриан, или, по крайней мере, должны им быть. Вам должно быть известно, что комиссары не угрожают. Комиссары действуют.

Гаунт позволил выпроводить себя из тюрьмы.

Тридцать третий рассвет уже наступил, страшный ливень обрушился на сам улей, наружные трющобы и луга. Маршал Кроу завтракал в своем кабинете рядом с комнатой совещаний, когда зашел

Гаунт.

Длинный сутрачный кабинет был обшит деревом и увешан обрамленными в золото портретами предыдущих маршалов. Кроу сидел во главе лакированного стола из красного дерева, читая инфопланишет и поглощая завтрак с погноса. Задняя стена комнаты была выполнена из артированного стекла и открывала вид на Коммерцию и Колонну Щита. Подсвечиваемый сероватым внутренним светом через огромное окно за спиной, Кроу превращался в темный, нависший над столом силуэт.

--- Комиссар.

Гаунт отдал честь.

--- Маршал. Обвинения, предъявленные нартмянским офицером, должны быть сняты немедленно.

Кроу поднял взгляд и наклонил благородную беловолосую голову к Гаунту, словно орел, оценивающий ягненка.

--- Потому что?..

--- Потому что они исключительно глупы, а их последствия слишком непредсказуемы. Потому что нам нужны

офицеры такого ранга, как Гризмунд. Потому что любое наказание станет весьма негативным сигналом для нармайских частей и всей Гвардии: улей Вербун совершенно не ценит помощь иномитских сил.

— А как насчет второй точки зрения? Вы сами ее слышали: одно правило — для улей, другое — для Гвардии?

— Мы оба знаем, что это не так. Действия Гризмунда вообще, по сути, неосудны, а УКВГ из кожи вон лезет, чтобы обвинить его по всем статьям.

Я вообще не уверен, что это так называемое «неповиновение» итело место. Трибунал отметет обвинения, но даже довести до трибунала — вредоносно. Честь нармай и Гвардии будет задета лишь слегка, а вот УКВГ будет выглядеть глупо. — В последний момент Гаунт удержался от того, чтобы сказать «еще глупее».

— Люди Тарриана очень старательны. Они не созовут трибунал, если есть шанс, что он сорвется.

— Я знаком с подобными «судами».

маршал. Как бы то ни было, это возможно, только если позволить ит самостоятельно проводить слушание.

--- Это их прерогатива. Военная дисциплина. Это работа Тарриана.

--- Я не позволю УКВГ проводить слушание.

Кроу положил вилку и воззрился на Таунта так, словно тот только что оскорбил его родную матушку. Он поднялся на ноги, утирая рот салфеткой.

--- Вы... не позволите?

Таунт стоял на своем.

--- Эдикт 43786 Имперского Комиссариата утверждает, что любое расследование всякой деятельности, компрометирующей дисциплину в Имперской Гвардии, должно проводиться Имперским Комиссариатом непосредственно. Не планетарными органами. Это вне компетенции Тарриана. Это не должно рассматриваться УКВГ.

--- И вы прибегнете к этому постановлению?

--- Если придется. Я старший по

званию имперский комиссар на Бергхасте.

--- Эта интерпретация закона будет убийственной. Снова поднимутся все конфликты между Империей и планетарным самоуправлением. Не говорите до этого, Гаунт.

--- Боюсь, я вынужден, маршал. Я новичок в военных слушаниях. Я лично разыщу и приведу все зафиксированные прецеденты, которые понадобятся, чтобы бросить Тарриана, его сброс и его ничтожное дело *ad bestias*.^[1]

Адъютант Бергунского Главного влетел в комнату позади Гаунта.

--- Не сейчас! --- рявкнул Кроу, но парень не убрался. Он протягивал инфопланишет кипящему от злости маршалу.

--- В-вы... вы должны увидеть, сэр, --- заикаясь, выпалил он.

Кроу выхватил планшет из рук адъютанта и мельком глянул в него. То, что он увидел, полностью завладело его вниманием. Глаза его сужались по мере того, как он медленно перечитывал.

Кроу протянул инфопланишет Гаунту.

--- Прочтите сами, --- сказал он. ---
Наши наблюдатели на Южной Куртине
управляли это с рассвета.

Гаунт просмотрел сияющий экран с
записями настенной охраны.

--- Наследник Асфогель, ---
пробормотал он и оглянулся на Кроу. --- Я
советую освободить Гризмунда
немедленно. Нам понадобятся все наличные
силы.

Гаунт и Кроу вышли из кабинета и
вместе понеслись в огромный контрольный
зал Штаба готов. И нижний, и верхний
этажи бурлили деятельностью.
Политические проекции фронта сияли в
воздухе, поднимаясь из зубчатых линз в
пол, а воздух пульсировал эфирами вокс-
кастеров, молитвами астронавов и
кляцаньем когитаторов.

Стайка людей Муниторута,
работники Вербунского Главного и
технические операторы бросились к
маршалу, стоило ему зайти, но он отослал
всех и сразу же прошел к железному
верхнему ярусу, звывая ботинками по

металлическим ступенькам. Вице-маршал Анко, генерал Штурм, комиссар Каул и генерал Ксанс из Севгрупп уже собрались вокруг огромного схемного стола. Бесшумные сервиторы, снабженные бионикой, и невозмутимые полковые адъютанты ожидали в стороне. Вокс-пикт-грон жужжал над командным штабом. Гаунт задержался на верхней ступеньке, осматриваясь.

— Каул? — спросил Кроу, подходя к схемному столу.

— Не имею подтверждений. Невозможно подтвердить, лорд-маршал.

Кроу повертел свой инфопланишет.

— Но это точная запись вражеского эфира? Они скандируют это под воротами?

— С самого утра, — ответил Штурм. Он выглядел сонным, а его серо-золотая вольпонская форма потялась, как будто он в ней спал. — И не только скандируют.

Он кивнул, и сервитор открыл вокс-канал. Треск, почти нечленораздельный шум разнесся по комнате.

— Вокс-центр отфильтровал сигнал.

Утя повторяется на всех частотах как голосовой узор, а также как машинный код, арифметическая последовательность и сжатое пикт-изображение. -- Штурм утолк. Дрожащей рукой он потянулся к чашке кофеина на краю схемного стола.

-- Всестороннее вещание. Они явно хотят, чтобы мы знали, -- сказал Гаунт.

Каул оглянулся на него.

-- Они хотят, чтобы мы боялись, -- язвительно бросил он. -- Всего несколько часов назад вы хвалили мои способности в информационной войне. Можно предположить, что неприятель не менее искусен в этом. Это может быть пропаганда. Деморализующее внушение. Они могут использовать утя, просто чтобы вызвать ужас.

-- Возможно... но нет сомнений, что необходима настоящая харизма, чтобы обратить улей размером с феррозойку. Наследник Асфогель ею обладает. После Бальгаута его судьба и дальнейшее место пребывания неизвестны.

Анко намеренно проигнорировал Гаунта и повернулся к Каулу:

--- Вы были на Бальгауте, Каул. Что это за существо?

Каул открыл рот, но Гаунт перебил его:

--- И Каул, и я служили на Бальгауте. Насколько я помню, комиссар был дислоцирован на юго-западный континент, вдали от главной битвы за Олигархию. Я же столкнулся с силами Наследника лично.

Кроу перевел взгляд глаз, полуприкрытых тяжелыми веками, на Гаунта.

--- И?

--- Наследник был одним из старших офицеров Архонта Наджибара, самостоятельный военачальник, лично руководивший миллионной армией. Он был одним из главных командиров, которых Наджибар собрал в свою огромную группу, формируя таким образом могучую силу, захватившую Миры Саббаты, Император его побереи. Несмотря на дурную славу остальных вождей -- тразей вроде Скары Шолена, Нокада Прокаженного, Анакванара Сека, Куакса Безглазого, -- Наследник Асфогель остается самым зловещим. Его

основной целью как до, так и после того, как Архонт Нагжибар приобщил его к пакту, было «наследовать» одиному имперскому миру за другим и возвращать их к тому, что он называет «истинной природой Хаоса». Его жестокость неизмерима, его зверства ошеломляют, а его личную харизму трудно переоценить. И, за исключением разве что Сека, он, пожалуй, самый выдающийся стратег среди командования Нагжибара.

— Звучит, как будто ты почти восхищаешься ублюдком, — фыркнул Штурм.

— Я не позволяю себе его недооценивать, генерал, — холодно ответил Гаунт. — Это разные вещи.

— И он может быть здесь? Это может быть больше, чем тактическая ловушка? — спросил Анко, не сумев скрыть угрозы в голосе.

— Наследник бежал с Бальгаута вместе со всеми выжившими вождями, после того как магистр войны Слайдо убил Архонта. Это может стать его первым проявлением с тех пор. Зойканские силы

окружили нас ловко и быстро, а для усиления эффекта использовали как нагнетание неизвестности, так и внезапность. То и другое -- тактические приемы, которыми, насколько я знаю, Наследник отдает предпочтение. Более того, он обожает военные машины. При доступе к фабрикам и заводам улья феррозойки увиденные нами причудливые боевые машины -- это именно то, что я ожидал бы от него.

Кроу помолчал, переваривая информацию.

-- Есть предложения? Гаунт?

Но хитроушный Гаунт уступил. Каул, прекрасно видя, как бесится комиссар из-за того, что «выскачка» комиссар-полковник завладел инициативой.

-- Я хотел бы услышать соображения комиссара Каула о том, как распорядиться этой информацией.

Каул жадно вцепился в брошенную ему жемчужину.

-- Мы не можем скрыть всестороннее вещание, поэтому его необходимо

дискредитировать. Всем военным, муниципальным и цеховым учреждениям в улье Вербун, а также и избранным представителям гражданского населения и Legislature необходимо внятно и убедительно сообщить, что это пустопорожняя пропаганда. Нужно приготовить заявления для информационных экранов, опровергающие вражеское вещание. Я предлагаю нам ответить собственным вещанием. На данный момент должно хватить простых повторений «Наследник мертв».

— Начинайте работу. И держите меня в курсе. — Кроу дождался, пока Каул выйдет, потом повернулся к Штурму и Ксансу: — Боевая готовность остается в силе, но теперь я хочу, чтобы все армейские ресурсы были на позициях. Никаких резервов. Мы должны встретить следующий удар во всеоружии.

Оба генерала кивнули.

— Я полагаю, пересмотр настроек коммуникационной сети уже произведен, генерал Штурм?

— Новые настройки частот и новые

коды были выписаны всем подразделениям. Пятница, как в прошлый раз, не повторится.

Гаунт надеялся, что Штурм не врал. Он просмотрел генеральские правки, и они выглядели разумными, хотя, разумеется, моделили Вольпонских Аристократов и Вербунский Главный наиболее доступными эфирати.

--- Вы еще не обдумали мое предложение навязать бой снаружи Стены? --- спросил Ксанс.

--- Непрактично, генерал, --- ответил Кроу.

--- Мы видели, как Вербунская механизированная бригада была уничтожена в лугах, --- добавил Штурм.

--- Да, но теперь они бы окопались и были бы прикрыты руинами наружных трющоб. Стратегия, выдвинутая Нэшем, Гризмундом и Гаунтом, сегодня выглядит более оправданной. Севзгруппы и Нармянская бронетанковая могли бы неожиданно выступить в поддержку пехоты и ударить неприятеля в лоб.

Гаунт слушал, пораженный. Он

Впервые слышал план Ксанса. Очевидно, Штурм, Анко и Кроу приложили для этого все усилия. И явно не было совпадением то, что Ксанс озвучивал его теперь, в присутствии Гаунта.

— Нет! — рявкнул Штурм, не справившись с яростью. — Мы не станем разбавлять наше сопротивление здесь, разбрасываясь людскими ресурсами и техникой. В ходе рейда наружу неизбежны потери.

Ксанс покачал головой и покинул зал, даже не отдав честь.

Штурм бросил сердитый взгляд на Гаунта.

— Даже не думай поддержать Ксанса, Гаунт. Имперские силы в улье Вербун не пойдут в наступление ни сейчас, ни в ближайшем обозримом будущем.

Гаунт кивнул, отдал честь и вышел. Он знал, когда стоило спорить, а он и так уже достаточно подставлялся в последнее время.

На закате зойканцы возобновили периодические бомбардировки.

обстреливая Куртину бессчетными снарядами и ракетами, больше чтобы раздразнить, чем чтобы нанести серьезный ущерб. Башенные батареи отвечали огнем, только когда видели цель.

Зойканские наземные силы, подбираясь к Стене, обстреливали ворота из оков и траншей. На Сондарских воротах корпус Вервунского Главного под началом капитана Карджина поднял бронированные купола вращающихся электрических турелей и прошерстил землю за стеной вихрями огня.

Новые защитные укрепления на Вейвейрских воротах принимали первые удары. Раздалось характерное клецанье минометов, обстреливающих каменные стены, и клубы пыли поплыли на солдат на бруствере.

Фейзор вертел скопом, выскивая тишень в пустоши трупов, и вскоре разглядел струйки дыма, выходящие над замаскированными минометами.

Он направил Бразга на стену и навел ему цель, пока Бразг загружал реактивные

гранаты в свой ручной гранатомет. Затем Фейзор воксировал Роуну запрос на открытие огня.

Роун прохаживался по внутренним траншеям, когда получил запрос, и велел Фейзору подождать.

Он поспешил по окопу к вольпонскому командному штабу, полуразбитому вагону поезда, погребенному в пенле и щебенке и прикрытому по всему периметру бронеширмой, мешками с песком и гругами катней. Роуну было приказано координировать оборону с вольпонскими коллегами, но, несмотря на обновления коммуникации, внесенные Штурмом, --- или же, как трачно предполагал Роун, --- благодаря им, --- внутренние вокс-линии работали медленно и с перебоями.

Двое Аристократов элитной Десятой бригады стояли на страже у завешенного тканью входа. Они были настоящими гигантами в своих панцирных боевых доспехах, опрятной серо-золотой форме без единого пятнышка. У каждого был блестящий черный хеллган с прицепленным подствольным

гранатометом.

Они презградили етү дорозү.

— Майор Роун, танитский полевой командир, — бодро сообщил он, и они расступились, пропуская его.

Полковник Николаас Ташен ДеХанте Коргей был истинным Аристократом: массивный, могучий, с квадратной челюстью и тяжелыми веками. Он сидел за схемным столом, когда Роун вошел, и стерил танитца взглядом, каким мог бы наградить что-то, прилипшее к ботинку.

Роун кивнул.

— Я хочу открыть ответный огонь. Минометы обстреливают мои позиции.

Коргей сверился со своими схематическими, затем кивнул.

— Вам нужна поддержка?

— Они просто достают нас, выигрывают время. Но я не хочу заставлять людей сидеть сложа руки, когда они уже навелись на цель.

— Нужно задействовать артиллерию?

Роун качнул головой.

— Пока нет. Давайте я заткну минометы, а там посмотрим, что они

выкинут гальше.

--- Очень хорошо.

Роун повернулся к выходу.

--- Майор? Роун, верно?

Роун обернулся и увидел, что Коргей поднялся на ноги.

--- Я очень надеюсь, что Вольпон и Танит смогут взаимодействовать в бою, -- произнес он.

--- Я разделяю ваши чаяния.

--- Наши полки в прошлом не слишком ладили.

Роуна удивила его прямолинейность.

--- Нет. Не слишком. Могу я поинтересоваться... вы знаете почему?

Коргей вздохнул.

--- Вольтеманд. Я не принимал участия, но просмотрел записи. Оплошность генерала Штурма привела к тому, что наша артиллерия накрыла ваши полевые части.

Роун вежливо кашлянул. Это была обтекаемая и достаточно неточная оценка, но он не хотел спорить с офицером-Аристократом.

--- Я полагаю, что Вольпон никогда не

приносил официальных извинений Танит.
Как бы то ни было, я приношу извинения
сейчас.

--- Есть причина? --- настороженно
спросил Роун.

--- Один из моих людей, Кулцис,
хорошо отзывался о Призраках, в
особенности о полковнике Корбеке. Они
вместе сражались на Наседоне. Другие
превозносили руководство Таунта на
Монтаксе. --- Коргей улыбнулся. Улыбка
выглядела искренней, несмотря на
аристократическую невыразительность
лица. Роун подумал, что симпатия к
Коргею не так и невозможна.

--- Штурм, Император храни его...
Жильбер... многие из высшего эшелона ---
они, конечно, до конца дней своих будут
презирать Танит! --- Они оба рассмеялись.
--- Но вы увидите, что я справедливый
человек, Роун. Мы, Аристократы,
кичились своим превосходством долгое
время. Пришло время поучиться у других и
осознать, что в Имперской Гвардии есть и
другие славные полки, служба с которыми
плечом к плечу могла бы стать честью и

просвещением для нас.

Роун был действительно изумлен. Как и все Призраки, он ненавидел Аристократов, для его озлобленной души ненависть была естественна. Он никогда не поверил бы, что услышит искренние товарищеские слова от одного из них, тем более — старшего офицера.

— Я ценю ваши слова, полковник. Я их запомню и распространю ваши мысли среди своих людей. Справедливости ради надо признать, что если мы не научимся взаимодействию, то утрем здесь. В рамках сотрудничества могу я заметить, что вокс-связь все еще не вполне надежна?

Кордей кивнул и сделал стилусом пометку на инфопланишете.

— Установите полосу частот «ни» как основную, а полосу «каппа» — запасной. Думаю, я отправлю одного из подчиненных с вокс-установкой в качестве связного. Предлагаю обменяться.

Роун кивнул, салютовал и вышел.

Кордей позвал телохранителя.

— Отправь Гравена с вокс-сетом к танитцам. Скажи, пусть выступает

связным. Я хочу, чтобы он приставлял
за этим отерзительным сбродом
Призраков, объясните ему это. Нам не
надо, чтобы они укусили нас за жопу, когда
сражение начнется.

Возвращаясь по окопам, Роун
отправил подтверждение Фейгору на
главной стене. Гранатомет Брагга
выстрелил, и зойканские минометы
взлетели на воздух в брызгах пламени и
обломков, когда выпущенная граната
попала в их боеприпасы.

Вскоре из зойканских рядов лазерный
огонь забарабанил по Куртине. Призраки
сидели, не высовываясь, и выжидали.

В Хасском восточном форте,
выходящем на устье реки, царила гробовая
тишина. Хасский восточный до сих пор
война обходила стороной, но позиция
оставалась стратегически важной,
поскольку защищала шоссе на Ванник и
врата Онтаби, единственные из пяти
огромных городских врат, которые пока
еще не осаждали.

На вершине башни сержант Варл встатривался в сүтерки, спүскающиеся на заросшие камышом берега и островки матово-серой реки. Цапли и трясогүзки шүршали камышати и носились по реке, оставляя за собой рябь, а воздух над берегом погразивал от жүжжания комаров. Громага автодорожного моста Гиральди на севере казалась стүтным силүэтом.

Дождь үтих. В воздухе разлился предгрозовой аромат. Два взвода танитцев Варла делили этот форт с тремя взводами Роанских Диггеров под командованием капитана Уилларда и тремя сотнями канониров Вербүнского Главного, подчиненных майору Родьину, младшему члену семьи небольшого благородного дома.

Варл полагил с Уиллардом. Роанцы было около двадцати пяти, загорелый, расстрепанный, светловолосый, с пронзительными карими глазами и здоровым чувством юмора. Как и у Варла, у Уилларда был металлический имплантат — пальцы и ладонь правой руки. Они обменивались шүтками о своих

операциях.

С Рогъином было сложнее. Пусть все они здесь смотрели в лицо смерти, для Рогъина ставки были выше, потому что это его дом. Он был бледный, серьезный и уже начал лысеть, хотя ему всего двадцать с лишним. Шутки и подколки, которыми обменивались коллеги-офицеры, его явно озадачивали, и частенько он по долгу таращился на них, близорук щурясь в стекла очков-полумесяцев, которые он не снимал. Варл знал, что дом Рогъин был одной из либерально настроенных семей, более человеколюбивым и прогрессивным, чем старые благородные дома и гильдии. Состояние дома Рогъин было сколочено на поставках проговольствия, их машины для сбора урожая паслись на пасторальных просторах плато к северу от Хасса, собирая зерно для огромных складов в доках.

Варду нравился Рогъин, но он не очень-то походил на солдата.

Танитский сержант прошелся по вершине башни, прихлопывая комаров, и

теперь обходил расположения в темноте нависающей ночи.

Он услышал стех: Уиллард и кто-то из его солдат в темной униформе перешучивались, стоя возле ракетной установки. Родъин стоял чуть в стороне, изучая в σκοп, настроенный на максимум, реку и дорогу.

Уиллард приветствовал Варла.

— Знаешь, Призрак, не считая проклятой мошкары, я бы сказал, что нам досталось лучшее место! Никакой тебе сраной битвы, тут, на Хасском восточном, да?

Варл уже видел битву в Вербуне, так что мог по достоинству оценить спокойную и тихую восточную окраину. У все же ожидание иногда просто сводило с ума.

— Ничего не имел бы против парочки зойканцев, — ухмыльнулся он.

— Дьявол, нет! Парочку этих желтых урогов, чтобы не терять хватку, да?

Снова стех. Варл заметил, как неловко отогвинулсЯ Родъин, не желая ввязываться в разговор. Майор относилсЯ к

своим обязанностям и своей войне серьезно — слишком серьезно, по мнению Варла, — возможно, потому, что для него это было впервой.

— Что-нибудь видно? — спросил Варл, подойдя к Рогъину на край паранета.

— Возня на реке: баржи, лодки. Большая часть перевозит снаряжение. Штаб готов наложил эмбарго на все, кроме поставок продуктов первой необходимости.

Варл осмотрел местность в свой одионарный скоп. К северу от них, у моста, стояли громоздкие прометиевые цистерны портового склада горючего, основного учреждения, обслуживающего улей Вербун. Подпираемые короткими ножками, на север и на восток тянулись трубопроводы.

— Все выглядит спокойно, — заключил Варл.

Позади Уиллард рассказывал весьма скабрезную шутку, и слух его людей эхом пролетел над укреплениями и унесся в сгустившиеся сумерки.

Гильдиец Ворлин вернулся домой к
ночи. Он широко ухмылялся, и его лицо
светилось после доброй порции джойлика.
Внеочередное собрание гильдии,
проведенное в бронированном бункере под
Коммерцией, закончилось увеличением его
личных ресурсов в три раза по сравнению с
тем, что было утром. Внутренние
запасы прометия, которые он выставил на
продажу, были нарасхват в свете идущей
войны, к тому же он провернул прибыльную
сделку с представителями Вербунского
Главного. Его трубы все еще качали
топливо в огромные стальные бочки в
приречном промышленном комплексе
Ворлина. Улей Ванник, может, и умер, но
его наследие еще тянулось, и Ворлин
поднимал целое состояние на каждой
капле. К концу войны Ворлину
гарантировано место в высшем круге
гильдий Коммерции. Дом Ворлин войдет в
элиту торговых организаций улья. Сами
его акции учетверились с Первого штурма.

Он сидел в личном кабинете за
тиковым столом со встроенными пикт-
пластинками, потягивал джойлик из

наполненного до краев стакана, простатривая на своем коммуникаторе корреспонденцию за день.

Одно сообщение приковало его взгляд. Это было уведомление о наведении справок от какого-то ничтожества, подписавшегося как Кёрт, из Общественного медицинского учреждения внутренних трудов 67/мв. Оно хотело знать его местоположение в течение первого дня атаки. Был ли он где-то неподалеку от Субтранзитной станции С7/г? Там были зафиксированы нарушения, требующие расследования, так что принимаются все возможные свидетельства от людей, находившихся там в тот день. Камеры на турникетах записали его и двух его телохранителей в том районе во время бомбардировки Коммерции. Сообщение было подписано «Кёрт, А.» и заверено иномирским медиком по имени Дорден, кем-то из Имперской Гвардии.

Ворлин ощутил, как дрожат руки, расплескивая джойстик. Он поставил стакан и слизнул капли с пальцев.

Он проверил, на месте ли оружие — в ящике стола. С этой досадной проблемой стоило разобраться сразу.

Щебет стал уже настолько настойчивым, что в мире не осталось больше ни знаков, ни слов. Сальвадор Сонгар подергивался в своем жидком мире, покусывая губы. Голос его почтенного феррозойканского кузена обрезался до тех пор, пока не осталось всего два слова, снова и снова повторяемых им. Умя. Демоническое умя.

Сонгар был изнурен и ослаблен голодом. Его трубки питания уже давно пересохли, а он, бессознательный, не мог сам перезанести автоматическую систему. Даже его мясные тарионетки, брошенные и забытые, медленно разлагались, болтаясь на своих ниточках.

Тяжелый запах разложения заполнял апартаменты верховного лорда.

Он был в забытии.

Он знал, чего хочет щебет. И эта идея нравилась ему, это щебет сделал ее

такой притягательной...

Он не мог сформулировать внятную мысль. Он просто слушал. Возможно, он так и сделает... просто чтобы щебет заткнулся. В любой момент.

Ларкин не шевелился уже более часа. Его глаза не отрывались от склона. Завод на склоне Террикона безмолвствовал в темноте, но он знал, что вервунский снайпер Лотин сжался за камнями в коридоре второго этажа.

Десятью минутами ранее Ларкин засек движение на склонах Террикона. Он всматривался и наконец снова увидел его: секундный отблеск лунного света на броне.

Он навел прицел. Выдохнул.

Зойканцы продвигались по Террикону. Все хорошо натасканные, не уступающие в искусстве маскировки любому опытному разведчику. Очевидно, они стенили характерные охранные доспехи на темные, незаметные в ночи, либо же перетакали грязно-желтую форму сажей.

Он воксировал Маколлу, используя полдесятка кодовых слов.

Маколл велел танитским снайперам
приготовиться и стрелять, как только
покажется цель. Через секунду такой же
приказ отдал Ормон своим людям.

Ларкин увидел движение снова,
отчетливое в туманном зеленом свечении
скопа.

Он выдохнул, прицелился и
выстрелил.

По каменному склону хлестнула
вспышка красного, и фигура в черных
одеждах полетела вверх и упала
навзничь.

Ларкин немедленно нырнул под
камень, а затем поменял позицию. Он был
уверен, что вспышка его оружия была
хорошо прикрыта, но нет смысла
подставляться. Он снова устроился и навел
прицел, спрятав глинное дуло в сломанной
водоотводной трубе.

Лотин в десяти метрах от него
выстрелил. Его лагган громко лязгнул, и
даже со своего места Ларкин увидел
вспышку и выругался.

Он услышал жалобы Лотина по воксу.
Он промазал.

«Двигайся, двигайся и работай снова!»
--- безмолвно показал Ларкин.

Лотин снова выстрелил. Его
ликующий возглас быстро прервал меткий
выстрел с Террикона. Зойканцы
высматривали повторяющуюся вспышку.

Лотин повалился навзничь, в щебенку
на полу. От его лица ничего не осталось.

«Значит, --- подумал Ларкин, --- у них
тоже есть толковые снайперы».

Война стала интересной.

Опустилась ночь, и луны, две больших
креповых и маленькая алая, медленно
взбирались на лиловый небосвод. Дождевые
тучи, черные и косятые, бежали вдоль
восточного горизонта. Далекий грохот
выкатился на луга.

Воздух, нехватающий душный в Хасском
восточном, заставлял Варла обливаться
потом в своей черной форме. Еще хуже
становилось из-за статического
напряжения, усиленного огромным Щитом
позади, шипящим и поскрипывающим во
тьме сияющей полусферой энергии.

Платина в лагуне и бионической

руке покалывала электричеством. Варл уже призывал надвигающийся ураган, только бы он начался и очистил душный воздух.

С северо-востока сверкнула ослепляющая вспышка, затем раздался оглушительный грохот, а затем — удар, который сбил Варла с ног. В ночи раздались крики, сирены взвыли, а кто-то уже кричал от боли.

Небо снова озарилось. Взрывы прокатились по всей протяженности Куртины — от врат Онтаби до Хасса.

Варл поднялся, моргая. Ни следа обстрела. Это были... мины.

Он ринулся вниз с паранета, крича в вокс-связь, когда следующая порция взрывов сотрясла Стену. Демонизирующие мины означали лишь одно: враг был прямо над ними, и достаточно близко, чтобы открыть огонь.

Паника вокруг, всеобщее стягивание. Бесполезные крики ответили Варлу по вокс-связи. Варл ухватился за Стену, когда очередной взрыв грохнул совсем рядом, прокатившись огненным шаром вверх по

внутренней стороне Стены.

Внутренней стороне?

--- Они прорвались! Они прорвались! ---
завопил он, сам не веря себе, но отчаянно
пытаясь донести до всех. Почти сразу же
он оказался под обстрелом. Лазвыстрелы
вспороли воздух вокруг него, метнувшись
от ближайшей лестницы на Стену.

Барл ответил на обстрел, собирая
вокруг себя солдат Вербунского Главного.
Автоматы защелкали, поддерживая его. Он
увидел, как зойканские штурмовики
высыпали на укрепления с лестницы. Их
охранные доспехи были вытазаны столой.

Барл пристрелил одного-двух,
прежде чем понял, что у него за спиной
еще больше врагов штурмуют укрепления.
Как, во имя феса, они пробрались?

Сильный взрыв сбил его с ног. Целый
кусок Хасского восточного обвалился,
грохоча и вздымая облака пыли к небесам,
освещенный пламенем. Взрывы
продолжались по всей глине стены.

Барл увидел, как взрывались выбитые
из своих ниш пушечные установки, как
целые куски Стены вышибались наружу

взрывать, вырывавшимися из стартовых шахт и автопогрузчиков.

Словно гнев свирепого бога, война, наконец, обрушилась и на Хасский восточный.

Глава двенадцатая

НАСТАЛА ТЬМА

Какое сильнейшее оружие
известно человечеству?
Божественные машины
Агентус Механикус? Нет!
Легионес Астартес? Нет!
Танк? Лазган? Кулак? Все
нет! Отвага и лишь отвага
превыше их всех!

Из записей Махария,
лорда Солар

Далекый гром вырвал Убрама Гаунта
из крепкого, без сновидений, сна.

Его спальня, часть маленькой
квартиры, предоставленной ему
неподалеку от Штаба готов, освещалась
лишь слабым янтарным сиянием рун
маленького кодификатора на столе.

Он включил лампу и сполз с кровати,
на которую улегся всего-то несколько часов

назад, даже не раздевшись. Сон накрыл его мгновенно.

В свете лампы он подошел к столу, загроможденному перевязанными лентами бумагами и стопками инфоплашетов. Он хлебнул оставшегося с вечера вина из стакана, стоявшего на прикроватном столике.

Снова раздался гром. Где-то были сирены, приглушаемые толстыми стенами.

Он активировал звонок на установке внутренней связи, встроенной в тракторную облицовку стены, рассеянно изучая большой обратленный портрет напротив. Плотные, потемневшие от времени лапки, потемневший стиль: человек в старинном тундире Вербунского Главного с орденской перевязью. Он пощипал пятой грудью человеческих черепов, в одной руке сжимал свиток, а в другой меч.

--- Сэр?

--- Что происходит?

--- Докладывают о нападении на Врата Онтаби. Ожидает подтверждения.

--- Введите в курс дела. Мои люди на

Хасском восточном.

--- Разумеется, сэр. К вам...
посетитель.

Гаунт сверился с часами. Было почти двенадцать часов ночи.

--- Кто?

--- У него Имперская печать, и он утверждает, что вы его приглашали.

Гаунт вздохнул и сказал:

--- Впустите его.

Наружная дверь квартиры отъехала в сторону, и Гаунт отправился в гостиную встречать посетителя, зажигая по пути настенные светильники.

Сгорбленный пожилой мужчина, закутанный в темную мантию, вошел, всматриваясь в Гаунта через толстые стекла очков. Из-под высокой красной фетровой шляпы выбивались непослушные седые волосы, мужчина опирался на темную трость. За ним следовал высокий бледный юноша в сером пальто клерка, нагруженный старыми книгами и связками бумаг.

--- Комиссар... Гаунт? --- проскрипел старик, разглядывая офицера, стоящего

перед ним.

--- Комиссар-полковник, вообще-то. А вы?..

--- Адвокат Корнелий Патер, Юстиция Администратум. Ваш запрос на юридическую помощь был рассмотрен сегодня ночью, и интендант Бейнфейл немедленно направил меня уделить внимание вашей проблеме.

--- Благодарю интенданта за готовность помочь и вас за потраченное на меня время.

Адвокат кивнул и проселенил к кожаному креслу, предоставив своему помощнику стоять в дверях, покачиваясь под тяжестью рукописей и томов, которые он нес.

--- Положите их на стол, --- предложил ему Гаунт. --- Вы?..

Парень, похоже, не рискнул заговорить.

--- Мой клерк, Бвелт, --- ответил за него Патер. --- Он говорить не будет. Его обучение на младшего адвоката предполагает изучение протоколов ведения допросов. Кроме того, он ничего не

понимает.

--- Как будем действовать? --- спросил Гаунт адвоката.

Патер прочистил горло.

--- Вы в своих интересах изложите обстоятельства дела --- не упуская ни малейшей детали, вы покажете мне все относящиеся к делу записи и вы предоставите мне стаканчик крепкого вина.

Гаунт оглянулся на Бвелта.

--- На прикроватном столике в моей спальне стоит бутылка. Принесите ему стакан.

Патер не соизволил продолжать разговор, пока хрустальный бокал не оказался в его морщинистых руках, а первый глоток --- во рту. Трость лежала у него на коленях.

Гаунт начал:

--- Генералу Имперской Гвардии Тризмунду из Нармянской бронетанковой и четверем его офицерам были предъявлены обвинения в нарушении субординации. Их содержат в тюрьме УКБГ в ожидании судебного разбирательства в трибунале

УКВГ. Обвинения надутанны. Мне нужно, чтобы их освободили и вернули к исполнению обязанностей немедленно. Я считаю, что дело можно строить на формальности: УКВГ не имеет права судить личный состав Имперской Гвардии. Если состав преступления наличествует, то это дело Имперского Комиссариата. Высшим уполномоченным которого в Бергхасте являюсь я.

Патер поправил очки и изучил инфопланишет, который Гаунт ему протянул.

--- Хм... вполне очевидно, я полагаю. Вы ссылаетесь на Эдикт 43686 Имперского Комиссариата. УКВГ этому не обрадуется. Тарриан лично вас за это возненавидит.

--- Это едва ли испортит наши текущие отношения.

--- Бвелт? В чем дело? Ты кривляешься, как дурак или как человек с метеоризмом.

--- 43786, адвокат. Эдикт 43786, --- голос Бвелта был не громче шепота.

--- Именно, --- сказал Патер.

проигнорировав исправление и снова
установившись в инфопланишеты. --- Дело
может дойти до суда. У Тарриана есть
скверное обыкновение протягивать дела
через все процедуры, даже если провал
очевиден. Он находит некое удовольствие в
продлении агонии.

--- Я хочу, чтобы ему швырнули в лицо
ситуацию на фронте. Мы не можем
обходиться без Тризмунда ни минутой
дольше. В ближайшие несколько дней
будущее улья будет зависеть от его
танкистов.

--- Запутанная ситуация. Но Эдикт
хорошо представлен прецедентами.
Краткое слушание, возможно, состоится
завтра утром, и мы выбьем почву из-под
ног УКВГ. --- Патер посмотрел на
Таунта. --- Я получу от этого
удовольствие. УКВГ мнило себя выше
Имперского Закона много лет. Обеспечить
честную правовую систему в улье было
почти невозможно. Опираясь на ваш
авторитет, мы можем победить.

--- Хорошо. Мы, по крайней мере,
должны быть уверены, что УКВГ не

стожит бесчинствовать дальше. Сколько бы они ни спорили, они знают, что на трибунале должен присутствовать имперский комиссар.

--- Именно. Даже если они и станут настаивать на собственном суде, мы все равно можем задерживать их, пока вы отказываетесь присутствовать. Тогда... Бвелт? Ты опять корчишь рожи! Что теперь?

Бвелт помолчал и затем заговорил, очень тщательно подбирая слова.

--- Трибунал... уже начался. Вы велели изучить всю информацию, относящуюся к делу, прежде чем идти сюда, и этот факт внесен в юридическую повестку дел.

--- Что?

--- Он-и-ни начали... потому что у них есть имперский комиссар. Комиссар Каул согласился представлять интересы Империи и...

Отборная ругань Гаунта заставила Бвелта умолкнуть, а старика вскочить. Натягивая кожанку, фуражку и портупею, Гаунт выдал красочную и очень выразительную тираду, описавшую, что он

сделает с Таррианом, Каулом и всем
УКВГ --- в очень кратких и всем понятных
выражениях.

--- За мной! Быстро! --- бросил он
адвокату и его грожащему клерку, а
затем вылетел из комнаты.

На восточном конце улья небо горело.
Из наружной тьмы, с речного берега враг
засыпал снарядами адмантиевую
Куртину и крепость на Хасском
восточном, уже почти разгромленные
минами.

Барл, спотыкаясь, пробивался сквозь
шквальный огонь, пытаясь
перегруппировать своих людей и спустить
их в глубокие бункеры под стеной.
Зойканские штурмовики были повсюду.
Защитников было слишком мало. Барл
пытался воксировать Штабу готов или
командованию Танитского Первого, но
энергетический фон от бомбардировок
глушил частоты.

С ним было где-то двадцать человек,
в основном Призраки, но также и роанцы с
вервунцами, и он погнал их с башни в

подвалы форта. На каменных стенах
выступил конденсат из-за жара на горящих
верхних этажах. Штукатурка трескалась
и осыпалась, воздух, горячий, как в печи,
обжигал легкие. В какой-то момент
снаряд пробил стену коридора в двадцати
метрах позади и вылетел через
противоположную стену, войдя в камень,
как нож в масло. Волна раскаленного
воздуха от удара едва не сбила их с ног. В
коридор ворвалась группа зойканцев, но
люди Варла вырезали их.

Двумя уровнями ниже они влились в
поток из почти шестидесяти человек
Вервунского Главного и Роанских Диггеров
с майором Роджином во главе. У
некоторых были тяжелые ожоги.

— Где Уиллард? — спросил Варл,
перекрикивая сирены и рев взрывов.

— Не видел, — крикнул Роджин. Его
очки перекошились, щека кровоточила.

— Нужно увести людей вниз! Как
можно ниже! — прокричал Варл, и двое
офицеров стали направлять выживших
солдат вниз по лестнице, когда им
навстречу по коридору покатилась

взрывная волна.

--- Они заминировали Күртинү!
Узнүтри! --- завопил Рогъин, пока они с
Барлом проталкивали солдат, одного за
другим, на лестницу.

--- Я знаю, фес их! Как, мать их, они
попали внутрь?

Рогъин не ответил.

На стене под осажденным фортот
капрал Мэрин сгонял толпу паникующих
солдат в укрытие. Две группы Призраков ---
среди них Бростин, Уксизрис, Нен и Мак-
Тиг --- пробились вперед мимо него, но
человек двадцать солдат Вербунского
Главного совсем потеряли голову. Мэрин
орал на них, размахивая руками, пытаясь
перекричать визг снарядов и грохот
взрывов. Плата над фортот вздымалась на
сотню метров, над ними кружили облака
сажи и горящие ошметки ткани. Жар был
невыносимым. Где-то рядом в погрузчик с
боеприпасами попала искра, перегретые
снаряды разрывались, рикошетили от
каменной кладки и зигзагами пронзали
воздух.

Выстрел попал в солдата Вербунского Главного рядом с Мэрином и взорвал его шипастый шлем.

Внезапно сверкнула вспышка какого-то режущего луча, протянувшегося снаружи стены и метнувшегося к ним. Мэрин увидел его и упал ничком, когда безжалостный луч вспорол стену на высоте груди, уничтожая торопящихся вербунских солдат. Они просто по очереди исчезали, уничтожались, не оставляя ничего, кроме облаков пара и иногда оплавливающих ботинок.

Луч прошел прямо над вживавшимся в землю танитским капралом, сжигая заднюю часть бригаей, куртку и волосы на затылке. Он затрясся и взвыл от поверхностных ожогов, но чудом остался живых.

Он встал -- обгоревшая черная форма клочками осыпалась с тела -- и заковылял к ближайшему лестничному пролету.

Сотни людей -- танитцы, роанцы и Вербунский Главный -- бежали со Стены и врат Онтаби, ища укрытие в трюцобах близ доков. Вражеский обстрел и огневые

лучи зачищали Стену и форт и уже перемещались к рабочим туннелам. Щит, горящий над ними, казался издевательством. Что толку от энергетического экрана над головой, если враг пробивается понизу сквозь кератит и адамантит?

Туннелы захлестнуло пламя, и тысячи жителей в панике метались по улицам, спешиваясь с бегущими солдатами, забывая магистрали и транзиты, как стадо баранов. Хасский восточный форт дрогнул и обвалился, толстые створки врат Онтаби плавились, как лег. В Куртине зияла брешь, и это было самое опасное и серьезное повреждение из всех, нанесенных до сих пор, включая развороченный Вейвейрский вокзал.

На вратах Кроу, следующей после Хасского восточного главной фортификации на Куртине, в каких-то десяти километрах от Онтаби, солдаты с ужасом смотрели на невероятный кошмар, хлещущий шквальным огнем и лучами

разрушения по речным укреплениям. Плюмаж пламени осветил предгрозовое небо и рванулся вверх, как взорвавшееся солнце.

Генерал Нэш был на воротах Кроу и трачно воксировал о происходящем в Штаб готов. Он срочно запросил мощные подкрепления. Под угрозой прорыва по всему фронту наземные войска должны быть доступны.

И тут же один из его наблюдателей доложил о замеченном на шоссе к Ваннику движении, в двадцати километрах на северо-восток. Нэш переключил магнокүляры на тепловое зрение и уставился на мерцающие зеленые призраки танков и боевых машин, свиньей несущихся на Онтаби.

--- Есть контакт! Повторяю, есть контакт! Не менее тысячи единиц бронетехники приближаются по шоссе на Ванник и занимают прибрежную территорию! Они будут на Хасском восточном в течение часа! Требую подкрепления на мои позиции, сейчас же! Мне нужны танки! До хера танков! Штаб

готовов! Отвечайте! Отвечайте, ваши
мать!

В главном зале Штаба готов повисло
гробовое молчание. Слышался лишь
отчаянный щебет вокс-эфира, сыплющий
жуткими докладами об
употраченных разрушениях в
тысяче разных локаций.

Погерев голову рукой, бледный
маршал Кроу смотрел на схемный стол на
верхнем ярусе зала. Хасский восточный
был уничтожен. Массированная
бронетанковая атака угрожала с востока.
Артиллерия начала обстреливать ворота
Кроу и ближнюю восточную Стену.
Бронированные танки и колонны пехоты
ударил по воротам Сонгар и стенам,
прилегающим к Хасским воротам и
Хасскому западному форту. Хасский
западный подвергался жесточайшему
обстрелу.

Атака по всем фронтам. Защитные
укрепления улья Вербун уже были на
исходе, и Кроу знал, что это только
начало.

-- Что... что нам делать? --

пролепетал Анко, белый, как его форма. ---
Маршал? Маршал Кроу? Что нам делать,
Кроу? Да говори же, ублюдок!

Кроу ударил Анко по мясистым губам,
и тот упал, скуля, на железный пол. Кроу
оглянулся на Штурма.

--- Ваши идеи, генерал? --- в голосе
Кроу было поровну льда и яда.

--- Я... --- начал Штурм. Но замкнулся.

--- Даже не думайте предлагать
эвакуацию, Штурм, или я убью вас на
месте. Эвакуация --- не вариант. Вас
послали защищать улей Вербун, этим вы
и займетесь, --- он передал Штурму свою
герцогскую печать. --- Отправляйтесь в
тюрьму. Возьмите солдат с собой.
Освободите Гризмунда и направьте
командовать войсками, пока их просто не
перебили. Если ублюдок Тарриан или кто-
либо из убавэгэшников воспротивится,
примените власть. Я ожидаю, что вы
вернетесь на врата Вейвейр и примете
командование над своими войсками, как
только освободите Гризмунда. Мы
слишком много времени потеряли,
препираясь друг с другом. Сегодня ночью

Улей Вервун либо выживет, либо погибнет.

Штурм быстро кивнул и взял кольцо.

--- А где будете вы, маршал?

--- Я приму личное командование
вратами Сондара. Улей не сдася, пока я
жив.

Тюремный люк никто не открывал.
Гаунт молотил по нему рукояткой своего
болт-пистолета, но ответа не было.
Гаунт, Патер и Бвелт стояли,
освещенные прожекторами, запертые на
влажном холодном уровне Сүб-40. С ними
был капитан Даур, сонный и бледный.
Гаунт вытащил офицера связи из его
квартиры по дороге к тюрьме.

Гаунт повернулся к адвокату,
который со свистом втягивал воздух и
тяжело опирался на трость, измученный
спешным путешествием сюда, в подвалы
Хребта.

--- Нет у вас какого-то постановления,
санкции?

Патер поднял свой офисный бейдж.

--- Пропускной уровень пурпурный в
Административе... но УКВГ --- сами себе

закон. У них свои коды замков. Кроме того, комиссар-полковник, вы здесь видите замочную скважину?

Гаунт снял кожанку и кинул ее Бвелту.

--- Подержи-ка, --- сказал он резко и взмахнул ценным мечом. Оружие завыло, настроенное на максимальную мощность.

Он ударил по бронированному люку. Меч проехался по металлу, визжа, оставляя царапины и рассыпая во все стороны искры и выломанные зубцы. Он ударил снова, вырезав зазубренное отверстие шириной в пару сантиметров, прежде чем меч вклинился и взревел. Гаунт надавил всей силой плеч и рук, выдыхая проклятье, и вырезал еще несколько сантиметров.

--- Сэр? --- резко сказал Даур у него за спиной.

Гаунт обернулся, поднимая меч, как раз чтобы увидеть, как бронированная кабина лифта со щелчком опустилась. Со скрипом отъехали решетки. Генерал Штурм и полковник Жильбер в окружении десятых Аристократов-штурмовиков

вышли из лифта.

--- Штүрт, не үсүгүбляй...

--- Заткнись, придурок, и уберись оружие! --- рявкнул Штүрт. Он и его люди окружили четверку. Жильбер ослабилась в ужасающе нагменной улыбке.

--- Убери его с глаз моих, Штүрт, или я с ним сделаю то же, что делаю с дверью.

Жильбер поднял хеллган, но Штүрт оттолкнул его.

--- Знаешь, Гаунт, --- сказал Штүрт, --- я почти уважаю тебя. Парочка человек с твоим темпераментом не помешала бы в моем полку. И тем не менее ты невежественный глупец, презираемый цивилизованными людьми. Ты слишком много времени провел с этими танитскими дикарями и... Что это ты делаешь, старый дурак?

Последнее замечание относилось к Матеру, быстро и тихо диктовавшему что-то Бвелту, который записывал все это на инфопланшет.

--- Записываю ваши слова, генерал, на случай, если комиссар-полковник впоследствии пожелает предъявить вам

судебный иск за оскорбление, — голос
старого адвоката был абсолютно лишён
интонаций и эмоций — настоящий юрист.
Гаунт разразился хохотом.

Штурм отвернулся от старика
Поднял герцогскую печатку Кроу.

— Если хочешь попасть внутрь,
понадобится вот это.

Он прижал её к люку в центре.
Раздался глухой стук, шум
перезагружающихся сервосистем, и люк,
разрезанный мечом, поднялся.

Группа вошла, Штурм открыл
внутренний люк. Они прошли в освещённый
натриевыми лампами внутренний зал
тюрем.

— Маршал Кроу распорядился
освободить Гризмунда. Все катится в ад
наз наг головами, Гаунт. Зойка атакует
по всем фронтам. Пора нам забыть о
жалких перебранках.

Трое солдат УКВГ бросились и
наперерез. Один начал расспрашивать, что
они делают в тюрьме. Жильбер и его
помощник скосили всех короткой очередью.

Гаунт переступил через тела и

пинком открыл двустворчатые деревянные
двери во внутреннее помещение.

В конце коридора была большая
круглая комната, освещенная настенными
лампами со стеклянными абажурами.
Гризмунд и его офицеры со связанными за
спиной руками и капюшонами на головах
стояли на освещенном прожектором
полосе в центре комнаты. Каул,
Тарриан и девять высокопоставленных
укавэгэшников сидели на расположенных
ярусати скатьях, а у стен стояло с
десяток солдат УКВГ.

--- Какого хрена? --- взревел Тарриан,
вскакивая на ноги.

Штурм поднял герцогскую печать.

--- Уменет маршала этот суд
отменяется. Заключение освобождены.

Каул тоже вскочил.

--- Трибунал уже начался, и он
соответствует эдиктам как
планетарного, так и Улперского Закона.
Мы...

--- Закрой свой позаный рот, Каул! ---
равкнул Гаунт. --- Улей над нами погибает,
а ты тратишь время на суд над хорошими.

честным человеком --- ради каких-то политических очков. Ты ведь понятия не имеешь, что такое настоящая война, а, ублюдок? Ты прятался на Бальгауте и прячешься здесь!

Физиономия Каула стала пунцовой от гнева, но взбешенный Тарриан оттолкнул его.

--- Вмешательство в процедуры УКВТ --- это тяжкое преступление, Гаунт! Твои незаконные действия приведут тебя к печальному концу, к расстрелу!

--- Это неправда, --- уверенно заговорил Бвелт. --- Имперский Эдикт 95674, подпункт 45, гласит, что имперский судебный чиновник, как, например, комиссар-полковник, имеет право как прерывать, так и запрещать любое правовое разбирательство планетарных органов без каких-либо ограничений его власти в этом вопросе.

--- Так его, мальчик! --- прокудахтал Патер.

Гаунт пристально посмотрел на Тарриана.

--- Не говоди их, Тарриан.

--- Кого?

--- Жильбера и остальных Аристократов. Штурм их не контролирует, а уж я, вижу фес, и подавно. Со мной ты нарвешься только на честную ненависть. С ними -- получишь выстрел хеллгана между глаз, -- бросая эти слова, Гаунт уже чувствовал, что все они здесь пересекают невидимую черту. Черту между агрессивным противостоением и настоящей войной.

--- Пошел ты, грязная иномирская тварь! -- выплюнул Тарриан, вытаскивая автоматистолет из кобуры.

Жильбер свалил его выстрелом в упор. Из тела Тарриана на спинку деревянной скамьи брызнули ошметки плоти.

Стража УКВГ метнулась к ним, целкая затворами и стреляя из своих полицейских ружей. Гаунт увидел, как отлетел назад один из Аристократов, задетый в плечо. Штурм, матерясь, отстреливался из табельного пистолета. Аристократы подняли хеллганы и заполнили зал лазерным огнем.

Гризтунг и его офицеры, ничего не видя в глухих капюшонах, в ужасе бросились на пол. Гаунт прижал задыхающегося адвоката и его столбеневшего клерка к земле, прикрывая гражданских от случайного выстрела. Плазнистом Даура щелкал, не переставая.

В тесном судебном зале вольноопытцы сошлись с УКБГ лицом к лицу, схватившись против полицейских потных ружей, наполняя воздух дымом, кровавой торосью и смертью.

Сальвадор Сондар упал. Стайка кровавых пузырьков выпорхнула из его уха и понеслась к крышке цистерны. Он сдался. Щебет наполнил его, вгрызаясь в плоть, кровь, костный мозг, сознание.

Он сделал то, что приказывал щебет. Он деактивировал Щит.

Глава тринадцатая

AD

Никогда.

Воентейстер Слайдо,
отвечая на вопрос,
при каких
обстоятельствах он
мог бы объявить
капитуляцию

Огромный Щит исчез с
инфразвуковым хлопком.

Окна взорвались по всему улью.
Атмосферная температура упала на
целых шесть градусов, когда изолирующий
купол исчез и в город ворвалась холодная
вергхастская ночь. Вихри потревоженного
воздуха взметнули огромные дымовые
облака, скопившиеся у Кюртины, и втянули
их в улей, как ядовитый туман.
Освобожденная энергия потрескивала на
могучей колонне, а транслирующие

станции самовоспламенились и горели в
ночи.

Сотрясающий и ужасающий шум
вкатился в улей. Это был слаженный
победный вой миллионов зойканцев.

Маршал Кроу, величественный в
своих мантии и доспехах, только что
добрался до врат Сонгара со свитой
помощников. Он остановился на полпути,
недоверчиво уставившись в холодную тьму
небосвода. Первой его мыслью было:
техническая неполадка или даже саботаж,
но генераторы Щита были самыми
охраняемыми объектами в городе, и он
лично распорядился, чтобы рабочие-
механики проверяли их каждый час.

Это было что-то невообразимое. Под
покровом только что нагетых
керамитовых доспехов сердце Кроу
похолодело — как раз до температуры
ночного воздуха. Силовой меч Церонимо
Сонгара, самая ценная военная реликвия в
улье, показался тяжелым и бесполезным.
Кроу взял себя в руки и остотрелся. Стяжки
в руках его сержантов-знаменщиков
поныкли и трачно покачивались над ним.

--- Лорд-маршал? --- прошептал его адъютант, майор Отт.

--- Мы... --- начал Кроу, лихорадочно соображая, но не находя слов. Он разрывался. Ему хотелось вернуться в Главный хребет немедленно и разобраться с корнем проблемы, вернуть Щит. Он интуитивно чувствовал, что это Сонгар. Ублюдок Сальвадор в конце концов съехал с катушек.

Но здесь, на Стене, уже развернулся бой с превосходящими силами врага. Его люди видели, что он прибыл, и если он сейчас же повернет назад, это подорвет их боевой дух.

Тишина, повисшая после устрашающего воя зойканцев, тишина, которая могла продлиться не дольше нескольких секунд, была внезапно разорвана оглушительными бомбардировками. Вдалеке за возвышающейся над ним тенью Күртины небо было залито желтыми вспышками вражеского огня. Кроу увидел, как к западу от врат взрывается турель, а затем осыпается на площадь Маршалов потоком искр и камня.

Он поднимался, перескакивая через две ступеньки, во главе свиты, вызывая к жизни священный меч, выкрикивая приказы тем, кто был рядом, и защитникам на стене — через микробусину.

Один из этих приказов, прямой и краткий, закодированный на боевом языке гота Кроу, был предназначен Узаку, личному телохранителю Кроу. Могучий гускарл, облаченный в багровый бронежилет, остановился наверху башни и развернулся, выполняя приказ своего лорда. Он побежал через площадь к бронированной служебной машине, которая доставила Кроу к воротам Сондара, и погнал ее во весь опор к Главному хребту.

Сирены и сигналы снова вопили и выли. В приютах и лагерях Коммерции, на всех открытых пространствах улья люди были охвачены стянением. Все увидели, как исчез Щит. Всем казалось, что под прикрытием улья они в безопасности, а теперь и эта защита подвела.

Два с половиной миллиона беженцев

потянулись на север, к реке, наводнив и
запрудив улицы. К их и без того огромному
количеству скоро добавились жители
внутренних трущоб, рабочие и небогатые
гильдийцы, которые все в одно мгновение
осознали, что исчезла их последняя
защита от Зойки. В мгновение ока улицы
наполнились людьми, потоками
паникующих, кричащих граждан,
пробивающихся к реке, которую им не
суждено было пересечь.

Лорд Хеймлих Часс выглянул из
скриптория и посмотрел в сводчатое окно.
Стилус выпал из его дрожащей руки и
поставил кляксу фиолетовых чернил на
странице его журнала. Он поднялся,
прокинув резной стул, и, спотыкаясь,
подошел к окну, прижал руки к свинцовому
стеклу.

— О Сальвадор, — со слезами на глазах
произнес он. — Что же ты наделал?

Его дочь, прямо в ночной рубашке,
влетела в комнату, и ее перепуганные
служанки пытались накинуть на нее
бархатную мантию. Снаружи, в зале, лейб-

зваргейцы дома Часс с крикати носились
туда-сюда. Лорд Часс повернулся и
встретился с полным обреченности,
страха и смятения взглядом дочери.

Он взял ее за руки.

--- Меня разбудили сирены, отец.
Что...

--- Тихо. С тобой все будет в порядке,
Мерити, --- он погладил ее по волосам,
прижав к груди.

--- Служанки?

Женщины неуклюже присели. Они
сами были полуголеты и напуганы.

--- Отведите мою дочь в укрытие
аа/б. Немедленно.

--- Управляющий готовит укрытие
дома, лорд, --- сказал Уолт.

--- Забудьте о домашнем укрытии!
Отведите ее в аа/б в подземных уровнях!

--- Городской бункер, лорд? ---
выдохнула Франсер.

--- Вы что, оглохли или одурели? В
подземку! Живо!

Служанки засуетились, таща
Мерити. Она вцепилась в отца и рыдала
так, что не могла говорить.

— Угу, дочь Часса. Угу же. Я вскоре
тоже пойду. Прошу тебя, угу!

Служанкам удалось вытащить
всхлипывающую девушку из комнаты, и
они поволокли ее к лифтам в Хребте.

— Рүдрек! — На крик лорда Часса
старший лейб-гвардеец показался в дверях.
Он еще застегивал узорчатый жилет. Его
оружие было заряжено и готово к бою. Он
поклонился.

Лорд Часс передал ему маленький
шелковый кошель.

— Отправляйся с моей дочерью.
Проследи, чтобы ее доставили в городское
убежище. Никакое другое — любое другое
недостаточно глубоко. Отдай это ей
несколько личных фатильных вещей.
Проследи, чтобы она получила их.

Рүдрек спрятал кошель под корпус
бронированного панциря.

— Мой долг велит сопроводить и вас,
лорд...

— Ты хороший гвардеец, Рүдрек. Ты
верно служил этому дому. Послужи ему
снова — сделай так, как я велел.

Рүдрек помедлил, встретившись

взглядом с глазами лорда --- первый и последний раз в жизни.

--- Угу!

Оставшись один, пока в холле грохотали шаги и голоса, Часс надел свою церемониальную мантию, свою треуголку, свои переливчатые шелковые перчатки. Его трясло, больше от гнева, чем от страха. Он положил герцогскую печать в карман плаща, надел тяжелое кольцо-печатку на палец в перчатке и закрепил маленький однозарядный болт-пистолет под рукавом мантии. Туда же спрятал пригоршню патронов.

Часс выскочил в коридор, остановил троих лейб-гвардейцев. Они неуверенно салютовали.

--- За мной, --- сказал он им.

Менее чем за пять минут после исчезновения Щита первые зойканские снаряды начали разрушать внутренний улей. Словно вся их артиллерия, пушки, осадные минометы, пусковые установки --- все было готово и наведено, ожидая этого момента.

Волна за волной визжащие снаряды прокатывались над Күртиной и били по центральному району. Сотрясающая рябь взрывов рүшила один дом за другим, забивая магистрали щебенкой, разводя пожары, которыми үже зашлись десятки высоких зданий үлья. Тысячи трүщобных, прячүщихся в домах или бегүщих по улицам, были үничтожены или покалечены.

Снаряды осадных минометов провыли над вратами Сонгара и обстреляли каменный комплекс на площади Маршалов. Плиты, свистя, словно лезвия, разлетались во все стороны, обезглавливая или стиная солдат на Стене. Статуи, расположенные по периметру площади, повалились под взрывами или просто рассыпались.

Массированный обстрел пришелся и на заводы у врат Кроу. Крыши магазинов и складов занимались огнем, и пламя цепко держалось, скользя на запад, в рабочие трүщобы. Такой же обстрел, поддержанный ракетами, начал систематически толотить по трүщобам и заводам за Хасским западным, и ударная волна от их

падения отдавалась аж на севере, в элитном районе. Усадьбы ординарных домов и поместья гильдий были стяты и разрушены.

Обстрел и ужасающие режущие лучи, хлещущие по Хасскому восточному, прицельно били в уже стометровую дыру в Куртине и в развалины врат Онтаби, затем лучи перенаправились на трущобы и верхние ярусы Куртины, а зойканская пехота по шоссе к Ваннику потянулась в улей через эти бреши. Первые пехотинцы Зойки вошли в улей Вербун уже через тринадцать минут после исчезновения Щита, хотя диверсионные отряды, с которыми встретился сержант Варл, к тому моменту уже были в глубине улья.

Дальнобойные снаряды — по две тысячи килограммов каждый, запущенные с подвижных артиллерийских установок, поставленных на спешно собранные в полях рельсы, — со свистом и воем падали в Коммерции и торговых окраинах. Магазины плевались витринами, дорогие балдахины занимались столбами пламени, горячими, как сердце звезды. Ударные

волны стинали все остальное, а в
рокритовых мостовых выбивались
широоченные кратеры. Некоторые
достигали пятисот метров в диаметре.
Сотни тысяч беженцев все еще пытались
покинуть район. Большинство погибло в
пожарах, многих поубивали снаряды и
осколки.

Обстрел и бомбардировка теперь
переключились на Главный хребет. В
сотне мест агамантиева шкура
городского пика трескалась и осыпалась.
Огонь пронесся по девяти, если не больше,
уровням. Дом Номферэнти, на уровне 68,
получил прямой удар зажигательной
ракеты, и целая благородная династия
сгорела заживо. Они умерли, сходя с ума
от нестерпимой боли, в окружении
пылающих, словно раскаленная печь,
роскошных гобеленов, дорогой мебели и
портьер великолепного зала. Сам лорд
Номферэнти, объятый пламенем с ног до
головы, пробежал, крича, сто шагов, а
затем упал с балкона в банкетном зале.
Его горящее тело, оставляя пламенный
след, словно комета, пролетев полторы

тысячи метров, впечаталось в крышу здания в центральном районе.

Генерал Ксанс с потрепанным авангардом в семьсот севзгруппских солдат прорывался сквозь шквальный огонь к западу от врат Кроу, когда прицельный огонь обрушился на его грузовики и БМН «Химеры». Машина за машиной цепочка взрывалась, осыпая улицы металлическими обломками, горящими боеприпасами и дождем горючего. Севзгруппские солдаты бросались из своих БМН в разные стороны и погибали в следующих взрывах, куда бы ни повернули. Грузовик Ксанса перевернулся, отброшенный взрывом к краю дороги. На несколько секунд генерал отключился, а пришел в себя в куче покореженных металлических обломков и окровавленных останков людей из своего штаба. В воздухе висело плотное темное тучево, в котором он опознал морось из капель крови.

Он попытался пошевелиться, но боль скрутила его. Промежуточный вал рулевого управления торчал из его живота, к тому же он был наполовину

погребен под частями разорванных тел.

Харкая кровью, он отогвинул кусок чьей-то ноги, лежавшей поперек его груди. Потом отпихнул обрубок торса, на котором все еще виднелся аксельбант Севгрупп. За торсом последовала отсеченная рука.

Он устоял на нее. Это была его рука.

Снаряды падали вокруг, освещая кровавое месиво вспышками столь яркими, что они буквально выжигали его зрительный нерв. Они не издавали звуков — по крайней мере, для него. Его барабанные перепонки лопнули в момент первоначального взрыва. Ослепший и оглохший, он мог лишь ощущать кровавое побоище, сотрясающее землю и хлещущее по нему ударными волнами.

Из своего отделения Ксанс умер одним из последних. Воя в бессильной ярости, он истек кровью, прежде чем очередной снаряд распылил его.

В Штабе готов вице-маршал Анко утолк, сорвав приказами голос до хриплого

шепота. Он навалился на огромный схемный стол, а его подчиненные поспешили прочь, шокированные и беспомощные.

Схемный стол больше не имел смысла. Руны и знаки мигали, неспособные удержать за развитием осады, колеблясь и выдавая противоречивые данные перенапряженными кодификаторами. Вскоре он показывал лишь мигающие значки эмблем готов.

Анко поднялся и попытался отбросить бесполезного стола. Он отряхнул свою белую форму, подтянул пряжку ремня под нависающим над ней брюхом и вытащил автоматический пистолет.

Он восемь раз прострелил стол за непослушание, потом стенил обойму и застрелил двух агентов, пытавшихся убежать от него. Он пробовал кричать, но из глотки вырывался лишь слабый хрип.

Он подбежал к краю верхнего яруса и стал беспорядочно обстреливать нижний ярус, убив или ранив еще пятерых офицеров штаба и взорвав координатор. Офицер УКВГ Лангана и двое сервиторов

попытались скрутить его. Анко вышиб Лангане левый глаз и всагил остаток обоймы в рот одного из сервиторов, взорвав тому голову.

Анко отшвырнул оставшегося сервитора и поднялся на ноги. Он повернулся лицом к огромному смотровому окну, шаря по карманам в поисках еще одной обоймы, а персонал Штаба в панике бежал из здания.

Он хорошо разглядел ракету, ему казалось даже, что он мог разглядеть рисунок вокруг ее рыла, хотя и понимал, что это невозможно, — с учетом скорости, с которой она продвигалась.

Он слышал даже пение выхлопных клапанов и щелей между пластинами обшивки.

Ракета ворвалась в Штаб готов через огромное окно, втолкнув бурю свинцового стекла своей сверхзвуковой ударной волной, прежде чем взрыться в дальнюю стену и взорваться.

Шквал осколков стекла срезал внушительную массу плоти вице-маршала. Анко с его костей за миллисекунду до того,

как взрыв уничтожил Штаб готов.

К востоку от Коммерции пушечный выстрел сотряс огромную Базилику Экклезиархии.

Двухтысячелетнее здание -- которое вынесло Колониальные войны, Колониальное восстание, борьбу за власть Нийгестро и Гавунды и бесчисленные мятежи и беспорядки -- разлетелось, как стекло. Крышу снесли множественные взрывы, и миллионы черепичных осколков засыпали все на километр вокруг.

Каменные двухметровые стены залило огнем, взорвав контрфорсы и расшвыряв их по сторонам. Драгоценные реликвии, почти ровесницы Империи, сгорели вместе с духовенством. Улицы снаружи омывали реки расплавленного свинца с крыши и окон. Многие агенты Имперского культа, граждане и духовенство, которые пережили первый удар, бросались в погребальный костер на месте Базилики, сломленные в своей вере.

На воротах Кроу генерал Нэш пытался

перестроить остатки своей части и
направить их к северу, к пробое в
Онтаби, хотя свирепые зойканские атаки
продолжали наседавать на ворота.

Штаб готов пропал со связи, и
никакого скоординированного отпора не
было. Нэш подсчитал, что с ним 1500
Роанских Диггеров и 3500 вервунцев. Он
ожидая подкрепления от Севзрунн и
Ксанса, но тошнотворное чувство
подсказывало, что они не придут. Напор
врага ошеломлял.

Нэш был в пехоте с тех пор, как
поступил в Гвардию, он видел самую
худшую армейскую работу, которая всегда
достается пехоте. В первые часы Великой
Осады его руководство и лидерство были
непревзойденными в улье Вербун. Он
организовал плотное сопротивление вокруг
ворот Кроу, дал отпор захватчикам, а
затем отправил две трети своих сил
контрмаршем к северу, на ворота Онтаби,
к главной брешии, которая едва держалась.

Роанские Диггеры, никогда не
входившие в элиту Имперской Гвардии,
показали себя с лучшей стороны той ночью

на восточных краях Куртины. Они встретили зойканскую пехоту, ломающуюся в улей, сперва прицельным обстрелом, а затем свирепейшей рукопашной схваткой.

Диггеры, несмотря на гурную славу ленивых и легкомысленных, задержали прорыв на Онтаби на два с половиной часа. Тысяча роанцев — поддерживаемых вдохновленными остатками Вербунского Главного — уничтожили почти 4500 зойканских солдат и почти сотню единиц бронетехники.

Нэш погиб в развалинах трупобезаголого до рассвета, простреленный девятнадцать раз, после того как зойканцы наконец пробили последнюю линию окопной обороны и ворвались в улей. Отступая, выжившие роанцы и вербунцы продолжали оборонять город, улицу за улицей, дом за домом.

На воротах Сонгара зойканские штурмовики воздвигли лестницы и осадные башни, чтобы перебраться через Стену. Маршал Кроу потерял счет солдат в охранных доспехах, которых убил, к моменту, когда громадная машина

стерти, похожая по форме на исполинского
богомла, с грохотом выскочила из ночи и
цепилась могучими лапами за башни
врат Сондара, буквально отрывая их.
Гигантские лапы богомла сцепились, и
между ними протянулись мосты, по
которым зойканские войска добрались до
Стены.

Кроу упал, когда гигантские лапы
разнесли ворота.

Он был еще жив, лежа в осыпавшемся
щебне, когда наступающие зойканцы вошли
в ворота, добивая штыками всех
выживших, каких находили.

Маршал Кроу погиб — сломленный,
покрытый пылью и практически
неузнаваемый после ранений — с
зойканским штыком в сердце.

Глава четырнадцатая КАК ПОГУБАЮТ ИМНЕРЦЫ

Трону верны и неубиенны!

Боевой клич
Вольнописных
Аристократов

--- Довольно! --- прорычал Гаунт.
Пальба, сотрясавшая военный суд,
постепенно стихла. Воздух наполнился
страгом лазера, пороха и крови. Трупы
убавэгэшников валялись на полу и
обломках деревянных скамей. И огин или
гва убитых Аристократа.

Пять-шесть выживших укавэгэшников (некоторые — раненные) были загнаны в угол, и Жильбер со своими людьми на адреналине уже готовы были их расстрелять.

--- Прекратить огонь! --- равкнул

Гаунт, встав перед Жильбером, который, свирепо сверкая глазами, не собирался опускать дымящийся хеллган. ---

Прекратить огонь, я сказал! Мы пришли, чтобы прервать неправотерный трибунал. Не будем как они, обойдется без самосуда!

--- Ты можешь легализировать это! Ты же комиссар! --- прорычал Жильбер, и его поддержали другие Аристократы.

--- В свое время --- но не сейчас. Вы найдите кандалы. Свяжите ублюдков и заприте в камерах.

--- Делай, как он сказал, Жильбер! --- велел Штурм, подходя и пряча пистолет в кобур. Солдаты-Аристократы вывели арестованных из комнаты.

Гаунт оглянулся. Патер сидел на полу, прислонясь к стене, и Бвелт обмахивал инфопланишетом его бледное лицо. Даур освобождал нарты.

В комнате был разгром. Элитные войска Штурма положили более двух третей присутствовавших убавэгэшиников за какие-то две минуты, но это стоило и троих Аристократов. Тарриан был мертв, его глотка зияла, словно пробоина в

корпусе корабля.

Гаунт подошел к Каулу. Комиссара усадили на одну из скамей, где он и сидел, склонив голову и зажимая левой рукой хелл-ожог на правом плече.

— Это конец для тебя, Каул. Ты прекрасно знал, каким вопиющим нарушением закона был этот суд. Я лично прослежу, чтобы твоя карьера закончилась. Публичный позор... Народного Героя.

Каул медленно поднял голову и посмотрел в потемневшие глаза Гаунта. Он ничего не сказал — ему было нечего сказать.

Гаунт отвернулся от беспокойных карих глаз. Он помнил ранние недели кампании на Бальгауте. Служа под началом Слайго, он тогда впервые столкнулся с Каулом и его исключительной злобностью и коварством. Гаунту тогда подумалось, что он воплощал все худшие стороны Комиссариата. После одного особенно беспощадного обвинения, когда Каул распорядился запороть человека до смерти

за неправильную кокарду на головном уборе, Гаунт воспользовался своим влиянием на военейстера, чтобы Каула перевели на юго-западный континент, подальше от главного фронта. Это стало началом заката карьеры Каула — как сейчас внезапно осознал Гаунт, заката, который и привел его к назначению в улей Вербун. Гаунт не мог остановиться. Он повернулся.

— А ведь у тебя был здесь шанс, Ний. Шанс поступить хорошо. У тебя есть воля, которая нужна комиссару, но нет... самоконтроля. Ты был слишком увлечен, наслаждаясь властью и престижем должности старшего имперского комиссара над армиями Бергхаста.

— Не надо, — прошептал Каул. — Не надо читать мне лекции. Не надо обращаться по имени, как будто ты грузья. Ты боишься меня, потому что у меня есть сила, которой тебе не хватает. Так же было на Бальгауте, когда ты был комнатной собачонкой Слайдо. Ты решил, что я смогу превзойти тебя, и поэтому воспользовался положением, чтобы меня

отправили на периферию.

Гаунт изумленно открыл рот. С огнорезом он не мог найти слов.

— Ты так думаешь? Что я добился твоего перевода, чтобы продвинуть собственную карьеру?

— Я это знаю, — Каул медленно поднялся на ноги, вытирая окровавленную щеку.

— На самом деле я почти рад, что для меня все кончено. Я могу отправиться в ад, мешаясь осознанием того, что ты проиграешь здесь. Улей не выживет на этот раз, не тебе и Штурму его спасти. Кишка тонка.

— Не то что у тебя? — растеялся Гаунт.

— Я привел бы этот улей к победе. Это вопрос отваги, железной воли, решимости действовать, когда это неудобно для тебя, но служит большим победат.

— Я очень рад, что у истории не будет шанса опровергнуть твои слова, Каул. Сдавай оружие и снимай погоны.

Каул стоял, не шевелясь, с минуту, а

потом швырнул пистолет и погону на пол.
Гаунт смотрел на них мгновение, а затем
развернулся и пошел прочь.

--- Оцените обстановку наверху, ---
спросил он Штурма. --- Вы говорили, что
улей осажден.

--- Штурм по всем фронтам.
Выглядело паршиво, Гаунт, --- Штурм
избегал смотреть в глаза танитскому
комиссару. --- Маршал Кроу приказал
полное развертывание всех сил на оборону.

--- Сэр?

Гаунт и Штурм оглянулись.
Капитан Даур стоял рядом, и его лицо
было пугающе бледно. Он протянул
инфопланшет.

--- Я использовал тюремный
кодификатор, чтобы пробиться к Штабу
готов. Я подумал, что вы захотите
сводок, и...

Его голос сорвался.

Гаунт взял планшет и посмотрел,
большим пальцем нажимая руну-курсор,
чтобы проматывать высвечиваемые
данные. Он с трудом верил увиденному.
Информация устарела уже на полчаса.

Щит пал. Мощная осада и обстрел обрушились на улей. Зойканцы были уже внутри Күртины.

Гаунт посмотрел на Гризмунда и его нартчан, разминающих затекшие конечности и пьющих воду из одной фляжки. Он пришел сюда ради восстановления справедливости в личном деле, а за его спиной ад объял улей Вербун.

Он уже почти сомневался, что ил есть чем заняться там, на поверхности.

Под слаженным командованием майора Роуна и полковника Кордея танитцы и вольпонцы, удерживающие ворота Вейвейр, непоколебимо отражали ошеломляюще мощный зойканский натиск под непрерывающимся обстрелом. Наступление зойканской пехоты не знало отливов, так что пустырь за воротами мгновенно оказался на сотни метров окрест завален вражескими трупами. Вдоль укреплений на вершине Террикона стрелки Маколла и Ормоновы терриконовцы с неусыпной бдительностью защищали склоны.

Маколл воксировал Роуну, когда
начали истощаться боеприпасы. Оба уже
направляли запросы на срочное пополнение
в Штаб готов, но линия не отвечала, и ни
одному из них не нравился вид огромных
пожаров над сердцем улья у них в тылу.

Ларкин, расположившийся в дымоходе
вместе с Мак-Веннером и Домором, лично
убил тридцать девять человек. Это был
его рекорд, но радоваться не хватало
времени. Чем больше он убивал, тем ярче в
его скачущих тысячах вспыхивало
воспоминание о лице зойканца.

На выжженной позиции у Брагга
закончились гранаты для его
гранатомета, и он бросил его. Все равно
перегревался. Его автоган заклинило после
нескольких выстрелов, так что он
сдвинулся по окопу, наклонив могучий торс
ниже бруствера, так как лазерный огонь не
ослабевал, а потом нашел стаббер на
станке, вокруг лежали убитые солдаты
расчета.

Уже потянувшись за латунный спуск
могучего оружия, он увидел, как Фейзор
пошатнулся и упал рядом. Лаззаряд попал

ему в шею.

Лесн, полевой медик в окне, подполз к Фейгору, бросив застреленного вольпонца, которому уже не нужен был врач.

--- Как он? --- крикнул Брагг.

Лесн боролся с брыкающимся Фейгором, затягивая влажную повязку вокруг обожженной и оплавленной плоти на его шее и пытаясь продуть дыхательные пути.

--- Трахея оплавляється! Фес! Подержи его!

Брагг дал напоследок огню или две очереди, выскочил из стабберного окна и бросился к Фейгору и худощавому медику. Понадобилась вся его колоссальная мощь, чтобы удерживать Фейгора, пока Лесн работал. Лазвыстрел прижег рану, так что крови практически не было, но жар расплавил гортань и дыхательное горло в хрящевой узел, и Фейгор задохнулся.

Его глаза побелели от боли и страха, зубы стучали, рот бормотал беззвучные проклятья.

--- Фес! --- Лесн с отвращением отшвырнул маленький скальпель с

пластиковой рукояткой и вытащил
глинный серебряный танитский кинжал.
Он вонзил его в горло Фейгору пониже
почерневшей массы раны и проделал
отверстие в горле, в которое вставил
трахеотомическую дренажную трубку.

Фейгор снова смог дышать, шумно,
булькающей трубкой.

Лесн крикнул что-то Браггу, но его
заглушил снаряд, упавший рядом.

--- Что?

--- Его надо унести!

Брагг подхватил Фейгора на руки и
побежал с этой ношей через окопы.

Танитские части, державшие
Вейвейр две ночи назад, вышли со сборного
пункта на юг, как только отказал Щит.
Корбек повел их всех, включая взвод
сержанта Баффелса.

Не имея приказов от Штаба готов,
Корбек решил повернуть на запад, в то
время как полковник Балвер из Севзгруппы
пойдет на восток, надеясь подкрепить
позиции Вейвейра и Кроу.

В тесных заводских анклавах за

некогда величественным Вейвейрским вокзалом отряды Корбека наткнулись на встречный обстрел с запада. Корбек с ужасом понял, что, пока Вейвейр, возможно, еще держится, враг прорвался через поверженные ворота Сонгара. Он как можно скорее организовал сопротивление в здании под названием Агрокультурный завод гильдии Гитран и пытался улучшить свою ситуацию Роуну или Коргею.

Коргей в итоге ответил. Корбеку понадобилось некоторое время, чтобы убедить его, что вражеские силы, уже пробившиеся внутрь улья, грозили окружить крепкую Вейвейрскую оборону.

Каждый выбрал по окну, кашляя от пыли, вытряхнутой бомбардировкой из старых досок.

Майло увидел, как лазаряды пробивают фиброкартонные стены здания, и услышал хрюкающие вздохи огнететей. Неприятель был буквально за стенкой.

Под руководством Баффелса они открыли огонь из окон. Было невозможно

разглядесть, куда попадают выстрелы. Филэйн и Токар оба радостно закричали, когда им показалось, что они сбили пару зойканцев.

Рыс, находящийся недалеко от Майло, перестал стрелять и обмяк, словно от усталости.

Майло оглянулся и позвал его, но увидел у того бескровное отверстие от лазерного заряда во лбу.

Упавший снаряд взорвал склад неподалеку и сотряс здание.

В микробусине раздался голос полковника Корбека, спокойный и строгий.

— Ну вот, ребята. Делайте, что должно, или погибайте здесь.

Майло загрузил свежую батарею и присоединился к своему взводу, палящему из окон.

Более трех сотен танитцев все еще находились в резерве в импровизированном лагере на хитзаводе, когда пал Щит и началась резня. Сержант Брей, старший офицер, немедленно привел всех в боевую готовность и воксировал Штабу готов за

инструкциями.

Штаб готов погиб. Брей обнаружил, что не может связаться с Корбеком, Роуном или Гаунтом — и вообще ни с кем из начальства. Все работающие вокс-линии были заняты бестолковой путаницей или коварным вещанием противника.

Брей принял ответственное решение, серьезнейшее в его карьере. Он вывел всех танитцев под своим командованием из палаток и велел окопаться на каменных пустырях, оставшихся еще с первых дней войны.

Это было тонкое, благоразумное решение. Гаунт тщательно обучал тактике, а Брей внимательно слушал. Движение вперед к воротам Сонгара и площади Маршалов в трех километрах к югу было бы безрассудством, чтобы не сказать слабоумием. Остаться на месте означало запретить себя в обширном складском секторе, который нельзя укрепить и защищать.

Каменные пустоши были как раз для

Призраков. Здесь они могли окопаться, укрывшись, и создать обороноспособный фронт.

Словно в оправдание решения Брежневского штаба артиллерийский обстрел сбавил темп. Через двадцать минут после отбития танков. Переговы отряды зойканских иштурмовиков вошли на пустырь через полчаса и легли под обстрелом хорошо защищенных Призраков. В последующие часы люди Брежневского штаба обстреляли и отбили наступление в общей сложности двух тысяч охранных солдат, а затем начали фортировать линию сопротивления, блокирующую зойканское продвижение от Сондарских врат.

Тогда подтянулись зойканские танки, грохоча по разгромленным улицам, притыкаясь к площади Маршалов. Это были легкие, быстрые машины, разработанные для поддержки пехоты, охранные, в панцирях, с пушками на основном корпусе, стреляющими парами мелкокалиберных снарядов. Брейворт благополучно забрал все гранатометы и реактивные гранаты со складов, и его

люди начали охоту за танками среди беспорядочных груд камней на пустыре, оставляя лазвинтовки в окнах, чтобы можно было носить гранатометы, целиться и стрелять реактивными гранатами. За три часа ожесточенного сражения они уничтожили два десятка машин. Дороги, ответвляющиеся от магистралей, горели, заваленные тушами уничтоженных танков, к моменту, когда более тяжелая бронетехника — массивные основные боевые танки и сверхтяжелые самоходные орудия — с грохотом подкатили к хитзаводскому району.

Каффран обхватил руками противотанковый гранатомет и выпустил реактивную гранату, которая, как он мог бы поклясться, попала аккурат в толстое жерло орудия приближающегося осадного танка, сорвав ему последовавшим взрывом башню. Пыль и обломки полетели на него, и он бросился к следующей стрелковой ячейке в сопровождении рядового Тригга, бегущего рядом с гранатами на поясе.

Каффран слышал, как неподалеку

Брей выкрикивает приказы.

Он скользнул в канализационную трубу и зашлепал по щиколотку в грязи. Тригг что-то кричал, но Каффран не особенно вслушивался.

Пошел дождь. Лишенные Щита, внутренние трубы оказались подливнем. Пустошь превратилась в трясины маслянистой грязи за пятнадцать минут. Каффран добрался до развалин домов и выскидывал хорошую точку для стрельбы. Вста метрах от него танитские гранатометы рывкали и плевались реактивными гранатами в надвигающуюся с лязгом зойканскую армаду. Каждые несколько мгновений раздавался тяжелый удар и очередной выпущенный танками снаряд пролетал у них над головами.

Каффран насквозь проток. Дождь сократил видимость до тридцати метров. Он взобрался на обугленное кресло и подтянулся до верхнего окна, откуда было видно чуть лучше.

--- Подкинь мне парочку «живчиков», --- позвал он Тригга.

Тригг взвизгнул, как ошпаренный кот.

и упал по частям, разрезанный вдоль пояса. Охряные штурмовики ворвались в развалины под Каффраном, яростно обстреливая все вокруг. Выстрел задел пояс с гранатами на Тригге, и взрыв вытолкнул Каффрана из здания и швырнул на щебенку снаружи.

Каффран карабкался вверх, когда с трех сторон на него бросились зойканцы. Вытащив танитский кинжал, он вонзил его ближайшему в стотровую цель шлем. Следующего сбил с ног ударом гранатомета, который использовал как дубину.

Еще один зойканец выстрелил в него и промазал.

Каффран откатился, выстрелив из гранатомета. Граната попала зойканцу в живот, пронесла двадцать метров по воздуху и разорвала на куски.

Раздался щелчок лазвыстрела, и зойканец, которого Каффран не заметил раньше, упал у него за спиной.

Он оглянулся.

Держа лазерный пистолет, который Каффран подарил ей, Тона Крийг выползла

из укрытия и, быстро оглянувшись, убил
еще одного гвута выстрелами.

Каффран схватил ее за руку, и они
побежали в близлежащие трющобы, пока
десятки штурмовиков приближались,
обстреливая все на своем пути.

В тени трющобных руин Каффран
взглянул на нее --- два одинаково
перемазанных сажей лица.

--- Каффран, --- представился он.

--- Крийд, --- ответила она.

Зойканцы окружали здание,
обстреливая полуразрушенные стены.

--- Приятно познакомиться, --- сказал
он.

Лифты успели довезти их до уровня
Суб-6, прежде чем в Нижнем хребте
отключилась энергия и кабины, взвизгнув,
затерли. Сажа и пыль просочились внутрь
и порхали по гүлкой шахте над ними.

Они на животах выползли из лифтов,
чья решетчатые двери застыли, не
добравшись до очередного этажа, и
оказались в слабо освещенном коридоре
между водонапорными цехами.

Гаунт и Бвелт вытащили Патера из кабинки лифта на пол. Старик еле дышал и отказывался идти дальше.

Жильбер и его солдаты принесли по коридору с ружьями наготове. Двух стерег Каула, а Штурм пытался закурить сигару. Гризмунд и его офицеры, напряженные и бдительные, обстреливались, держа наготове полные ружья, которые забрали у убитых убавээшников.

--- Где ты? --- спросил Гаунт Бвелта.

--- Уровень Сүб-б. Подульевая часть.

Гаунт кивнул.

--- Нам нужно на лестницу.

Из влажного коридора донесся крик одного из ребят Жильбера, сообщавшего, что он нашел лестницу.

--- Оставайся с ним и заведи его, когда он сможет двигаться, --- сказал Гаунт Бвелту, указав на еле дышащего Патера.

Он подошел к Гризмунду.

--- Как только выберется наверх, нужно, чтобы ты вернулся к своим.

Гризмунд кивнул.

--- Я постараюсь. А когда доберусь до

них -- какую частоту будем использовать?

-- Десять-девять-ноль-затма, --

ответил Гаунт. Это была старая гирканская частота. -- Я пойду в Главный хребет и попробую восстановить Щит. Используй этот канал для связи. Коговая фраза «Дядюшка Дерций».

-- «Дядюшка Дерций»?

-- Просто запомни, ладно?

Гризмунд снова кивнул.

-- Конечно. И я не забуду ваших усилий сегодня, полковник-комиссар.

-- Ну так выберись и докажи, что я не зря все это затеял, -- прорычал Гаунт. -- Мне нужна вся мощь нармянской бронетанковой, чтобы удержать этот город.

Генерал Гризмунд и его люди поспешили вверх по ступеням.

-- Похоже, ты командуешь, Гаунт, -- язвительно заметил Штурм.

Гаунт обернулся.

-- В отсутствие других командиров...

С физиономии Штурма сползли улыбка и руганец.

-- Я все еще старший офицер

Циперской Гвардии здесь, Цбрат Гаунт.
Цли ты забыл?

--- Так давно я не слышал от вас приказов, Ночес Штурм, что, по-видимому, --- да, я забыл.

Двое мужчин стояли лицом к лицу в низком заплесневелом подземном коридоре. Гаунт на сей раз не собирался отступать.

--- У нас нет выбора, дорогой комиссар-полковник: полное тактическое отступление. Улей Вербун потерян. Такое случается. К этому пора привыкнуть.

--- Может, ты привык. Может, у тебя больше опыта в бегстве, чем у меня.

--- Ах ты, грязная скотина! --- проскрежетал Жильбер, бросаясь вперед.

Гаунт ударил его в лицо, опрокинув на пол.

--- Поднимайся и привыкай ко мне, Жильбер. Перед нами очень тяжелая задача, и мне нужны лучшие, кого может представить Вольпон.

Вольпонские солдаты собирались вокруг них, и даже Патер поднялся на ноги, чтобы лучше видеть.

--- Цит нужно включить. Это

первоочередная задача. Нам нужно
добраться до вершины Хребта и
выполнить ее. Прекратите драться со
мной здесь и сейчас. У нас впереди еще
будет возможность погратся.

Гаунт погал руку Жильберу.
Огромный Аристократ колебался, а
затем принял руку, позволяя поднять себя.

Гаунт поставил Жильбера на ноги
прямо перед собой, нос к носу.

--- Ну так идем --- посмотрим, что ты
за солдат, полковник, --- сказал
Аристократ.

Они добрались по сумрачной лестнице
до уровня Низ-2, когда обнаружили
несколько грузовых лифтов, снабженных
генераторами. Могучий Хребет
содрогался вокруг них, обстреливаемый
снарядами.

Набившись в лифт, вольноопытные
проверяли оружие под наблюдением
Жильбера. Штурм молча стоял в стороне.
Гаунт подошел к Дауру и его
заключенному.

--- Бан?

--- Сэр?

--- Мне нужны схемы Главного хребта.

Все, что достанешь.

Бан Даур кивнул и начал искать сведения на инфопланишете.

--- Сальвадор Сондар полностью контролирует механизм Щита, --- внезапно произнес Каул. --- Он пребывает на уровне Верх-700. Его дворец охраняется по разряду «обсидиан».

Гаунт изумленно воззрился на Каула.

--- На мгновение мне показалось, что ты пытаешься нам помочь, Ний.

Каул сплюнул на пол.

--- Мне не слишком хочется утирать, Убрат. Я знаю улей. Знаю, как он работает. Я был бы бесчувственным ублюдком, каким ты меня и считаешь, если бы не предложил свои знания.

--- Продолжай, --- сказал Гаунт осторожно.

--- Сальвадор Сондар был на грани помешательства, насколько я знаю. Он отшельник, предпочитающий проводить время в питательной цистерне в своих апартаментах. Однако он обладает

абсолютным контролем над ульевыми защитными механизмами. Управление вживлено в его мозг. Если ты натереваешься вернуть Щит, то тебе придется иметь дело с самим верховным лордом.

Лифт накренился, когда ударная волна прокатилась по Хребту. Гаунт выглянул из лифта и увидел мерцание опустевших залов, потом один какой-то уровень, забитый кричащими рабочими, бьющимися в решетки лифта. Они проехали мимо обугленных уровней, мимо залов, заполненных обжаренными согнувшимися скелетами, которые навсегда вцепились в решетки.

Один уровень горел, и им пришлось отклоняться от языков пламени.

Даур передал Гаунту пластину с планом Главного хребта.

«Еще четыре сотни уровней, — думал Гаунт, наблюдая за огоньками на индикаторе лифта, — и нам с верховным лордом придется побеседовать».

Лорд Часс и трое его

телохранителей добрались до уровня Верх-700 и прошли сквозь обесточенные двери.

Стоило им показаться, раздался выстрелы, и один телохранитель упал на месте.

Часс выхватил свой пистолет и выстрелил, а его спутники, обнажив ручные пушки, обстреляли высланный ковровыми дорожками атриум с трапезными стенами.

Лаззаряд попал лорду Чассу в левое колено, и он упал лицом на ковер. Боль была невыносимой, но он молчал. Телохранители бросились к нему, и обоих скосила волна лазерного огня.

Из раненой ноги сочилась кровь. Лорд Часс знал, что умрет очень скоро.

Он пополз вперед, сантиметр за сантиметром, заливая кровью бесценный ковер. Он не видел, кто стрелял по нему. Атриум был выполнен из зеленого трапезного и украшен стягами дома Сондар. Световые шары висели на цепях. В дальнем конце атриума широкая арка вела сквозь приютный зал и капеллу Сондаров прямо в личные покои.

Он спрятался за каменной статуей и зарядил новую обойму в свой маленький пистолет. Он подумал о том, что можно было бы попробовать добраться до лазпистолетов погибших телохранителей, но они лежали на простреливаемом пространстве, которое невидимые защитники Сонгара не прекращали поливать бесперебойным огнем.

Затем обстрел прекратился. Три тарионетки из плоти показались в арке: девушка в лантии, обнаженный юноша, покрытый золотой краской, и что-то полуразложившееся и настолько скрюченное, что уже мало походило на человека. Все истерично тряслось, глаза пустые, лазвинтовки приоткрыты к рукам. Они неуклюже спустились в атриум, покачиваясь на трубках питания и проводах, тянувшихся из розеток на потолке. Хотя их глаза не двигались, они как будто почували его. Часс знал, что они ориентировались по системам отслеживания тепла и движения, встроенным в стены дворца. Они снова

открыли огонь, кроша лататор, и попали Чассу в ступню и голень той же ноги. Он выстрелил лишь раз, и тяжелый заряд снес голову юноше. Но тот продолжал приближаться и стрелять.

Внезапная автоганная очередь прогремела в атриуме и разорвала всех тарионеток на куски, оставив лишь несколько ошметков плоти болтаться на проводах.

Четверо зашли в зал. Часс опознал по багровым жилетам личных телохранителей Кроу. Их возглавлял Усак. Он склонился над лордом Чассом, а его спутники двинулись дальше, чтобы обезопасить арку. Усак поклонился, выражая почтение вельможе, затем потянулся к индивидуальному пакету, висящему на его ремнях.

— Вас направил маршал?

— Мне приказано сделать все, чтобы активировать Щит, милорд. Что включает подавление верховного лорда Сондара и его сил.

«В кои-то веки мы с Кроу действуем заодно», — подумал Часс. Он не ощущал

боли, пока Усак обрабатывал его раны. Ему было холодно, и все виделось словно издалека.

--- Помоги мне подняться, --- сказал он телохранителю. --- Вам понадобится генотпечаток кого-то из знати, чтобы активировать систему Щита.

Усак кивнул и подхватил лорда Часса под мышки с такой легкостью, словно тот был не тяжелее ребенка.

Где-то впереди за аркой снова раздалась выстрелы.

В колоннаде за атриумом --- глиняной деревянной аркаде колонн и встроенных балконов, крытой витражным стеклом, --- люди Усака столкнулись с новыми тарионетками из плоти. Некоторые показывались на балконах, другие неслись напролом по аркаде. Стражников гоня Кроу зажали возле прохода.

Лорд Часс, тяжело опираясь на Усака, учуял запах, пряный душок, ужаливший ноздри, более сладкий и неуловимый, чем пороховая вонь после выстрелов.

--- Что это за запах? --- прошептал он, больше обращаясь к самому себе.

--- Хаос, --- сказал Убрат Гаунт.

Часс и Усак оглянулись, повернувшись спиной к арке, за которой прятались, и увидели Гаунта, с молчаливой целеустремленностью ведущего элитную группу Аристократов. Даур, Каул и Штурт шли в конце, а Жильбер --- рядом с комиссаром. Все --- с оружием, готовым к бою.

--- Похоже, у нас одна задача, --- сухо сказал Гаунт. Он подал знак Жильберу, и вольонцы отправили троих из семи солдат прикрывать дальний край арки. Через мгновение они ворвались в перестрелку всей мощью своих хеллганов.

--- *Sic semper tyrannis*,^[2] --- прошептал Часс и улыбнулся Гаунту. --- Я знал, что вы послужите улью Вербун с истинной отвагой.

Его голос был слаб. Гаунт взглянул на раненую ногу лорда. Усак наложил жгут высоко на бедре, но мантия уже была насквозь пропитана кровью.

Гаунт встретился взглядом с Усакотом. Они оба увидели, что Часса не спасти.

И Часс тоже знал это.

--- Я хотел бы увидеть нашу победу, прежде чем отойти в мир иной, комиссар-полковник.

Гаунт кивнул. Он крикнул вольноцам:

--- Хватит терять время! Захватываем комнаты, живо!

Жильбер оглянулся и с хищной ухмылкой похлопал по ракетной установке, взгроможденной на плечо.

--- Разрешение?

--- Выдано! --- сказал Гаунт. --- Скажи своим укрыться! --- велел он Усакү, и телохранитель передал команду по микробусине.

Жильбер и один из его солдат выкрикивали вольнонский боевой клич во всю мощь легких, выпуская из подствольников гранаты за гранатой по коридору. Пусковые механизмы хлопали и щелкали, выплевывая гранаты.

Взрыв, целая серия взрывов, прогрохотавших один за другим, опрокидывали колонны и вышибли витражную крышу. Обломки и сажа

полетели в арку.

Не успел еще развеяться дым, как вольноопытцы с криками и стрельбой ворвались в комнату. Что бы он ни думал о них раньше, Гаунт не мог не отгадать Аристократам должное. Это были отлично подготовленные, беспощадно эффективные ударные войска. Он видел, чего они стоят, на Монтасе. Теперь они снова это подтверждали.

С болт-пистолетом и мечом наголо Гаунт ринулся по колоннаде следом за ними, нагоняемый Усакот во главе стражников Кроу, а Даур и Штурм помогли Чассу. Каул просто плелся следом.

Комната была разгромлена. Забытые или лишенные поддержки сервиторы валялись среди деревянного мусора. Огни тармонетка, стоявшая на еще не обрушенном балконе, болталась над их головами, как висельник.

Аристократы пронеслись по боковым залам, перестреливаясь с полуживыми защитниками.

— Куда? — спросил Гаунт Часса, но

раненный пребывал в полубессознательном состоянии.

--- Приемный зал --- вперед и налево, --- ответил Усак.

--- Что ты имел в виду, когда говорил, что пахнет Хаосом? --- спросил Часс, внезапно прыгая в себя.

--- Скверна, покорившая Зойку, здесь. Она пробралась в дом Сондара, пронизывая все здесь. Скорее всего, поэтому безумный ублюдок и отключил Щит. Каул сказал, что Сондар непосредственно подключен к защитным системам улья. Готов побиться об заклад, что так она добралась до него --- через аппаратуру, заражая, словно болезнь.

--- То есть системы улья тоже окисвернены?

--- Нет... Ложь проникала в сознание Сондара напрямую. К тому же он и так был не в себе.

Он посмотрел вверх и увидел большие двустворчатые двери в комнату.

--- За мной! --- крикнул Гаунт, и его цепной меч зажужжал, предвещая смерть врагам. Вольпонская группа выстроилась

следом и перешла на бег, чтобы поспевать за ним.

Гаунт вломился в двери и влетел прямо в очередную группу сервиторов в вестибюле. Его цепной меч взрезал проводы и плоть. Он раскрошил нескольких смертоносных слуг, а затем Жильбер со своими добил оставшихся.

Приемная была просторной и мягко освещенной. Муслиновые драпировки на стенах колыхались, обдуваемые вентилятором. В дальнем углу комнаты стояла большая железная цистерна — ее корпус покрывала патина от медных украшений — глядящая вперед одним злобешего вида иллюминатором.

— Я тебя вижу. Что ты такое? — спросил электронный голос, раздававшийся отовсюду.

Гаунт подошел к цистерне сознания.

— Я представитель имперской власти в этом мире.

— Я здесь власть, — сказал голос. — Я Верховный лорд улья Вербун. А ты ничто. Я вижу тебя, ты ничто. Прочь.

— Сальвадор Сонгар — если ты еще

отзываешься на это имя — твоей власти
конец. Во имя Бога-Императора всего
Человечества и ради продолжения
процветания этой планеты я приказываю
тебе сдаться на милость Имперской
Гвардии.

--- Сдаться?

--- Выполняй. Тебе не понравится
альтернатива.

--- Тебе нечем грозить мне. Нечем
искушать. Наследник Асфогель пообещал
мне весь этот мир. Щебет сказал мне
так.

--- Асфогель — исчадие варна, а его
обещания пусты. Я даю тебе последний
шанс одуматься.

--- А я даю тебе это.

Из дверей, скрытых туслиновыми
грапировками, появился сервитор.
Зловещее увлечение Сонгара его
изгибами из плоти было печально
известно среди благородных готов, и все
эти годы они прилагали немало усилий,
чтобы сдерживать его хирургические
прихоти и разведение клонов.

Существо было еще хуже, чем все это.

хуже даже, чем извращенные создания
сумасшедшего инженера плоти. В нем
чувствовалось безумие варна
восемнадцать сотен килограммов
покрытого шрамами мяса и хрящей,
больше, чем гирканский антледон, живая
электронила из частей человеческого
тела, сплавленных в тушу дикого степного
түра. Вокруг него сплетались и вились
конечности --- некоторые человеческие,
цепляющиеся руками, некоторые звериные,
некоторые --- мокрые, блестящие
ложноножки, словно мускулистые
щупальца какого-то исполтинского
толлюска. Крупная башка лишена глаз,
зато рот был полон острых зубов, и из него
доносилось вялое чавканье и бульканье.
Огромные түрьи рога выступали из
нижней части черепа. К чүговвищу
тянулось множество кабелей, проводов и
трубочек, но, в отличие от остальных
мясных кукол, эта тварь двигалась сама,
топая и подволакивая части тела по
ковру, извиваясь и пульсируя.

Страх был ужасающим.

Жильбер и вольпонцы понялись,

пораженные. Штурм вскрикнул в ужасе, а один из телохранителей Кроу развернулся и пустился наутек.

Мясное чудовище двинулось к ним так быстро и плавно, как, казалось, не могло бы двигаться существо таких размеров. Приближаясь, оно было пронзительно, свирепо, истошно и яростно. Таунт отскочил, но был задет молотящей по воздуху ложноножкой. Слизь, там, где его коснулось существо, жгла даже через кожаный плащ.

Жильбер дважды выстрелил, выбив внизу живота твари несколько дыр. Оттуда на ковер излилась струя зловонного ихора. А в следующую минуту полковник Аристократов уже летел через всю комнату, отброшенный могучими рогами.

Пятясь в панике, остальные вольноопытные отстреливались как могли. На жирных боках существа появлялись дыры, некоторые сочились белесой жидкостью, другие извергали брызги тканей и водянистого ихора. Клонированную человеческую руку оторвало выстрелом, и

она валялась на полу, подергиваясь.

Одного кричащего вольнонца существо, подняв в воздух, бешено потоптало из стороны в сторону, а затем подбросило и пронзило его грудь одним из могучих рогов. Другого оно просто раздавило тушей, оставив за собой раскатанную мешанину крови, костей и сломанных доспехов, вдавленных в ковер. Цепкие руки и извивающиеся щупальца поймали третьего и начали раздирать его нагвое, медленно и неумолимо. Его исполненный муки вой перекрыл даже оглушительный рев мясного чудовища.

Гаунт поднялся, оглушенный, и прострелил голову агонизирующему вольнонцу, чтобы прекратить эту мучительную экзекуцию. Он стрелял снова и снова, пока обойма его болт-пистолета не опустела, а мощные выстрелы в упор отсекали ошметки сырого мяса и полупрозрачного жира. Сукровица и ихор сочились из ран.

Чудище повернулось к Гаунту, забывая. Нагнув голову, оно боднуло его, и рога, на одном из которых все еще

красовался труп вольпонского солдата, врезались в стену комнаты, кромсая керамитовую облицовку. Гаунт нырнул влево, взмахивая ценным мечом, который держал двумя руками. Урчащее лезвие взрезало такую черепу и отсекло один из рогов. Потом Гаунту снова пришлось откатываться в сторону, уворачиваясь от щелкающей зубами вонючей пасти, которая потянулась к нему, роняя слюну. Занявшись Гаунтом, мясная тварь повернулась спиной к оставшимся вольпонцам, и они снова начали обстрел, изрешетив спину твари, но, похоже, ничуть ей не навредив.

Гаунт знал, что внутри твари пульсировала гетоническая сила, жизненная энергия, дававшая ей силы сверх физических возможностей. Даже если там и был мозг или какой-то другой жизненно важный орган, как цели они были бы бесполезны. Существо не было живым ни в каком смысле. Его нельзя было убить так, как человека.

Даур тоже стрелял, как и оставшиеся стражи гота Кроу, и даже

Каул подобрал оружие погибшего вольнопонтца и присоединился к обстрелу. Часс, без сознания, безжизненно привалился к стене в углу. Штурма нигде не было видно.

Гаунт снова ударил мразь, вонзив оружие между ребер. Его ценной меч покрылся жидкостями чудовища, на нем висели обрывки тканей, и от лезвия поднимался пар в тех местах, где его разъедали ядовитые выделения.

Гаунт выругался. Делан Октар, его старый наставник, уже давным-давно покойный, подарил ему этот меч на Дарендаре, в начале его карьеры, когда он был еще зеленым новичком. Он не расставался с ним с тех пор ни на Туркане, ни на службе у Слайдо на Бальгауте, ни защищая Танит, ни после других побед его любимых Призраков. Невозможно выразить, как ранило его разрушение меча. Мразь унижала его прошлое, его воспоминания и победы.

Он вонзил утирающий клинок в плечо чудовища, исторгнув целый поток ихора с кусочками костей. Меч заклинило, он дезинтегрировался, и генератор мощности

В эфесе взорвался. Гаунта отбросило.

Тварь кинулась к нему, пытаясь цапнуть за ногу, а он, отползая на спине, лягнул зубастое рыло. Усак и двое вольнонцев ринулись вперед, обстреливая монстра, чтобы прикрыть Гаунта и отвлечь чудовище. Когда оно повернулось к ним, Гаунта кто-то оттащил в сторону. Это был Жильбер; его броню забрызгала кровь, а глаза светились яростью. Он оттащил Гаунта к зеленой громаде железной цистерны.

Жуткие челюсти поймали еще одного вольнонца, а затем разорвали его в клочья. Стены и драпировки — все было в крови.

Существо повернулось к Усаку и оторвало ему голову одним сокрушительным укусом. Его тело упало под толстые когтистые лапы.

— Пушку! — крикнул Гаунт Жильберу.

— Сам потерял! — ответил

Аристократ-полковник, чей хеллган чудовище еще раньше отшвырнуло в сторону. Он вытащил из кобуры на поясе свое мощное ручное оружие, хромированный

автозан с глинным дулом. Снаряд за
снарядом он всаживал в шею твари.

Гаунт погнул вперед, подобрал свой
болт-пистолет и перезарядил. Он убьет
эту тварь, прежде чем умереть. Призраки
Таним ему свидетели, он убьет ее.

Мясное чудовище убило одного из
последних охранников Кроу и бросилось на
Даура и Каула, роняя куски мяса изо рта и
брызгая кровью. Оба остались на месте,
демонстрируя такую отвагу, какой Гаунту
еще не случалось видеть. Непрерывным
огнем они осыпали приближающийся ужас.
Ничто не замедляло его.

Оба спешно бросились в стороны. Даур
откатился к смятому телу Часса и
отчаянно пытался перезарядиться.

Каул упал на трүн одного из
вольпонцев. Тварь рванулась к нему.

— Берегись! — заорал Гаунт. Каул,
похоже, искал что-то на поясе
Аристократа. Гаунт и Жильбер снова
открыли огонь, тщетно пытаясь свалить
зверя.

В какой-то момент Каул повернулся
и встал. Он встретил несущуюся к нему

тварь с распростертыми объятиями. В руках он сжимал пояс с гранатами. Мясное чудовище отхватило его руки по самые локти, и Каул повалился на спину, брызжа кровью из обрубков. Он не издал ни звука.

Чудовище согрознулось, ризнуло и взорвалось изнутри. Могучая туша разорвалась, разбрасывая капли пламени и осколки плоти. Вращаясь, осколок ребра, отброшенный взрывом, воткнулся в стену возле Гаунта и подрагивал, словно вонзенное копьё. Из разорванной глотки полыхнули языки пламени.

Тварь повалилась на пол, вырвав трубки питания и провода из потолка. Лужа вонючей жидкости, растекающаяся по трупу, начала прожигать ковер.

Гаунт подошел к туше, Жильбер следовал за ним по пятам.

--- Нам нужен огнемёт. Нужно сжечь эту мерзость как можно быстрее.

--- Есть, комиссар-полковник, --- отозвался Жильбер, поворачиваясь к выжившим вольноопантам.

Каул, лежащий навзничь в ширящейся луже крови, еще был жив. Гаунт стал на

колени возле него, проточив брюки кровью.

--- Говорил... что у тебя... кишка тонка, --- проговорил Каул, и голос его был еле слышен.

Гаунт не находил слов.

--- Завидую тебе...

--- Что? --- переспросил Гаунт, наклоняясь поближе.

--- Бальгаут... ты был там, с победившим военмейстером. Я завидую тебе. Я все отдал бы... чтобы разделить это...

--- Ну, ты...

--- Заткнись, Гаунт... плевать мне... что там ты хочешь сказать. Ты забрал мою честь... сокрушил меня. Надеюсь, Император... простит тебе, что ты лишил Терру такого великого лидера, как я.

Гаунт покачал головой. Он полез в карман и вытащил погоны Каула и значок с его фуражки. Бережно и почтительно он прикрепил их на место. Каул как будто видел, что делал Гаунт, хотя расширенные глаза стали пустыми, а кровь уже еле сочилась из ужасающих ран.

--- Прощайте, комиссар. Вы отдали
все.

Гаунт салютовал, так резко и так
живо, как давно уже не салютовал.

Каул едва заметно улыбнулся и умер.

Гаунт поднялся над трупом
Народного Героя и подошел к цистерне
сознания.

--- Поднимите лорда Часса. Верни
Щит, --- тихо сказал он Дауру. Даур
живнул и начал поднимать немощего
верзхастского вельможу.

Жильбер тоже подошел к цистерне.
Они взглядывались в толстое стекло
иллюминатора.

--- Придумай поскорее, чем я смогу вас
отблагодарить, --- сказал Гаунт, не глядя
на вольнонца.

--- Что?

--- Ты вытащил меня прямо из лап
этой твари. Я не хочу оставаться в долгу
перед высокородным ублюдком вроде тебя
больше, чем потребуется.

Жильбер ухмыльнулся.

--- Думаю, я недооценил тебя, Гаунт.
И не подозревал, что ты такая нагменная

скотина.

Гаунт оглянулся. Это должен быть абсолютно другой Убрам Гаунт, да и вообще другая вселенная, чтобы между ним и Жильбером могли возникнуть доверие и товарищество. Но сейчас, в пучине этого кошмара, Гаунт не мог не забывать войку за то, кем он был: преданным солдатом Бога-Императора, как и Гаунт. Не нужно было нравиться друг другу, чтобы сработаться. Было достаточно правильного понимания чести.

Гаунт наклонился, чтобы заглянуть в иллюминатор, с другой стороны Жильбер сделал то же.

Сквозь плену мутной питательной жидкости они разглядели хилое обнаженное тело, сторщенное и покоренное, колышущееся в цистерне, к его черепу подсоединялись провода и кабели, вьющиеся из крышки цистерны.

--- Будет квиты, если ты дашь мне прикончить его, --- сказал Жильбер.

--- Он твой, --- сказал Гаунт.

Жильбер ослабил, перезаряжая хеллган, который только что подобрал.

--- А как же процессуальное право? Как насчет самосуда? --- саркастично поинтересовался он.

--- Я могу легализировать это. Я же комиссар. Ты же так сказал, верно?

Жильбер кивнул и дважды выстрелил в иллюминатор. Зловонная зеленая вода хлынула через отверстия на пол. Над ней повис пар.

Жильбер наклонился, когда напор потока ослаб, и смотрел, как конвульсивно дергающееся тело верховного лорда грозит в осушаемой цистерне. Он закинул в разбитый иллюминатор гранату и отвернулся.

Глухой удар и облако пара, вырвавшееся из цистерны, ознаменовали кончину Сальвадора Сондара, верховного лорда улья Вербун.

Даур подтащил Часса к латунной панели в стене и помог ослабевшему лорду ввести соответствующие команды. Часс пробормотал Дауру коды как раз вовремя. Когда Гаунт подошел, вельтожа уже испустил дух.

Рунические знаки на панели

управления затребовали геноотпечаток благородного. Гаунт просто прижал к считывающей пластине руку Часса.

--- Sic semper tyrannis, лорд Часс, ---
прошептал Гаунт.

--- Он увидел победу, сэр? --- спросил
Даур.

--- Он увидел достаточно. А мы
посмотрим, победа это или нет.

Автоматизированные системы
запустились и зажужжали. В глубине улья
Бервун завибрировали мощные батареи.
Колонна затрещала, и те якорные
станции, которые уцелели, подняли свои
мачты.

С громким треском, яркой вспышкой и
резким запахом озона Щит восстановился.

Обрат Гаунт покинул приемный зал
дома Сонгар и вышел на террасу, с
которой открывался вид на весь улей.
Внизу сверкали пожары, тысячи пожаров, и
вспышки непрерывающегося обстрела
расчеркивали небо. Щит над головой сиял
и потрескивал.

Началась Последняя Оборона.

Глава пятнадцатая

ДЕНЬ ТРИЦАТЬ ПЯТЫЙ

Найти и уничтожить! И
запомнят нас по смертям
нашим!

Генерал	Корон
Гризлунд,	перед
началом	нармянской
контратаки	

К ночи с тридцать четвертого на
тридцать пятый день войны үлей Вербун
стоял на пороге уничтожения. И вот,
словно сведенная мышца, Имперские силы
сплотились и отступили через
внутренние трүщобы в элитные районы,
сдерживая превосходящего противника.
Подавляющее большинство зойканцев
остались снаружи, когда Цит вернулся.
Забитые үлицы, городские кварталы,

разбомбленные жилые районы и
магистралю теперь помогали
защитникам, которые возводили
укрепления и сдерживали зойканский напор.

Коргей и Роун оттянули силы от
Вейвейра к рабочим трющобам за каких-
то полчаса до того, как их окружил бы
противник, поднимающийся от Сондарских
врат. Батальоны Севзрунн и Вербунского
Главного пробивались на запад, чтобы
поддержать отступающих Роанских
Диггеров, которые все еще сражались за
каждую улицу по пути от врат Кроу и
Онтаби. Полковник Балвер фактически
принял командование на этом участке.

Пять тысяч солдат Вербунского
Главного под командованием капитана
Карджина все еще удерживали Хасский
западный форт, хотя накатывающие
волны зойканцев уже прорывали их оборону
в районе хитзаводов.

Во всех внутренних трющобах к югу
от Главного хребта имперские части
пытались замедлить вражеское
наступление. Сержант Брей направил
танкетцев на пустыри к северу от

хитквартала. Вольнонцы, Севзгруппы и
Вервунский Главный растянулись к
востоку, где оставшиеся танитцы Корбека
и Роанские Диггеры под началом майора
Релфа удерживали обширную территорию
заводов.

Сражение там было ожесточенным —
как и везде. Сельскохозяйственную гильдию
Титран атаковали с раннего утра. Взводы
Корбека израсходовали почти все
боеприпасы и остались без пищи. Они
отчаянно сражались вот уже шесть часов
без передышки. Вражеские огнететные
танки удерживали магистрали с юга на
север и не давали танитским
подразделениям получить поддержку от
лучше обеспеченных Роанских,
расположившихся всего в полукilометре
на восток. Танитцы были вынуждены
устраивать вылазки за патронами, по двое
и по трое выбегая из укрытий, чтобы
обобратить трупы зойканцев. Вновь
активированный Щит избавил их хотя бы
от артобстрела, но бронетанковые
колонны врага, уже пробравшиеся под купол
Щита, не давали спуску.

Баффелс просвистел приказ, и Майло, Нескон и Кокоэр выскочили из-за заброшенной скотобойни и потчались к горящей мельнице. Дремлонг прикрывал их плевками огнемета. Трое танитцев снарядили свои лазганы штык-ножами. У всех закончились боеприпасы, кроме Кокоэра, у которого оставалось заряда еще на несколько выстрелов.

Шестеро мертвых зойканцев лежали у задней стены мельницы. Троица налетела на них, забирая их лазбатареи. У каждого трупа нашлось по шесть-семь штык, еще были кожаные мешки с гранатами.

Майло поднял взгляд. Воздух пульсировал лазерным огнем, а земля, несмотря на то, что Щит блокировал дождь, была скользкой и вязкой. Он втащил Нескона в укрытие. Вражеский огонь прокатился по стене мельницы, выгрызая дыры в облицовке и вздымая облака кирпичной пыли.

Группа зойканских штурмовиков форсировала руины к западу от мельницы. Кокоэр зарядил свой лазган стандартного

образаца новой батареей и гважды
выстрелил, промазав, однако заставив
зойканцев броситься в укрытие.

--- Нас засекли! --- прошипел Майло в
микробусину.

--- Не высовывайтесь, --- проскрипел
голос сержанта Баффелса.

Они и не гудали. Нескон, правда,
высунул голову достаточно высоко, чтобы
в нее можно было выстрелить.

--- Ну же, Баффелс! --- нетерпеливо
добавил Майло. Они слышали хруст щебня
под ногами зойканцев в каких-то десяти
шагах от их укрытия.

--- Потерпи, --- успокаивал друга
Баффелс.

Громкие лавыстрелы раздалась на
развалинах, редкие и мощные.

--- Чисто! Вперед! --- крикнул
Баффелс.

Майло повел Нескона и Кокоэра.
Края глаза он видел зойканцев, упавших
замертво под меткими выстрелами.

Майло улыбнулся.

Троица скользнула в укрытие заводов,
под опеку керамитовых стен. Баффелс и

другие танитцы столпились вокруг них и стали распределять батареи и взрывчатку.

Майло огляделся в открытом двореке завода и увидел Ларкина, окопавшегося возле вентиляционного люка. С Террикона потянулись танитские снайперы вместе с терриконовцами. Майло не сомневался, что метко убитые зойканцы — их ружье.

Он улыбнулся Ларкину. Жилистый снайпер подмигнул в ответ.

Майло протянул батарею Баффелсу.

— В следующий раз твоя очередь, — пошутил он.

— Конечно, — отозвался Баффелс. Юмор он оценил лишь много часов спустя.

— Колм?

Корбек поднял взгляд от бойницы, за которой расположился. Его лохматая голова была покрыта сажей и копотью. Он устехнулся, увидев Маколлу.

— Ты как раз вовремя.

— Прибыли, как только смогли. Ублюдкам достался Террикон. Мы оставили его.

Корбек поднялся и хлопнул Маколл по плечу.

--- Все выбрались?

--- Ага, Домор, Ларкин, Мак-Веннер --- все здесь. Они рассредоточились вглубь ваших рядов.

--- Хорошая работа. Нам везде нужно снайперское прикрытие. Фес, грязная работенка.

Они оглянулись, услышав гневные вопли из выжженного зала. Солдаты Вербунского Главного, вооруженные длинными лазганатами, готовились присоединиться к обороне.

--- Так называемые терриконовцы, --- пояснил Маколл полковнику. --- Обязанные защищать Террикон. Нелегко было убедить их, что отступление было разумным решением. Они бы вечно эти склоны стерегли. Дело чести.

--- Мы понимаем, что такое честь, не так ли? --- скорчил гримасу Корбек.

Маколл кивнул. Он указал на предводителя терриконовцев, грузного мужчину с налитыми кровью глазами, больше всех кричавшего и матерившегося.

--- Это Вот-Ведь-Задница Ормон.
Командир терриконовцев.

Корбек подошел к огромному
верзхаститы.

--- Корбек, Танитский Первый и
Единственный.

--- Майор Ормон. Я хочу оформить
жалобу, полковник. Ваш человек, Маколл,
распорядился о нашем отступлении с
Террикона, и...

Корбек оборвал его на полуслове.

--- Мы тут сражаемся за наши фесовы
жизни, а у тебя жалоба? Заткнись.
Привыкай. Маколл верно поступил. Еще
полчаса -- и вас бы окружили и вырезали.
Вам Террикон хочется защищать? Так
поглянись! -- он указал в разбитое окно на
пустошь снаружи. -- Начинай уже думать,
как солдат, и хватит скүлить и
материться. На кону побольше, чем
гордость вашей части.

Ормон, как рыба, несколько раз закрыл
и открыл рот.

--- Я рад, что мы поняли друг друга, --
заклучил Корбек.

В северо-восточном углу улья около ста сепидесяти бойцов под командой сержанта Варла и майора Родына удерживали горящие доки. Половина танитцы, остальные — роанцы и вервунцы. Зойканские штурмовики атаковали по всей ширине Хасского восточного от автодорожного моста Туральди, и Имперские силы уже были отброшены к прометиевым складам. Несколько пущатых цистерн горючего уже полыхали, и брызги пламени разлетались от бочек и труб.

Не прекращая стрелять, Варл пересек депо и бросился в укрытие рядом с майором Родыном, приостановившись, чтобы поправить треснувшую дужку очков.

— Поддержки не видать. Я пытался воксировать. Мы сами по себе, — заметил вервунский офицер.

Варл кивнул.

— Мы справится. Чтобы сдержать их здесь, в промышленном районе, хватит и горстки наших.

— Если только к нам не двинется бронетанковая колонна.

Барл вздохнул. Эти местные законченные пессимисты.

--- Ты видел, зойканские танки были вытазаны маслом и дегтем?

--- Да, --- ответил Барл, делая еще несколько выстрелов. --- И что с того?

--- Я гутаю, так они и пробрались, так они прорвали оборону. Они прошли по трубопроводу от улья Ванник. --- Рогъин указал на исполинские нефтяные трубы, на огромных металлических подпорках тянувшиеся в улей из северных равнин. --- Трубы проходят прямо под Куртину.

--- Какого феса их не перекрыли? --- рявкнул Барл.

Рогъин пожал плечами.

--- Должны были. Мне так сказали, по крайней мере. Директива была спущена несколько недель назад, сразу после уничтожения улья Ванник. Гильдиям, владеющим нефтепроводом, было приказано взорвать трубы на дальнем берегу, а остальные залить рокритом.

--- Кто-то не сделал свою работу, --- предположил Барл. Информация его огорчила. Было, в общем-то, фесовски

поздно задать, как же именно прорвались
танки.

Развернувшееся вокруг сражение
отвлекло его от этого вопроса. Но нити
непрерывно молотили гранаты,
вылетающие из погрузочного дока на краю
двора. Варл распорядился, чтобы группа
францев и Бростин с огнеметом
обеспечили прикрытие.

Он расставил оставшихся людей
вдоль разбитой дорожки, кучи
металлического мусора, и обвалившиеся
балки иногда служили укрытием, иногда
препятствием. В шестидесяти метрах
от них взорвалась, брызнув ярким
пламенем, труба с топливом.

Логрис, Мерайн и Нен,
продвигающиеся вперед с горсткой солдат
Вервунского Главного, буквально налетели
на зойканцев в пролете под одним из
крупнейших помостов. Танкисты
бесстрашно вступили в бой со штыками
наголо, а вот вервунцы попытались
отступить, чтобы получить
пространство для стрельбы, и в итоге
нескольких зарезали.

Услышав вызовы в микробусине, Варл бросился на помощь вместе с еще несколькими танитцати и заколол первого же встреченного солдата в охранный форме своим серебряным штыком. Еще один набросился на него с осадным топориком в руках, но металлическая рука Варла снесла врагу голову.

Майор Рогъин следовал за ним, беспорядочно отстреливаясь из автомостолета. Он был бледен и задыхался. Варл понимал, что Рогъин никогда не видел подобной бойни. Скорее всего, он вообще никогда не бывал в бою до сего дня.

Три отчаянных, кровавых минут ближнего боя полностью уничтожили отряд зойканцев. Логрис и Нен заняли удобные позиции в овраге, откуда хорошо простатривалась дорога в доках.

Рогъин снял очки и попытался трясущими руками поправить наушники. Он выглядел так, словно вот-вот заплачет.

--- Вы в порядке, майор? --- спросил Варл. Он прекрасно понимал, что нет, но

подозревал, что дело было не столько в шоке от опасности, сколько в жуткой картине падения родного города. Варл очень даже искренне ему сочувствовал.

Родьин кивнул, надевая очки.

--- Чем больше убиваю, тем лучше себя чувствую.

Рядом растеялся капрал Мерайн.

--- Майор говорит прямо как сам Гаунт!

Это замечание, кажется, порадовало Родьина.

--- Куда теперь? Налево, направо? --- спросил Мерайн. Он был одет в тяжелую спецовку рабочего-заправщика вместо сгоревшей танитской формы. Его туго обтянутый кожей череп покрывала корка высохшей крови и свалявшиеся пучки обгорелых волос.

--- Фес знает, --- отозвался Варл.

--- Направо. Попробуемся пробиться вдоль реки к мосту, --- уверенно проговорил Родьин.

Варл ничего не сказал. Он предпочел бы оставаться на месте или даже отступить и перестроиться. Худшее, что

они могли сделать, так это переоценить свои силы, но Родъин был целеустремленным. Варлу не нравилось подчиняться майору, пусть он и был старшим по званию. Но Уиллард погиб --- Варл видел, как падало со Стены его горящее тело, --- и теперь у него не было полномочной поддержки.

Поэтому они двинулись на восток, пробиваясь через обстрел в доках и отвоевывая улей Вербун метр за метром.

Генерал Гризмунд спустился по ступенькам к выходу из Главного хребта, поправляя фуражку и силовой меч. Ветер носил по каменной террасе Коммерции ключья сажу, облепляя выстроенные здесь нармянские танки: сто двадцать семь основных боевых танков типа «Леман Русс», двадцать семь «Разрушителей» и сорок два легких танка поддержки. Ревели двигатели, заполняя воздух голубоватым дымом и грохотом.

Бригадир Начин салютовал генералу.

--- Рад, что вы снова с нами, сэр, --- сказал он.

Гризмунг кивнул. Он и его офицеры, вырванные Гаунтом из лап УКВГ, буквально рвались в бой.

Гризмунг собрал офицеров и активировал гололитический дисплей пластины данных. Трехмерная световая карта Коммерции и близлежащих районов открылась в забитом сажей воздухе. Гризмунг начал объяснять своим командующим их задачи, порядок развертывания, предполагаемые цели.

Вокс и пикт-гроны транслировали его голос нармянским солдатам. Инструктаж разросся в целую речь, воодушевляющую декларацию мощи и победы. По окончании танкисты, более тысячи человек, долго одобрительно кричали.

Гризмунг прошелся вдоль рядов рычащих танков и ловко вскарабкался на свой флагманский, «Милость Трона», углубленную вариацию «Русса» с калибром главного орудия в сто десять сантиметров. Как и все нармянские машины, он был выкрашен в горчичный цвет и украшен имперской аквилой и

шипастым кулаком --- нармянской
эмблемой.

Это было словно возвращение домой.
Гризмунд спустился в главный люк, уселся
в командирское кресло и подсоединил
болтающийся провод от наушников к вокс-
передатчику.

Он потянул за ручку, захлопнул люк и
в нижнем секторе танка увидел ухмылки
водителя, стрелка и помощника.

--- Устроим им пекло, --- сказал
Гризмунд команде и одновременно --- через
вокс --- всем своим людям.

Нармянские танковые части
загрохотали через Коммерцию навстречу
войне.

Штаб готов превратился в
оплавленные руины, заполненные
обгорелыми обломками и трупами. Взрыв,
снесший его, вышиб также перекрытия и
три нижних уровня Главного хребта.
Гаунт минуты две осматривал разруху,
стоя в развороченном дверном проеме.

Обойдя окрестности, Гаунт назначил
бантистерий Министорула на уровне

Средний-36 новым штабом. Под
пристотром Даура рабочие команды
расчистили скамьи и столы и занесли
кодификаторы и вокс-системы,
экспроприированные в разных домах на
этом уровне. Гаунт собственноручно
водрузил лист бронеобшивки на богато
и украшенную купель в качестве
столешицы. На нем он стал
раскладывать свои пластины данных и
распечатки.

Экклезиарх Непорочный и его братья
наблюдали за имперскими солдатами,
наводнившими их баннистерий. Это было
одно из немногих уцелевших в улье
святилищ. Когда появился Гаунт, они пели
панихиду по Базилике.

Имтакүлюс подошел к
импровизированному столу Гаунта.

--- Полагаю, вы сейчас скажете мне,
что это святоотечество, --- сказал Гаунт.

Старик носил глинное пурпурное
облачение. Он устало покачал головой.

--- Вы сражаетесь за дело Империи,
сын мой. Значит, вы поклоняетесь
Императору искреннее, чем сотня

полющихся. Если наш бантистерий
послужит вашим целям --- добро
пожаловать.

Гаунт почтительно склонил голову и
поблагодарил экклезиарха.

--- Омойте эту войну кровью,
комиссар-полковник, --- сказал Непорочный.

Клирик был сама
благожелательность, и Гаунт хотел
показать, насколько ценит это.

--- Я был бы благодарен, если бы вы и
ваши братья провели здесь ночную службу,
чтобы уберечь это место от осквернения.

Непорочный кивнул и повел своих
братьев к алтарю, и вскоре оттуда
донеслись песнопения.

Гаунт просматривал пластины
данных, оценивая размах разрушений. Он
делал пометки на бутажной сводке по
улью.

Даур принес ему свежайшие отчеты.
Ксанс погиб. И Нэш. Штурм испарился.
Пока Гаунт просматривал список
погибших, майор Отте из вервунцев,
адъютант лорда-маршала, прибыл в
бантистерий. Он был ранен и контужен.

один из немногих, кому удалось спастись
на сокрушенных Сондарских вратах.

Он салютовал Гаунту.

--- Маршал Кроу убит, --- просто
сказал он.

Гаунт вздохнул.

--- Как старший по званию офицер
Вербунского Главного, я передаю
командование вам как старшему по званию
Имперскому командиру.

Гаунт поднялся и торжественно
салютовал в ответ. То, чего он и ожидал с
того самого момента, как возглавил осаду
логова Сондара, теперь подтверждалось: он
был единственным старшим Имперским
офицером, выжившим в улье Вербун, так
что абсолютная воинская власть
принадлежала теперь ему. Все старшие
командиры, как местные, так и
иномирские, либо погибли, либо пропали
без вести. Только Гризмунд занимал более
высокий пост, но бронетанковые силы
всегда подчинены командованию пехотных
войск.

Отте протянул Гаунту меч Кроу
силовой меч Церонито Сондара.

--- Я не могу принять...

--- Вы должны. Кто бы ни возглавлял
улей Вербун на войне, ему должен
принадлежать меч Церонито. Это
традиция, обычай, который мы не можем
нарушить.

Гаунт принял меч, позволив Отте
торжественно застегнуть перевязь.

Интендант Бейнфейл из
Администратума, окруженный процессией
сервиторов и клерков, вошел в
бантистерий, когда Отте проводил
церемонию. Он тряхнул головой Гаунту и без
вопросов принял его руководство.

--- Мое министерство в вашем
распоряжении, командир. Я мобилизовал
трудовые команды, чтобы они тушили
пожары и расчищали дороги. Мы...
шошломлены происходящим. Большая
часть населения пытается бежать за реку,
все военные части запрашивают
боеприпасы и продовольствие, главный...

Гаунт поднял руку.

--- Я не сомневаюсь, что
Администратум предоставит все
необходимое, если оно есть. Полагаю,

астронавты поддерживали связь с магистром войны?

--- Разумеется.

--- Я не буду просить Макаромта о помощи, но хочу, чтобы он ясно представлял ситуацию здесь. Если он сочтет ее достойной своего внимания, он поможет нам.

Зазвучали трубы, жалкая имитация помпезности, и мастер-законодатель Анофий скользнул в бантистерий в сопровождении свиты: глинная процессия детей-рабов, сервиторов и стражников, некоторые несли знамена. Стяги и мантии были украшены рунатами, а кое-где запачканы, у рабов влажно сияли перепуганные глаза. Представители гильдий и благородных домов толпились позади процессии законодателя, крича и препираясь.

Гаунт повернулся к Бейнфейлу.

--- Вы можете прямо сейчас помочь мне, если не допустите до меня этих достойных госпог. Выслушайте их претензии и запишите их. Я просмотрю позднее, если представится возможность.

--- Бүгет сделано, --- сказал
Бейнфейл. --- Да поможет вам в эти часы
Император Человечества.

Когда люди Администра́та под
руководством Бейнфейла занялись толпой
озлобленных вельмож, Гаунт вернулся к
просмотру данных с фронта. Первая вокс-
линия была только что установлена, и
Даур принес ему динамик.

Гаунт выбрал канал.

--- Командование улья Вербун ---
Гризмунду. Сигнал «Дядюшка Дерций».

--- «Дядюшка Дерций» принято, ---
проскрипел приемник.

--- Мне нужно, чтобы вы остановили
продвижение противника через врата Кроу
и Онтаби. Насколько я понял, основное
механизированное наступление ведется
оттуда.

--- Слушаюсь. Но от Сондарских врат
также идут танковые дивизионы.

--- Принял. Я разберусь с этим. Да
направит вас Бог-Император, генерал.

--- И да хранит Он вас, комиссар-
полковник.

Изменив настройки канала, Гаунт

связался с командиром Севзгруппских танков, растерянно колесящих к югу от Колмерции. Он направил их к Сондарским вратам. Затем начал поочередно связываться со всеми разрозненными отрывками пехоты и Гвардии.

Он пробился и к Корбеку в Сельскохозяйственную гильдию Гитран.

— Фес, комиссар! Я думал, вы погибли!

— А я думал то же о тебе, Колм. Как ты?

— Херовее некуда. Мы еле держимся, а они все сыплют. Мне б не помешала поддержка бронетанковых.

— Они уже направляются к вам, пока ты говорит. Колм, нужно больше, чем держаться, — их нужно отбросить. Щит будет работать на нас, только если мы сможем выкинуть их из-под него.

— А ты не слишком много требуешь, а?

— В самый раз.

— Ты мне за это персональную планету будешь должен, ты понимаешь?

— Я тебе ее уже должен, Корбек.

Мысли шире.

Сервитор принес Гаунту новые данные от перезагруженных кодификаторов, установленных в бантистерии. Гаунт просмотрел их, и доклад Варла приковал его взгляд.

--- Даур?

--- Сэр!

--- Мне нужен список гильдий, контролирующих топливные поставки, и от каждого из этих уродов -- заверенное подтверждение того, что они перекрыли трубы.

--- Так точно, сэр.

Гаунт провел следующие десять минут, воксиря тактические инструкции десяткам разрозненных отрядов по всему улью. Он не смог связаться с Варлом -- да и вообще ни с одной частью к северу от Главного хребта. Пока он работал, сервиторы и работники находили и отмечали на гололитической карте города конкретные пункты его диспозиции, присоединяя к ней все данные, которые получали с полей.

Какое-то время Гаунт возился с

настройками вокса, рыская по частотам, чтобы вычислить частоты, захваченные зойканцами. Он все еще надеялся, что удастся перехватить и контролировать зойканские передачи, чтобы проникнуть в тактические планы их командования. Но тщетно. Зойканские каналы кишели передачами, но все — на неразборчивом щебете, который не поддавался переводу даже лингво-когитаторами, сплошной бесстысленный поток мерзкого механического шума, не содержащего никаких секретов. Или шум, или скандируемые повторения имени Наследника на частотах пропаганды. Гаунт достаточно долго боролся с Хаосом, чтобы не просить ученых или астронавтов попытаться расшифровать щебет. Он не мог позволить скверне развратить ни одного сознания в улье Вербун.

Шум в гверях отвлек Гаунта от работы. Отряд солдат Вербунского Главного вел генерала Штурма в бантистерий.

— Мы поймали его, когда он пытался присоединиться к группе беженцев.

погружающихся на лодку, сэр, --- сообщил командир группы.

Гаунт смерил Штурма взглядом.

--- Дезертирство? --- мягко спросил он.

Штурм поправил фуражку, пощетинившись.

--- Здесь старший по званию --- я, Гаунт! Не ты! Улей Вербун потерян! Я подал сигнал к отступлению и эвакуации! Я мог бы всех вас расстрелять за неподчинение!

--- Ты... дал сигнал к эвакуации? А почему же тогда все имперские силы и планетарные войска продолжают сражаться? Даже твои собственные вольпонцы? Ты, должно быть, подал сигнал очень тихо.

--- Не смей говорить со мной в таком тоне, ты, сраный выскочка! --- проквекнул Штурм. В комнате повисло гробовое молчание, и все взгляды устремились на них. --- Я старший генерал Вольпонского Королевского! Я старший уполномоченный офицер в улье Вербун! Ты подчинишься мне! Ты будешь меня уважать!

--- Что тут уважать? --- Гаунт

обошел Штурма, с любопытством
оглянувшись на лица наблюдавших. Никто
почему-то и не думал бросаться на
защиту генерала. -- Ты бежал с
Сондарских врат. Ты бежал из Главного
хребта к реке. Ты предал весь улей Вербун.

-- Я старший офицер!

Грубым рывком Гаунт сорвал погоны с
кителя Штурма.

-- Уже нет. Ты позорище. Трус и
убийца. Ты прекрасно знаешь, что это
твои распоряжения погубили пять сотен
твоих танитцев на Вольтеманде. Ты убил
их потому, что они справились с тем, чего
не смогли твои Аристократы, -- Гаунт
смотрел прямо в глаза Штурму, а тот
часто мигал. -- Не возьму в толк, как ты
вообще пробился в генералы.

Штурм, похоже, скис.

-- Оружие... -- слабо сказал он.

-- Что?

Штурм поднял горящий взгляд.

-- Дай мне гребаное оружие, коммиссар-
полковник! Меня не будет отчитывать
безродное дерьмо вроде тебя! Или казнить!
Дай мне оружие и дай, ради всего святого,

упокоить себя собственноручно!

Гаунт пожал плечами. Он вытащил свой болт-пистолет из кобуры и протянул, рукояткой вперед, генералу.

--- Последнее желание исполнено. Офицеры готовы засвидетельствовать, что генерал Штурм вызвался самостоятельно привести свой приговор в исполнение. --- Он снова посмотрел на Штурма. --- Ты никогда не нравился мне, Ночес. Совсем. Дай мне право попинать тебя хорошо. Давай без глупостей.

Штурм взял протянутый пистолет.

--- Офицеры также засвидетельствуют, --- прошипел Штурм, --- что Убрам Гаунт отказался сигнализировать эвакуацию. Он обрек всех вас на смерть в огне. Будь рад избежать вашей участи.

Он зарядил оружие и поднес ко рту.

Гаунт повернулся спиной.

Пауза.

--- Гаунт! --- закричал капитан Даур.

Гаунт крутнулся, держа силовой меч наготове, уже светящийся. Он отсек запястье Штурма раньше, чем

больнонский генерал успел выстрелить из
болт-пистолета, нацеленного в голову
Гаунту.

Штурм повалился набок на плиты
баннистерия, вереща, а кровь хлестала из
отрубка руки. Отрубленная кисть
непроизвольно нажала на спуск, и болт-
пистолет выстрелил и вышиб дыру в
узорчатых алтарных воротах за спиной
Гаунта.

Гаунт с минуту глядел на
корчащегося генерала. Затем шагнул,
забрав болт-пистолет из отрубленной
руки.

--- Уберите его с глаз моих, --- велел он
ожидаящим солдатам, небрежномахнув
на Штурма. --- Не хочу больше видеть
этого вероломного ублюдка.

К полудню судьбоносного тридцать
пятого дня все возможные действия по
координации сопротивления были
выполнены. Гаунт из нового командного
штаба связался и дал распоряжения по
тактическому развертыванию почти
всех доступных военных в улье.

Его работа, целеустремленность и
эффективность потрясли и выживших
офицеров Администра́ты, и персонал
кабинета стратегического планирования
Вервунского Главного
Экстраординарность была еще и в том,
что Гаунт руководил работой
практически единолично. После
инцидента со Штурмом он работал с
целеустремленной остротой.
Позднее, когда стала очевидна стройность
его плана, он смог передать разработку
деталей стратегам, но основа плана
обороны была разработана лично им.

Бан Даур вышел из бантистерия
вскоре после полудня, чтобы проветрить
голову и раздобыть воды. С минуте он
стоял под почерневшей аркой в конце
коридора, в пустые оконные рамы наблюдая
сражение, бурлящее на запруженных улицах
улья.

Капитан Петро, один из стратегов,
вышел из бантистерия и стал рядом с
Дауром — старый друг по академии.

— Он пугает... — протолвил Петро.

— Гаунт?

Петро кивнул.

--- Его ум, его собранность... он как кодификатор. Сама напористость, сама целеустремленность.

Даур глотнул воды.

--- Как Слайдо, --- сказал он.

Петро настешило приподнял бровь.

--- Помнишь, мы изучали карьеру военмейстера? Краеугольным камнем всегда было единство стремлений Слайдо --- он смотрел на арену и планировал все в голове, держал в уме всю картину целиком. Это был военный гений. Я думаю, что мы сейчас наблюдаем такой же.

--- Он ведь служил у Слайдо, верно?

--- Да. Его досье говорит само за себя.

--- Но в пехоте, --- нахмурился Петро. ---

Полномочия Гаунта никогда не простирались на полномасштабное командование всей битвой, не в таком размахе.

--- Думаю, ему просто до сих пор не представлялось шанса показать себя в этом --- комиссар, командующий войсками, всегда выполняет распоряжения старших по званию. У него не было возможности.

подобной этой. И потом... ему сейчас есть что доказывать.

--- Какого феса ты имеешь в виду, Бан?

--- Высшее руководство истреблено. Или, как Штурм, опозорено. Судьба и его собственные действия поставили Таунта во главе --- и, я думаю, он захочет сделать все, чтобы доказать, что оказался на своем месте.

На перекрестке фг/567, в самом сердце восточных трющоб, пехота Балвера была близка к поражению. У них не осталось противотанковых гранат, и зойканские танки клином вошли во врата Кроу, превращая гектары жилых кварталов в пустыри.

Балвер и его Севзгруппская армия продвигались к югу от перекрестка, разбираясь с зойканскими солдатами в прокритовом лабиринте, который когда-то был жилым кварталом. Танковые снаряды свистели над ними, вышибая куски стен и дороги, вздымая столбы щебня и пыли.

Внутри станции фуникулера, среди

резных трапаторных колонн и старинных бронзовых скамеек, они вступили в ближний бой с фалангой зойканцев. Все новые и новые солдаты прибывали через турникеты или взбирались через развороченные остатки поезда, сделавшие последнюю остановку на станции. Повсюду лежали погибшие штатские.

Балвер возглавлял атаку, ломая могучим силовым когтем броню и отстреливаясь из автомата. Вокруг него падали замертво бесчисленные солдаты. Лаззаряд задел его плечо, и его отбросило.

Когда он поднялся, что-то изменилось. На станцию выдвинулась новая боевая сила и врезалась в зойканцев с фланга. Это не были Севзгруппы, Вербунский Главный или даже Гвардия. Это были рабочие, местные, вооруженные подобранным оружием, кирками — всем, что нашли. Балвер узнал в них одну из многочисленных очистных групп, неофициально собранных из добровольцев рабочих, чтобы поддержать оборону. Он уже неоднократно слышал о рабочих, которые выскакивали из развалин и

помогали Гвардейцам, но — так много
хорошо организованных людей... Их ярость
поражала.

Ожесточенное сражение продлилось
около восьми минут. За это время взвод
Балвера и рабочие убили на станции всех
до единого зойканцев.

Раздались радостные крики и свист,
и солдаты Севгрупп обнимали вервунцев,
словно новообращенных братьев.

Невысокий плотный рабочий с одним
глазом, перемазанный грязью и кровью,
прохромал к Балверу и салютовал.

— Кто вы? — спросил Балвер.

— Сорик, командующий Литейной
Нерегулярной, сэр!

Балвер не удержался от улыбки. У
главаря рабочих к куртке были пришиты
генеральские погоны, сделанные из
бутылочных крышек.

— Благодарю Императора, что
послал вас, генерал Сорик.

Сорик утолк и застенчиво покосился
на свои знаки отличия.

— Простите, сэр. Просто шутка,
чтобы повеселить своих. Я просто

начальник производства...

--- Который сражается, как магистр войны. Сколько вас?

--- Сомен семь, сэр, --- рабочие, трущобные, да кто угодно. Мы пытались помочь улью с самого начала, а когда напал Щит --- все, кто не сбежал, сражаются.

--- Вы пристыдили нас.

Сорик нахмурился.

--- Если уж ты не защитишь собственный гребаный улей, сэр, то я даже и не знаю, кто защитит.

Инструкции требовали, чтобы командование всех частей информировало Штаб в Хребте о масштабах и расположении всех встреченных групп, чтобы их можно было снабдить кодом и вписать в структуру обороны. Балвер подозревал воксиста и продикировал информацию о Сориновой Нерезулярной. Он посмотрел на Сорика.

--- Нужно скоординироваться, генерал. Хвала Императору за таких, как вы, но мы сможем победить, только если военные силы и гражданские ополчения будут

работать как одно целое. Собирайте своих
и передавайте информацию. Ополченцы
должны пытаться выйти на связь с
Имперскими силами, чтобы брать вас в
расчет. У вас тоже придется выполнять
приказы.

Сорик кивнул и погрозил своим
«офицеров», чтобы ввести в курс дела.

--- Боюсь, впрочем, вы не можете быть
генералом, --- сказал Балвер. Сорик уже и
так снимал импровизированные погоны.

--- Вы получаете временное
внеочередное звание, Сорик. Повышение в
обстоятельствах чрезвычайного
положения. Вы теперь сержант,
подполковник. Назначьте капралов на
каждых два десятка и установите
иерархию подчинения. Вам их назначать,
вы их лучше знаете.

Сорик снова кивнул, не находя слов от
гордости.

Взрывы прогремели по всей станции,
швырнув некоторых наземь. Один из
свободных бойцов Сорика закричал:

--- Вражьи танки! Танки!

Балвер и Сорик прокрались к

восточному входу, чтобы посмотреть. Могучие штурмовые танки, с глиняными корпусами, тяжело вооруженные, катились к станции и окрестным трущобам. Другие, в том числе подвижные легкие танки и приземистые, сверхтяжелые огнеметные самоходки, в обход продвигались к магистралям, ведущим в Коммерцию, к Колонне Щита.

— У нас есть карьерная взрывчатка, сэр, — сообщил Сорик, на всякий случай снова салютуя. — Мы подобрали ее на складах за плавильнями.

— Статичные заряды, без средств метания... против танков?

— Ну, мы так до сих пор и справлялись, сэр: человек берет связку зарядов, бежит с ней, привязывает к корпусу танка...

— Самоубийство!

Сорик нахмурился.

— Долг, сэр. А что прикажете делать?

— И сколько танков вы убрали таким способом?

— Двадцать четыре, кажется.

— Сколько людей это стоило вам?

Сорик пожал плечами.

— Двадцати четырех, разумеется.

Балвер вытер рот тыльной стороной перчатки. Невероятно. Преданность. Целеустремленность. Самопожертвование. Рабочие улья Вербун, построившие этот улей собственным потом, теперь выкупали его своей кровью. Это был показательный урок верности и преданности, которыми не зазорно было восхищаться даже лучшими из Имперской Гвардии.

Танки уже приближались, грохоча по станции, выбивая куски стен. По вокзалу заметались вспышки пламени.

— Трон Златой! — выдохнул Сорик, указывая пальцем.

Горчичного цвета танки во весь опор тчались по щебенке с запада, некоторые шли напролом, сваливая стены. Они обстреливали противника исключительно метко, поддерживая такую плотность обстрела, что зойканская бронетехника, разворачивающаяся ил навстречу, не могла наладить ответный прицельный огонь.

Ни Балвер, ни Сорик еще никогда не видели танковых войск подобной мощи, ни один из них еще не сталкивался с имперским танковым дивизионом класса мармьянского. Они благоговейно разинули рты, отовсюду доносились крики восторга.

Гризмунд назвал это операцией «Дерций». Он отправил разведывательные части и «Часовых» вперед, к вратам Кроу, а сам собрал свой танковый дивизион у Коммерции. «Часовые» не могли задержать продвижение зойканской бронеколонны, но могли оценить их силы и направление движения. Гризмунд сверил данные и повел основную колонну сначала на юг в трупщобы, а потом повернул на восток и во весь опор понесся наперерез врагу, подбываясь к нему с фланга. Гризмунд хорошо понимал силу бронированных машин, не только физическую мощь, но и психологическую составляющую. Танк вообще вещь угрожающая, а танк, движущийся быстро и стреляющий метко и непрерывно, — просто кошмар. Танковый удар был его

коронным номером, и он принимал в ряды водителей нармянских танков лишь тех, кто был способен управиться с тридцатью тоннами брони, несущимися на огромной скорости, а в ряды стрелков — лишь тех, кто мог стрелять метко, быстро и результативно.

В командном кресле «Милости Трона» Гризмунг наблюдал, как изображение на аэскре мигало и вспыхивало, отмечая раны пораженных целей. Внутри танк был небольшой комнатой, залитой красноватым светом, оглашаемой лепетанием voxа и лаконичными переговорами стрелков. Свежие снаряды в латунных гильзах клацали в затасленных ящиках, складированных над задними колесами, а загрузающий заряжал их и передавал наводчику, уставишемся в сияющий зеленый скон. Каждые несколько секунд заряжающий отскакивал от дула и главное орудие выстреливало с такой отдачей, что сотрясался весь танк, башня тут же заполнялась пороховыми газами, которые, впрочем, быстро затягивались в

зарешеченные отдушны.

Водитель Гризмунда Уоли был одним из лучших, так что они палили, не сбавляя ходу. У него был глаз-алмаз, он словно заранее знал, где катить напролом, а где объезжать, что проще раздавить, а что обогнуть. Нармяне шутили, что Уоли чувал мины за километр.

Операция «Дерций» бросила сорок тяжелых, шедших на полном ходу нармянских танков на фг/567, и они буквально вцепились в горло зойканской бронеколонны. Силы Гризмунда уничтожили или обезвредили семьдесят две вражеские машины, прежде чем те успели развернуться, и ушли в сторону, атакуя оставшихся зойканцев с фланга. К тому моменту вражеские танки метались в растерянности.

А теперь пришло время для настоящего шедевра, маневра, который Гризмунд прозвал «ножницами». Пока его танки разворачивались для фланговой атаки, еще пятьдесят под командованием бригадира Начина врезались в противника с другой стороны, оттуда, откуда начал

атаку сам Гризмунд. Это было бы элементарной ошибкой в исполнении неопытных командующих, но сейчас силы Гризмунда уже выставили вокс-маячки, чтобы различить своих и врагов, а силы Начина ил отвечали. Правило простое: все, что было между их группами и не транслировало верный код, было мишенью. Гризмунд использовал эту тактику девять раз, и еще ни один свой танк не погиб от дружественного огня.

Хорошая традиция не была нарушена и сегодня в улье Вербун. Словно челюсти исполинского зверя, нартыанские танковые группы врезались в противника навстречу друг другу, стиная и уничтожая все, что было между ними. Несущиеся танки Гризмунда и Начина протчались друг мимо друга, некоторые машины утудрялись пронестись, разминувшись на какую-то пядь.

И это было только начало. В течение тридцать пятого дня нартыанские дивизионы провели еще три ювелирно точных маневра, налетая друг на друга и медленно отсекая голову, шею и плечи

огромному зойканскому бронепотоку.

К четырем часам зойканцы потеряли почти две сотни танков и бронированных боевых машин. Нармяне потеряли две.

К сумеркам они отбросили вражескую колонну обратно в тундры, в десяти километрах от врат Кроу, и отсекли часть клина, продвигавшегося от Онтаби. Теперь, когда дороги за ними оставались расчищенными, попытки добыть продовольствие для имперских наземных сил больше не были самоубийственными. Трудовые армии Административа, грузовые гильдии и Вербунский Главный выделяли конвои и присылали свежие боеприпасы и пищу окопавшимся пехотинцам. Многие, подобно Балверу, теперь были обеспечены ракетами, минометами, гранатами — и отправились в догонку нармянскому броску, к огромным восточным воротам, уничтожая каждый зойканский танк, который выпустили Гвардейские танки.

Встав со своего места за импровизированным столом в

бантистерии, Гаунт взял из рук Петро
инфопланишет и слабо улыбнулся, прочтя
отчеты о наступлении Гризмунда. Он
чувствовал, что... оправдан. Оправдалась
его вера в генерала, его борьба за него в
тюрьме, оправдались его тактические
планы по обороне улья.

Что до Сондарских и Вейвейрских
врат — ситуация была не столь
утешительной. Севзгруппским танкистам
недоставало гениального руководства и
военного опыта нармян. Майор Клогел,
командующий Севзгруппскими частями, не
придумал ничего лучшего, чем просто
ввязаться в бой с зойканской бронеколонной,
пробивающейся с юга. Он, конечно,
остановил продвижение, удерживая их на
окраине южных заводов, и этим заслужил
одобрение Гаунта. Но сейчас яростная
танковая перестрелка затянулась на
южных окраинах, и не было никакой
возможности отбросить захватчиков за
ворота, чтобы затем запечатать их. К
северу от Вейвейра Севзгруппы теряли не
меньше танков, чем уничтожали. Гаунт
жалел, что не было еще одного Гризмунда.

который возглавил бы их, но оттягивать
нарямян от восточной контратаки он не
мог себе позволить. Приходилось
довольствоваться тем, что есть.

А то, что было, -- это разгромленный
улей, отошедший от края, за которым --
погибель, только к одиннадцати часам. Он
не побеждал, но уже и не проигрывал. На
востоке -- он выпроваживал неприятеля.
На юге и на западе -- мертвой хваткой
удерживал на месте. Еще оставалась
надежда победить и разгромить
Наследника Асфогеля и зойканских
фанатиков.

Бантистерий деловито жуждал, и
Гаунт побрел в боковую капеллу, где
стратеги организовали ему
политическую схему. Даур руководил
работой штаба. «Достойный парень, --
подумалось Гаунту, -- отважно
движущийся к тому, чтобы оставить свой
след в имперской истории».

«А можно ли так же сказать обо
мне?» -- подумал он.

Боковая капелла -- ризница,
удивительно спокойная, мягко освещенная.

особенно на фоне апокалипсиса, разворачивающегося за стенами Хребта, — словно бы обрадовалась ему. Он едва держался на ногах от усталости. Он провел целый день за столом с инфопланишетом в одной руке и рожком вокса в другой, однако это было величайшее и самое изматывающее сражение, в каком ему доводилось участвовать за всю его карьеру. Это было командование, настоящее безраздельное командование, развращающее абсолютной полнотой власти. Он вытащил из ножен недавно дарованный энерготеч и прислонил его к краю позолоченного алтаря, чтобы сесть. Сверху на него мрачно взирала огромная статуя Императора. В воздухе тихо звучала непрерывная песнь Экклезиархии.

Он не отдал почестей Императору. Слишком устал. Он уселся на скамью в крошечной капелле, снял фуражку и уткнулся лицом в руки.

Гаунт думал об Октаре, Дерции, Слайдо и отце, людях, которые вылепили его жизнь и привели его сюда, каждый по-

своему вооружив его привычками, которые он
сейчас использовал. Он тосковал по ним, по
их уверенности и силе. Октар учил его, и
Гаунт был рядом с ним, когда великий
генерал-комиссар погиб, отравленный
порочным ядом на Гилате Дециме, лет
двадцать назад. Слайдо, непревзойденный
магистр войны -- у его смертного ложа
Гаунт тоже присутствовал, на
Бальгауте, после величайшей из его побед.
Отец Гаунта погиб вдали от него, когда
Убрам был еще ребенком. И Дерций --
скверный старик Дядюшка Дерций; его
Гаунт убил.

Но каждый из них по-своему создал
его. Октар научил руководить и
поддерживать дисциплину; Дерций --
безжалостности и уверенности; Слайдо --
доблести и самоотдаче. А отец? То, что
вобрал он от отца, было сложнее всего
понять. То, что оставляет отец ребенку, --
это всегда самые необъяснимые качества.

-- Милорд командующий?

Гаунт оторвался от размышлений.
Мерити Часс, облаченная в безыскусный
черный траурный наряд, стояла перед ним

в дверях ризницы. Она держала что-то в
руках.

Гаунт поднялся.

--- Леди Часс?

--- Мне нужно с вами поговорить, ---
начала она. --- О моем отце.

Глава шестнадцатая

НАСЛЕДЬЕ

Я страшусь, но с сожалением предвижу, что когда-нибудь наш любимый племя завоеуют или приберут к рукам недостойные и неразумные властители. Вот почему это крайнее средство я доверяю тебе. Используй его с умом.

Церонито Сонгар
лорду Чассу

--- Он хранится в моей семье со времен Торговой войны, --- пояснила она надтреснутым усталым голосом.

Гаунт взял из ее рук амулет и почувствовал, что тот турлычет и тихонько шепчет что-то в его руках.

--- Это сделал Сонгар?

--- Это были его меры предосторожности на будущее. Это... в

каком-то смысле... измена.

--- Поясните еще раз. Не вижу, причём здесь измена.

Мерити Часс раздражённо посмотрела в глаза усталому Гаунту.

--- Улей Вербун управляется демократически. Верховный правитель избирается благородными гомати. В священных актах конституции написано, что абсолютную власть недопустимо передавать одному человеку, которого не могла бы сместить Легислатура, если в этом возникнет необходимость.

--- И тем не менее улей пострадал от одного человека: Сальвадора.

--- Это именно то зло, которого опасался Церонимо, командующий. Мой отец рассказывал, что после Торговой войны великий Церонимо хотел гарантировать безопасность улья в будущем. Более всего он боялся потерять контроль над властью. Боялся того, что захватчик или недостойный правитель приберёт власть в улье к рукам и не будет никого, кто сможет его свергнуть. Какой же узурпатор или тиран станет

соблюдать механизмы конституции и закона?

Гаунт начал понимать глубокую политическую дилемму, из-за которой придумали устройство, покоящееся сейчас у него на ладони.

— И это и был его аварийный выход: чрезвычайные меры, диктатура, которая будет единственным спасением, если демократия окажется поправа?

— И теперь вы понимаете, почему его необходимо было держать в секрете. Церонито знал, что, создавая это устройство, он подставлялся под обвинения в тирании и диктатуре.

Она указала на атүлет.

— Он создал его и доверил гому Часс, который считал самым гуманным и благоразумным из благородных гомов. Атүлет не может принадлежать Верховному лорду. Это мера предосторожности против тоталитарного правления.

— А если бы гом Часс стал Верховным гомом?

— Мы должны были бы доверить его

другому дому, чтобы гарантировать, что сами не злоупотребим властью.

--- А вы отгадете его мне?

--- Сейчас вы -- надежда улья Вервун, Гаунт. Как вы думаете, почему мой отец так старался понять, что вы за человек? Он должен был убедиться, что столь могущественный предмет не попадет в руки того, кто осквернит его предназначение. Он знал, что вы по своей природе не тиран, и сейчас это вижу и я. Вы солдат, отважный и преданный, не мечтающий ни о чем, кроме спасения улья.

--- Ваш отец погиб героем, Мерити Часс.

--- Я рада слышать это. Почтите же его память и бремя, лежащее на его доме, Убрам Гаунт. Не погубите его.

Гаунт изучал атлет. Это был уничтожитель системы и, судя по словам девушки, самый мощный и устрашающий из таких приборов. Во времена Церонимо дом Сондар специализировался на системах кодификаторов и разумных когитаторов, поддерживал долгие торговые отношения и даже проводил

совместные исследовательские проекты с техножрецами Agentus Механикус. Амulet был шедевром: в случае если кто-либо возьмет под личный контроль технологии улья Вербун, активация аннулирует командование и контроль систем, сотрет все данные и действующие программы, выведет из строя все до единого кодификаторы и когитаторы. Он приведет в негодность всю технику на Вербуне и позволит своему носителю очистить улей от предполагаемых захватчиков, обезоружив их.

На свой манер он был даже более мощным оружием, чем атомная бомба или Agentus Астартес. Это было абсолютное оружие, созданное для полей битвы, далеко выходящих за рамки компетенции солдатни вроде Гаунта. Это было ведение войны на высшем, решающем уровне, на световые годы опередившее грязь и лазерный огонь тех боев, в которых приходилось участвовать Гаунту.

Он знал ему цену. Однако ему это не нравилось. Подобная древняя продвинутая технология пугала не меньше, чем

колдовство псайкеров.

Он положил его на скатню рядом с собой. Амulet булькал и жуужжал, упорядоченные узоры метались по его гладкой поверхности, словно солнечный свет на водной ряби.

--- Нам он не нужен.

Мерити Часс замерла и устоялась на витражную розетку ризницы.

--- Я боялась, что вы это скажете.

Она повернулась к нему. Ее лицо было бледным, глаза потемнели от злости. Разноцветные лучи света из окна позади нее складывались в ореол вокруг ее стройной фигуры.

--- Мой отец страшился воспользоваться им. Когда, добравшись до укрытий, я обнаружила, что он спрятал его среди моих вещей, я тоже боялась. Даже отправившись искать вас, я понимала, что мы ждали слишком долго. Вы уже свергли Сальвадора, будь он проклят. Наше ужасающее положение уже не зависит от контроля.

--- Контроль у нас, --- согласился Таунт. --- Проблема теперь в физической

борьбе, в военном деле. Хотя улей Вербун и стоит на пороге гибели, это не та гибель, которой опасался Церонимо и во избежание которой создал атүлет.

Она села рядом с ним, все еще кипя от гнева.

--- Если бы только я принесла его раньше... или поморонила отца. Мы могли использовать его, чтобы свергнуть Сальвадора...

--- Слава Императору, что мы не сделали этого!

Она холодно взглянула на него.

Гаунт пожал плечами.

--- Мы обезоружили бы сами себя, обезоружили бы системы улья, лишили бы самих себя всех способов вернуть контроль над ситуацией. Уничтожитель системы --- абсолютное оружие, миледи.

--- То есть мое самокопание, болезненные усилия моего отца... Все это не имело смысла? --- У нее вырвался слабый, нервный смешок. --- Как типично! Дом Часс, такой весь охрененно интеллектуальный и интеллигентный, занят самоедством, пока улей истекает кровью и горит!

Он стянул перчатки и отложил их.

--- То, что мы не можем сейчас и
воспользоваться, не отменяет
преданности, с которой дом Часс хранил
доверенное ему наследие.

Она протянула руку и сжала его
огрубевшие пальцы.

--- А теперь что, Гаунт?

Он медленно повернулся к ней.

--- Теперь обычная война людей,
машин, лазганов и гранат. Мы сражаемся
и пытаемся вышибырнуть их. Победим ---
выживем. Проиграет --- умрет.

--- Звучит так мрачно.

--- Это все, что я могу сказать, это
простое уравнение битвы. Все не так
плохо. Оно, по крайней мере, простое. Не
требует долгих размышлений.

--- Как скоро?

--- Как скоро что?

Ее взгляд, более живой, чем когда-
либо доводилось встречать Гаунту,
теперь вперился в него.

--- Как скоро мы узнаем?

Гаунт сделал глубокий вздох, качая
головой.

— Счет идет на часы. Ну, может, день, может, два. А потом все будет кончено, завершится так или иначе.

Она притянула его к себе, крепко обхватив руками его широкую спину. Он чувствовал аромат волос и духи, слабые, почти выветрившиеся, но еще ощутимые, несмотря на запах сырости и грязи, пропитавший укрытия, в которых она побывала.

Гарнт давно забыл, каким простым утешением может быть тепло чужого тела. Он бережно держал ее, покачиваясь от усталости, а над ризницей разносилось глухое пение хора Экклезиархии. Ее губы нашли его.

Он отстранился.

— Я не думаю, что... — начал он.

— Простой солдат пристает к благородной леди? — улыбнулась она. — Когда-то это имело значение, а сейчас нет. Война сравняла нас.

Они снова поцеловались, никто не останавливался. Ненадолго их страсть стала единственным, что имело значение для них. Две людских души, сблизившиеся и

бессловесные, укрылись от апокалипсиса.

Было далеко за полночь. Брей и его танитцы после суток сдерживания танков на склонах пустыря за хитзаводами отступили к разгромленным центральным труппам, к Колонне Щита. Все усилия зойканцев на юге были, похоже, направлены на Колонну, и Брей понимал, что это сейчас главный стратегический пункт в улье. У Брея осталось около двухсот восьмидесяти человек своих, а также четыреста человек оставших вервунцев, вольпонцев, роанцев и Севзгруппских, да еще шесть сотен местных. Местные были в основном гражданскими, которые прибились к военным в поисках защиты, а Брей и его коллеги-офицеры были вынуждены руководить скорее переправой беженцев, чем тактическим отступлением.

Но некоторые ульеры сбивались в отряды ополчения, добавив таким образом сто семьдесят боеспособных людей к войскам Брея.

Более половины ополченцев

составляли женщины, и это изумляло Брея. Он никогда не видел, чтобы женщины сражались. На планете Танит война была мужским ремеслом. Но он не мог не отгадать должное их решимости. И он мог их понять. Это был их фесов дом, в конце концов.

Полевые командиры были в основном из Вербунских и Севзрунских частей, и, хотя некоторые из них были выше по званию, они полагались на его руководство. Брей подозревал, что причина в том, что Таунт стал главнокомандующим. Теперь, когда начался последний раунд, все подчинялось танитцам.

Снаряды зойканского танка просвистели над головой, и Брей спрыгнул в окоп между взорванным мясокомбинатом и зданием гильдии. В окопе сержант Цвек из Севзрун и майор Бьюнс из Вербунского Главного направляли людей вокруг мясокомбината, чтобы те атаковали наступавшего врага с фланга.

Лазерный огонь обрушился на них. Большая часть имперских стрелков отвечала из неглубоких одиночных окопов.

обстреливая ряды зойканских
штурмовиков, навсигающихся со штыками
наперевес. Минометные снаряды
отскакивали от рокитового мусора и
взрывались в воздухе, нанося большой урон
даже осколками.

Позади зойканской пехоты грохотали
танки, на многих ехали пехотинцы,
цепляясь, как обезьяны, за камуфляжную
сетку на корпусах машин.

Брей стрелял, высунув оружие из
окна. За его спиной Цвека обезглавили
осколки мины, разорвавшейся в воздухе.
Кровь обзрила телную форму Брея.

Брей потянулся к новой батарее.

--- Как их зовут? --- спросил Каффран,
перекрикивая громоподобный грохот
танков. Он нес Ёнси в одной руке, а
второй вел за руку Далина. Тона спешила
следом.

Ополченцы к западу от них
выдерживали зойканский штурм.
Атакующим приходилось бороться с
обезумевшими беженцами,
прорывающимися в северные районы.

Каффран снова крикнул. Тона Крийд
была занята и не ответила ему.

Она расстреливала из лазерного
зайканских штурмовиков, выскочивших на
улицу за ее спиной. Но она попала. Ее
некому было прикрыть.

--- Держись рядом с сестрой и
пригнись! --- крикнул Каффран Далину,
вскочив спеленатого ребенка мальчику. --- Я
вернусь за вашей мамой!

--- Она не мама. Она тетяшка Тона, ---
сказал Далин.

Каффран изумленно оглянулся, а
затем побежал, сопровождаемый
лазвспышками.

Он падал из лазгана, а потом нырнул
в воронку от снаряда, где пряталась Тона.

--- Перезарядку! --- попросила она.

Он кинул ей новую батарею.
Перезарядившись, они оба встали и
обрушили целую волну жалящих выстрелов
на улицу, запертую зайканцами. Падали
охраняемые тела.

--- Хорошо стреляешь. Они в панике,
Тона.

--- Делаю, что могу. Батарею!

Он кинул ей новую.

— Значит, не твою? Я так и думал, слишком молода.

Тона крунулась, повернувшись к нему. Она была в ярости.

— Они — все, что у меня есть! Феса с двенадцатью ты их отберешь у меня! А тем более — эти ублюдки!

Она снова вскочила и стреляла, убивая одного, другого, третьего...

Отчаянная схватка продолжалась, не ослабевая ни на одном из фронтов, до начала тридцать шестого дня. К тому моменту две трети бесчисленного гражданского населения улья набились в северо-восточные районы и доки, отчаянно пытаясь сбежать на северный берег. Но течение было слишком сильным для плоскодонок. Работая всю ночь, прерываясь лишь на дозаправку, паромы вроде «Магнификата» курсировали поперек Хасса. Более двух миллионов беженцев уже были в наружных трущобах северного берега или толкались на Северном общественном шоссе. Ночь была холодной и

влажной; раненые, контуженные и голодные
страдали от лихорадки и простуды.

В улье было еще хуже. Миллионы
людей заполнили подходы к пристани или
выстроились вдоль реки толпой, не менее
плотной, чем толпы болельщиков на
крупных играх. Между горожанами,
боровшимися за места на приближающихся
логках, случались серьезные драки. Тысячи
погибли, почти две сотни — на борту
логки, которую они перегрузили и
потопили, остервенело пробиваясь на борт.
Сотни других были затоптаны или
серьезно ранены в толпе, а некоторых
столкнуло в реку потоком тел. Те, кто не
утонул сразу, утирали медленно,
барахтаясь в ледяной воде, потому что в
доках не было места, куда можно было бы
вскарабкаться из воды. Целый пирс
затонул под весом беженцев, утянув сотни
людей на дно Хасса. Беспорядок и разброд
распространялись, словно лесной пожар.
Будто раненное обезумевшее животное,
улей Вербун кусал и царапал сам себя.

Все лодки, даже плоты, которые
удалось найти, были украдены и спущены

на воду, но заполняли их и вели обычно люди, не умеющие или управлять. Сотни других пытались переправиться, цепляясь за пластиковые бочки или другие нетонущие предметы. Хасс в ширину достигал почти трех километров, легяной, с сильным течением. Никто из пытавшихся перебраться вплавь не доплыл до середины, кроме нескольких, которых вытаскивали из воды проплывавшие на лодках.

Потоки эвакуирующихся поднимались из доков на главный мост и шли пешком. Плотность пешего движения на мосту была столь велика, что многих сталкивали вниз, и они, крича, падали в реку. Сразу пополудни зойканские снаряды стали обстреливать доки у моста Тиральди. Огни попадали в доки, другие в воду. Четыре взорвали центральную область моста, обвалив три могучих опоры и убив сотни людей. Мост больше не был пригоден для эвакуации, а те, кто пережил обстрел на южном берегу, оказались в ловушке, не имея возможности отступить в пещеры или в доки, потому что

слишком велико было скопление народа. Один за другим они падали с рваного края моста.

Вскоре после разрушения моста Фолик, подвоявший лодку обратно к докам, увидел огни и движение на северном берегу, к востоку от себя. Это зойканские механизированные бригады неслись по дальнему берегу — из трубопровода и по дороге Тиральди, чтобы перекрыть путь к эвакуации. Зойканцы прилагали все усилия, чтобы в улье не выжил никто. К заре зойканские солдаты уже атаковали беженцев на северном берегу. Все, кому якобы посчастливилось перебраться через реку, теперь были уничтожены. Наверное, около полумиллиона были вырезаны на месте. Сотни тысяч бежали, укрываясь в негостеприимных пустошах разрушенных наружных трюмб.

Пути на свободу не было. Лодки вернулись в южные доки, спасаясь от обстрела с северного берега. Они оказались в той же ловушке, что и остальные. Жуткое молчаливое понимание обрушилось на людей, когда стало ясно,

что бежать некуда. Многие утирали, оставаясь на месте, но прошли часы, прежде чем народ стал отступать в улей. Столько времени потребовалось, чтобы известие прокатилось по массам беженцев и обратило поток вспять.

Фолик сидел с Мясорубкой на палубе качающегося «Магнификата», распивая бутылку джойлика. Они решили не бежать. В побеге, похоже, не было смысла, тем паче теперь, когда они оба были в стельку пьяны. Периодический обстрел из за Хасса волнами отдавался на воде и неравномерно раскачивал паром. Часть доков горела. Фолик ожидал ракеты или минометной мины, которая взорвет их с минуты на минуту. Он отправился в рубку за еще одной бутылкой, и тут лазаряд пробил лобовое стекло и пролетел прямо над его плечом как раз в тот момент, когда он нагнулся, чтобы достать ее из рундука. Это рассмешило его. Он поплелся обратно к Мясорубке. Они решили проверить, успеют ли добыть бутылку, прежде чем добьют их самих.

Хасский западный форт был окружен и осажден неприятелем. К заре он был на грани падения. Снаряды и ракеты долотили по нему из-за Күртины, а вражеские солдаты и легкая броненосная колонна атаковали со стороны заводов внутренних трыщоб. У капитана Карджина, тяжело раненого, осталось каких-то шесть сотен бойцов из пяти тысяч, с которыми он начинал ночь. Не выжил ни один наводчик, ни один артиллерист, но это уже не имело такого значения, потому что боеприпасы фортификационных орудий на Стене закончились. Остались только солдаты Вербунского Главного и их лазганы. Сам форт был изгрызен обстрелом, заваленные обломками нижние уровни горели.

Карджин поправил шипастый шлем и прохромал к краю Стены над воротами, раздавая людям указания охрипшим от многочасового крика голосом. Рокритовые перекрытия были завалены телами. Один из его ребят, капрал Англон, окликнул его. Сквозь дым и пламя он разглядел что-то, приближающееся через наружные трыщобы.

Карджин пристотрелся. Вскочив, он увидел исполинский силуэт, выползающий из развалин пригорода в пятнадцати километрах к югу от форта. Невольно он подумал, что это еще одна машина смерти.

Но это была другая машина — больше, медлительнее. Огромная пирамидальная конструкция в пятьсот метров высотой с грубо наталеванными непотребными знаками Хаоса на бортах, выкрашенных в зойканскую охру. Она передвигалась, насколько он мог разглядеть, на десятках широких гусениц, давивших все на своем пути. След в полкилометра шириной тянулся за машиной через трющобы. Бока ее оцетинились турелями и оружейными установками, а огромные латунные вещатели на верхушке, между которыми колыхались стяги Хаоса, громогласно скандировали имя Наследника и трещали нечеловеческим щебетом.

— Что это? — прошипел Англон.

Карджин пожал плечами. Он затерз и ослаб от боли и потери крови. Каждое слово, движение, даже мысль — были

усилием, требовавшим сверхчеловеческой воли. Он потянулся к вокс-аппарату, который носил на плече с тех пор, как много часов назад был убит связист.

--- Карджин, Хасский западный, штаб в бантистерии. Код 454/гау.

--- Принят и распознан, Хасский западный.

--- У нас здесь нечто, приближается к стене. Массивная механизированная конструкция, подвижная, вооруженная. Могу лишь предположить, что она негодна, и готов побиться об заклад, что это вражеский командный центр. Я еще не видел подвижной машины таких размеров.

--- Понял вас, Хасский западный. Можете предоставить картинку?

--- Пикт-сеть накрылась, штаб. Придется верить на слово.

--- Какова ситуация, Хасский западный? Мы пытаемся отправить к вам подкрепление.

Карджин вздохнул. Он собирался сказать штабу в бантистерии, что у него осталось меньше тысячи человек, большинство ранены, боеприпасов почти не

осталось, никакой артиллерийской поддержки и море врагов вокруг. Он собирался высказать предположение, что они протянут не более часа.

Предположение было бы с погрешностью ровно в пятьдесят девять с половиной минут. Англон с криком схватил Карджина за руку, когда жуткие огни мигнули и зашипели в темных углублениях в центре обращенной к ним стороны пирамиды. Огромная зойканская машина дернулась и изрыгнула на Хасский западный обжигающие плазменные лучи режущие, вроде тех, которые рассекали врата Онтаби, только быстрее и мощнее, энергетическое оружие такой мощи, которую обычно можно увидеть лишь в столкновениях флагманов космического флота. Рев был оглушающим и рассылал ударную волну, которая чувствовалась за километр.

Хасский западный форт и врата, которые он защищал, были разрушены. Карджин, Англон и все оставшиеся защитники были уничтожены в одно ослепительное мгновение. Когда погасли

режущие лучи, ракетные установки и
орудийные платформы по всей пирамиде
открыли огонь, разрушая остатки
укреплений. Воздух наполнился озоном,
электричеством и фицелином. На
полкилометра в обе стороны Күртина
была разрушена.

Пирамидальная машина покатила
вперед, приближаясь к агонизирующему
улю и транслируя имя Наследника.

Гаунт проснулся резко, голова
кружилась. Сон снял жуткую усталость, но
каждая частичка тела саднила и
пульсировала. Ему понадобилось мгновение,
чтобы вспомнить, где он. И сколько же он
проспал?

Он вскочил на ноги. Ризница была
прохладной и тихой, пение Экклезиархии
давным-давно прекратилось.

Мерити Часс стояла рядом,
разглядывая гравюры Имперского кюльта.
На ней была его глинная шинель -- и
больше ничего. Она оглянулась на него и
улыбнулась.

-- Тебе стоит одеться. Думаю, ты

нужен там.

Гаунт нашел рубашку и сапоги и натянул их. Его губы все еще хранили ее вкус. Еще мгновение он смотрел на нее. Она была... красива. Если до сих пор у него не было причин сражаться за улей Вербун, то теперь были. Он не даст погибнуть этой девушке.

Он сел на лавке и сухо растеялся сам наг собой.

--- Что? --- спросила она.

Гаунт покачал головой. Что за мысли! Он совершил смертный грех офицера. Он позволил себе личные эмоции на войне. Гнусные насмешки Октара, отчитывающего его за привязанность к кому-либо и кому-либо, до сих пор не выветрились из памяти. За годы, что они провели в совместных военных кампаниях, Гаунт насмотрелся на женщин в слезах, которых Октар бросал, отправляясь в очередную горячую точку.

«Не принимай ничего близко к сердцу, Убрат, ничего. Если тебе на все наплевать, ты ни о чем не пожалеешь, и это облегчит самую тяжелую сторону

артейской жизни. Делай, что должен, бери, что нужно, и двигайся дальше. Никогда не оглядывайся, никогда не сожалея и никогда не вспоминай».

Гаунт застегнул рубашку. Он осознал, возможно, впервые, что пренебрег советом Октара гавным-гавно. Когда он впервые встретил танитцев, когда вывел их призраками из погребального огня их мира, он потерял безразличие. И он решил не считать это слабостью. В этом старина Октар был неправ. Забота о Призраках, об общем деле, о битве, о ком-либо — делала его тем, кто он есть. Без этой эмоциональной отдачи он сбежал бы или вышиб бы себе мозги много лет назад.

Гаунт поднялся, нашёл фуражку, перчатки и кобурку.

Он пытался вспомнить те жуткие мысли, которые разбудили его. Угеи, мечущиеся...

В ризницу влетел Даур.

— Комиссар! Сэр, мы... — Даур увидел обнажённую женщину, прикрытую лишь шинелью, и споткнулся. Он отвернулся, краснея.

--- Минутку, капитан.

Гаунт подошел к Мерити.

--- Мне пора. Когда все закончится...

--- Мы или погибнем, или снова станем благородной леги и солдатом.

--- В таком случае я благодарю Императора за эту интерлюдия равенства. До последнего своего часа, когда бы он ни наступил, я буду помнить вас.

--- Я надеюсь. И также надеюсь, что до этого часа еще далеко.

Он поцеловал ее, провел рукой по щеке и вышел следом за Дауром из ризницы, на ходу натягивая кожанку и портупею. В дверях он надел фуражку и поправил металлическую розу, подаренную лордом Чассом, «чтобы носить с честью». Она поникла на его лацкане, и он поправил ее.

--- Простите, сэр, --- сказал Даур, когда Гаунт вышел за ним в коридор.

--- Забудь, Бан. Тебе следовало разбудить меня раньше.

--- Я хотел предоставить вам столько отдыха, сколько возможно, сэр.

--- Какова ситуация?

--- Как и прежде, всего лишь

удержание. Напряженное сражение по всем фронтам. Неприятель оккупировал северный берег. Хасский западный пал несколько минут назад.

--- Проклятье! --- прорычал Гаунт. Они влетели в суету штаба в бантистерии. Ночью установили дополнительные когитаторы и вокс-установки. Более трех сотен мужчин и женщин из Вербунского Главного, Административа и гильдий сейчас работали с ними под наблюдением сервиторов. Майор Отте руководил Купелью, как прозвали штаб. Интендант Бейнфейл и элита из его людей помогли майору.

Многие салютовали, когда Гаунт вошел. Он ответил на приветствия, изучая главный гололитический экран.

--- Прямо перед своим падением Хасский западный докладывал, что видит крупную подвижную конструкцию,двигающуюся к ним. Мы практически уверены, что это их главный командный транспорт.

Гаунт нашел ответку на экране. Эта штука в самом деле была огромна и

находилась уже вблизи западной границы Стены.

--- Ког отметки... «шип»?

К ним подошел Бейнфейл. Прославленный лорд едва держался на ногах от усталости.

--- Это я виноват, комиссар. Я назвал эту дрянь охрененно огромным шипом, и слово прилипло.

--- Пойдет. Что нам известно о нем?

--- Это огромное оружие, но медлительное, --- сообщил майор Отте, подходя к Гаунту. --- Полагаю, можно считать, что оно надежно бронировано.

--- Почему вы считаете его штабной машиной?

--- Уникальная штуковина, не серийная, мы таких больше не видели, --- сказал Даур, --- а ее размеры явно говорят о ее важности.

--- Более того, --- добавил Бейнфейл, указывая на вокс-установку, обслуживаемую работницей Администратума, двутя сервиторами и пожилым астронаutom, --- щебет раздается из нее.

Гаунт посмотрел на женщину,

обслуживающую установку. Она ввела координаты, и воздух заполнился зашифрованным непрерывным рыком врага.

--- Вражеский вокс-эфир объединяет их, --- хрипло прошепелявил бледный астронавт. Гаунт старался не смотреть на него и гирлянду инфопроводов, крепящихся к его просвечивающему черепу. Астронавт поднял бионически усовершенствованную уродливую конечность и указал на руны данных, сверкающие на устройстве.

--- Мы знали, что трансляции приходили извне улья, и подозревали, что источником был Зойка. Но теперь он подвижен, и аудиосканеры подтверждают, что источник --- именно «шип».

Гаунт кивнул сам себе.

--- Асфогель.

Бейнфейл оглянулся, услышав имя.

--- Он здесь? Так близко?

--- Это соответствует записям о его поведении. Наследник любит присутствовать в моменты своего триумфа и поддерживать личный контроль над ситуацией. Он управляет

благодаря мощной харизме, интендант.
Где его легионы -- там неподалеку он сам.

-- Золотой Трон... -- пробормотал
Отте, испуганно уставившись на экран.

Гаунт заставил себя посмотреть на
астронаута. Над несчастным существом,
похожим на труп, витало зловоние варна.

-- Ваше мнение? Этот щебет
может он быть контролирующим
сигналом зойканских сил? Вызывающие
зависимость трансляции, которые
обеспечивают контроль Наследника над
фанатиками?

-- Он, несомненно, упорядочен и
обладает гипнотическими свойствами. Я
не хотел бы слушать его длительное
время. Это пульс Хаоса. Хотя мы не
можем -- не смеем -- толковать его,
движения вражеских солдат и машин, по-
видимому, соответствуют
ритмическому ритму ритмической структуре этих
флуктуаций.

Гаунт отвернулся, погрузившись в
размышления. Идея, разбудившая его,
сейчас перестраивалась в его мыслях.

-- У меня есть идея, -- сообщил он

Дауру, Отте и Бейнфейлу. — Свяжитесь с майором Роуном и сержантом Маколлом и его разведчиками.

Он сделал остальные распоряжения и затем попросил Даура принести свежие заряды для болтера.

— Куда вы? Вы нужны нам здесь, сэр! — заикаясь, воскликнул Отте.

— Я полностью доверяю вам, майор, — сказал Гаунт. Он указал на гололитический экран. — Стратегия обороны уже в процессе реализации. Вы и ваши люди более чем способны координировать общие действия. Я солдат пехоты. Воин, а не военный мастер. Пришло время мне заняться своим делом, делом, в котором я лучший. И милостью Императора я еще присоединюсь к вашей кампании.

Гаунт вытащил из кармана атлетический шар и ощутил, как тот мурлычет и шепчет в его руках. Мерцающий свет узоров на его поверхности колыхался, словно переплетающиеся вспышки Имматериума.

— В мое отсутствие Отте и Даур

принимаяют полевое командование. Если я
не вернусь, интендант, вы должны
связаться с магистром войны Макаром
и просить о помощи. Но я думаю, что до
этого не дойдет.

Амлет журчал и подрагивал.

«Может сработать, -- думал Гаунт. --
-- Бог-Император, храни нас, это может,
фес его, сработать!»

Глава семнадцатая

ОПЕРАЦИЯ

«ЦЕРОНИТО»

Я думаю, этого парня,
Гаунта, сильно переоценивают.

Генерал	Ночес
Штурм	майору
Жильберу	во время
битвы	на
Вольтеманге	

Отряд ополчения встретил их на
281/кл, чтобы проводить. Отряд состоял
из сорока человек и вел партизанскую
войну в южных наружных трюцобах еще до
того, как Шит пал. Их предводитель,
могучий мрачный шахтер по имени Гол
Коли, салютовал Гаунту, когда тот
подошел. В Гаунте каждое движение
выдавало лидера, хотя значок на фуражке
был замаскирован сажеей и определить звание

было невозможно. У него был силовой меч на поясе и болтер в кобуре под короткой черной кожаной курткой. К тому же на нем был танитский маскировочный халат, мастерски закрепленный, как научил его Колм Корбек в первые же дни существования полка Призраков.

Рев битвы разносился по разрушенным улицам позади них, но в этом районе было пусто и почти тихо. Холодный утренний свет пробивался сквозь поскрипывающий Щит. Гаунт подал своим солдатам знак присоединиться к ополченцам Гола Коли: тридцать человек, все танитцы, бледнокожие темноволосые воины в черной форме и маскахалатах, с разнообразными синими татуировками на бледной коже. Это была элита из солдат Роуна и гордость неуловимых разведчиков Маколлы. Среди них Брагг, Ларкин, Домор, Мак-Веннер, Дреммонг, Дженкс, Нескон, Кокоэр, медик Герран — лучшие из лучших.

Гаунт начал разъяснять операцию «Церонито» ожидающим взводам, когда Роун услышал шевеление в конце боковой

улучки. Призраки и ополченцы
развернулись и напряглись, приготовив
оружие, перезаряженное перед операцией.

По боковой улице к ним направлялась
группа из десяти вольноонцев,
возглавляемая полковником Жильбером.
Самые отборные из Вольноонского
Десятого: могучие, в панцирных доспехах, с
хеллганати наперевес.

Гаунт вышел на устланную щебнем
улицу и встретил Жильбера. Они
салютовали друг другу.

— Я надеюсь, вы не полезете на рожон
без Аристократов, комиссар-полковник? —
спросил Жильбер насмешливо.

— В тысячах не было, полковник, —
ответил Гаунт. — Я рад, что вы получили
мое сообщение, а еще больше — что нашли
дорогу сюда. Присоединяйтесь. Мы скоро
выбвигается.

Гаунт подошел к Роуну и Коли, пока
вольноонцы стешивались с отрядом.

— Не верится, что ты, фес тебя,
пригласил их, — прошипел Роун.

— Держи свои мысли при себе, майор.
Аристократы, может, и ублюдки, но,

дұтаю, мы с ними понимаем друг друга.
Кроме того, когда начнется пекло, нам
понадобится их сила.

Роун сплюнул в лужу и не ответил.

--- Я так понял, сейчас ты
командуешь, --- прямо обратился Коли к
Таунту. --- Могу я узнать, какого хрена ты
тут забыл? Гнайг и Кроу рук не тарали.

--- Их профессиональная этика
отличалась от моей. Я надеюсь, вы
оцените мои методы.

--- Владеете языком жестов?

--- Что?

--- Большинство в моем отряде
глухие. Умеете отдавать команды
жестами?

--- Я умею, сэр, --- вызвался Маколл.

Таунт кивнул на сержанта разведки.

--- Маколл будет переводить мои
указания твоим бойцам. Пойдет?

Гол Коли поскреб щеку.

--- Пожалуй.

Таунт видел, что Коли прошел через
пекло за эти тридцать с лишним дней.
Отвага и решимость словно сочились из
него, как пот. Он был из тех, с кем Таунт

не хотел бы оказаться по разные стороны
баррикад.

По мрачным, истерзанным боями
улицам они миновали южные трупщобы,
дошли до границы улья, оставили
разбитую Куртину далеко позади.
Разведчики Маколла шли впереди под
руководством солдат Коли. Грузные
вольонцы едва попевали за их быстрым
бесшумным продвижением. За пределами
Щита все оказались под сильным дождем.

--- Ты хорошо здесь ориентируешься,
Коли. Надо думать, ты тут жил, --- мягко
заметил Гаунт, обращаясь к шахтеру.

--- Верно. Всего в полукилometре
отсюда. Мож бы отвести к воронке на том
месте, где когда-то была моя хибара.

--- Потерял семью?

--- Жена, двое детей. Нет
подтверждения, что погибли, но... дрянь!
Какие шансы?

Гаунт пожал плечами.

--- Сколько вы потеряли, добираясь
сюда? --- спросил Коли.

--- Солдат?

Коли покачал головой.

--- Родных.

--- У меня не было семьи. И не знаю, кому из нас больше повезло.

Коли улыбнулся, но без всякого света или веселья в глазах.

--- Никому, комиссар. Вот в чем трагедия.

--- Ну, не знаю насчет девиц, --- пробормотал Ларкин, пока они пробирались под проливным дождем по выжженным улицам. Бразз, с автомашкой и гранатометом за плечами, поднял брови и не ответил. Среди ополченцев Коли было восемь женщин, все не старше двадцати пяти. У каждой был трофейный зойканский плазган или автоган Вервунского Главного и стенные магазины на поясах ободранной рабочей одежды. Большинство были обуты в туфские форменные сапоги, под которые надевали по несколько пар носков, а сверху обматывали грузовыми бечевками, чтобы не спадали. Женщины двигались так же тихо и уверенно, как их товарищи мужского пола. Месяц ожесточенной

партизанской войны в наружных трупобах
научил их многому. Те, кто не научились,
не выжили.

--- Женщины могут сражаться, ---
пробормотал Рильке, держа снайперскую
винтовку под мышкой, глинным дулом
вниз. --- Моя сестра Лорил прекрасно
справлялась, когда приходилось
вышвыривать шпану из папиного кабака.
Фес, ох и могла же она наподдать!

--- Я не о том, --- прорычал Ларкин, у
которого с острого носа капала дождевая
вода. --- Неправильно посылать женщин на
такое, во всех этих военных шмотках,
размахивать лязганями. Ну, в смысле ---
они же просто девочки. Здесь будет жарко.
Не место для женщин.

--- Тихо вы! --- прошипел Дреммонд,
волоча свой огнемёт и его тяжёлые
заполненные цистерны. --- Они тебя
услышат, Ларкс!

--- Ты слышал, что сказал этот
огромный сукин сын. Они все глухие! Я могу
высказать свое мнение, никого не
оскорбляя. Они меня не слышат!

--- Но ты читает по губам, танитец, -

— сказала Банда, обогнав старшего снайпера и ухмыльнувшись. Некоторые из ополченцев растеялись.

— Я... я ничего такого не имел в виду, — начал Паркин, тщательно артикулируя, чтобы она точно могла прочитать по губам. Банда с улыбкой смотрела на него.

— К тому же я не глухая. Как и Мьюрил. Как и зойканцы. Так почему бы тебе не оказать нам всем услугу и не заткнуться?

Они двинулись дальше, восемьдесят бойцов, хлюпающих по влажным, заваленным обломками дорогам.

— Что я говорил, — шепнул Дреммонд Паркину.

— Заткнись, — ответил Паркин.

Мак-Веннер шел впереди в составе разведывательного отряда Маколла. В его поле зрения были разведчик Бонин и проводники из ополченцев: девочка по имени Несса и сержант Вербунского Главного Халлер, заместитель Коли в его импровизированном отряде. Халлер был

одним из выживших солдат Вервунского
Главного, которые прибили к
ополченцам, хотя в своей грязной
заламанной форме и шерстяной шапке
вместо шинастого шлема он уже не был
похож на кадрового военного. Кажется, его
вполне устраивало руководство шахтера,
не меньше, чем военного офицера. Мак-
Веннер знал, что ополченцы прошли через
самое некло этой войны, и не мог не
оценить их верности.

Несса вела их чередой выгоревших
заводов, быстрыми перебежками, двизаясь
тихо и подавая отчетливые
выразительные жесты, которые они легко
считывали. Они пересекли магистраль,
рокрыт которой был изъеден воронками от
снарядов, и миновали остатки двух
зойканских танков и бронетранспортер,
перевернутый вверх тормашками.

По той стороне магистрали они
пересекли текстильные заводы, которые
через дырявые крыши заливал дождь,
орошая ряды безмолвных покореженных
станков. Свободные концы недогеланного
сукна колыхались на ветру. Мак-Веннер

замер в дверях и остотрелся. С праздным
восхищением он смотрел, как падают
капли дождевой воды с туго натянутых
нитей одного из станков, сверкая, словно
бриллианты и скапливаясь, прежде чем
упасть с латунной катушки на
текстильную раму внизу.

Мак-Веннер вдруг понял, что
потерял девушку из виду. За спиной возник
Халлер.

— Не спускай с нее глаз, — прошипел
Халлер, параллельно жестикулируя. Он
прекрасно знал, что Мак-Веннер слышал,
но жестикуляция стала автоматической.

Бонин присоединился к ним, и они
поспешили вдоль завода, пока не нашли
Нессу в открытом погрузочном амбаре в
дальнем цеху, где она сидела на корточках
за перевернутым подъемником. Снаружи, в
ярком резком свете двора, пятерка
зойканских огнететных танков грохотала,
направляясь на север. Пехотинцы
почувствовали резкий запах прометия,
исходящий от больших цистерн.

Когда танки проехали, Несса подала
очередную нетую команду, и солдаты

поторопились за ней, пересекли открытый двор и вышли к обтянутому колючей проволокой забору гильдийского завода транспортировщиков груза. Ржавеющие перекрытия и подъёмники гудели на ветру. Дождевая вода скопилась в широкие темные озера на покрытом полу. Они выстроили ряды пластиковых грузовых ящиков и маркировочные машины. Возле грузового кабинета была маленькая имперская капелла для рабочих — сейчас оскверненная зойканцами. Они выбили окна и вытащили экскрементами стены. Сотенный десяток рабочих пытался на крыльце и потом казнили на виселицах, собранных из металла. Сейчас от тел остались жуткие обтянутые тканями скелеты. Они висели здесь уже три недели, постоянный дождь и птицы-падальщики приложили все усилия к тому, чтобы отделить плоть.

Халлер раздавил пустую бутылку и спугнул птиц, которые взвились хрипло кричащей стаей с жуткого месива хрящей и костей. Некоторые птицы были толстыми лоснящимися черными падальщиками, другие — грязно-белыми

чайкатаи из ұстыа реки. Черно-белая стая, щелкая клювати, сложилаь на мгновение в шахматный ұзор, а затем ұлетела через дыравую крышу. Пол после них был липким и пестрым.

За капеллой в заборе была дыра. Мак-Веннер задержался на месте, чтобы через микробұсинұ ұбедиться, что основные силы не отстают. Гаұнт и колонна как раз входили на склад.

Земля к югу от фрахтового склада была завалена щебенкой и заросла сорняками. На равном расстоянии друг от друга в земле виднелись артиллерийские окопы, и вся местность была ұсыпана патұнными стреляными гильзати. Отсюда в начале войны огромные зойканские гаұбицы обстреливали Куртинұ. Мак-Веннер ұже собрался двигаться, но Несса его остановила.

--- Опыт показывает, что зойканцы ұстанабливают ловұшки, покидая свой лагерь.

Мак-Веннер кивнұл. Он подал знак, и Гаұнт выслал к ним Домора. Халлер помог Домору настроить лазерный щұп, и

Призрак начал отходить от них, вода на грязью усиками. Домору явно нравилось этим заниматься, и Мак-Веннер улыбнулся, увидев, как он рукой поправляет штормовки бионического окуляра. Времена, когда Домор мог просто моргнуть, давное прошли, остались в прошлом, на Меназоиде Унсилон.

Домор проверил путь минут за пять, разматывая волоконную нить, чтобы отметить зигзагообразный путь. К моменту, когда он закончил, боевая группа нагнала их и ожидала Мак-Веннера, Халлера, Нессу и Бонина у забора.

— Он ничего не нашел? — спросил Халлер, указывая на Домора.

— Не, он нашел вгосталь, но мы сюда не обезвреживать минное поле пришли. Двигайтесь по нити, — ответил Мак-Веннер.

Восемьдесят солдат гуськом двинулись вдоль бывших оружейных платформ, потом по укрепленной дорожке, пересекавшей один из главных водостоков улья. После проливных дождей водосток был переполнен. Кое-где он был забит

обломками техники и трупам.

На другой стороне они вскарабкались на склон по металлической лестнице и пошли вдоль следующей магистрали небольшими группами. До горизонта повсюду простирались дороги, заваленные гниющими останками.

Большинство старалось не смотреть. Ларкин таращился по сторонам в священном ужасе. Уже больше похожие на кипу тряпок, тела принадлежали рабочим, которые погибли, пытаясь бежать в улей. Они умерли недели назад, и никто не трогал их и не передвигал — разве что гусеницы и колеса зойканских боевых машин, направлявшихся на север, к своей цели.

Гаунт объявил привал в разбитых домах на дальней стороне магистрали. Его пестрая команда выставила часовых, пока он с Коли и Жильбером взбирался на третий этаж трупобной коробки.

— Чую дым, — неожиданно сказал Жильбер. Он двинулся вперед по грязному темному коридору с оружием наготове и вышиб прогнившую дверь рабочей

квартиры.

Гаунт и Коли, приготовив оружие, вошли следом. Все трое замерли.

Квартира была завалена мусором и кишела паразитами. Дым тянулся над небольшим костром, разведенным в каминистре, и над ним покачивался небольшой котелок, подвешенный к бывшей одежной вешалке. Пять жителей комнаты, мать с тремя детьми и пожилая женщина, сжались в дальнем углу. Все были истощенные и грязные, буквально кожа да кости, облаченные в грязное рваньё. Старуха была, как животное в клетке, дети тихо плакали. Мать, бешено сверкая глазами на черном от копоти лице, выставила вперед заостренный на конце осколок металла.

--- Назад! Живо! --- велел Гаунт Коли и Жильберу, хотя Коли можно и было и не говорить.

--- Все в порядке... извините, --- сказал Гаунт матери, подняв пустые руки. Осколок продолжал указывать на него.

--- Оставь их, --- сказал Коли. Он вытащил из вещешка пачку пайкового

печенья и пошел прочь, бросив его на пол перед людьми, когда мать отказалась взять сама.

Они вернулись в коридор, и Коли поставил дверь на место.

--- Трон Терры... --- выдохнул Гаунт, качая головой.

--- Именно, --- присоединился Жильбер. --- Ну и расход пайка.

Гаунт оглянулся на него, открыл рот, но потом просто покачал головой. Объяснять истинную причину его ужаса Жильберу можно было бы хоть всю оставшуюся жизнь.

А до конца своей жизни, сколько бы ее ни осталось, Гаунту нужно было сделать кое-что намного более важное, чем вколачивать сострадание в высокородного полковника Аристократов.

Коли услышал замечание Жильбера и посмотрел на того с глубочайшим презрением. Он сомневался, что даже комиссар-полковник представлял себе, каково это --- цепляться за выживание, бороться за него день за днем на развалинах своих готов. Гол Коли

насмотрелся на это горе с тех пор, как
пришли зойканцы, насмотрелся на сотню
жизней вперед. Здесь, в руинах, скрывались
еще тысячи труппобных семей, медленно
подыхающих от голода, болезней и холода.

Трое офицеров вышли через пожарный
выход с восточной стороны дома, и Гаунт
и Жильбер вытащили скопы.

В пяти километрах к югу, по ту
сторону руин, сквозь дым и дождь
просматривался Шин. Он медленно полз к
улью. Гаунт перевел скоп на огромный
терцающий купол Щита и развалины
наружных труппоб.

Гаунт предложил скоп Коли, но тот
не заинтересовался. Жильбер внезапно
сделал резкий жест и обоим, указав на
магистраль внизу, ту самую, которую они
только что пересекли. Группа зойканских
солдат в сопровождении авангарда
бронетранспортеров и легких танков
двигалась прямо на них. Стяги Хаоса
безжизненно обвисли под дождем, мокрая
охраная броня блестела.

Жильбер поднял хеллган, уже
готовый начать стрельбу, но Гаунт

остановил его.

--- Мы здесь не для сражения. Наша битва впереди.

Комиссар активировал микробусину.

--- Большая неприятельская группа приближается по магистрали. Сидите тихо и не высовывайтесь.

Роун воксировал прием.

Понадобилось полчаса, чтобы зойканская колонна прошла мимо. Гаунт прикинул, что там было чуть больше двух тысяч солдат и шестьдесят бронемашин, -- резервы, подтягивающиеся на помощь штурмующим. Если б только Император прислал ему столько людей резерва. Фес, да был бы у него хоть активный состав -- таким же мощным, как у зойканцев резерв!

Когда колонна спокойно прошла мимо, отряд операции «Церонито» покинул укрытие и двинулся дальше к Шину сквозь пелену дождя, нависшую над руинами.

Чем ближе они подбирались, тем больше становилась цель, превращая все строения вокруг в карликов. Ларкин старался унять тревогу -- но он был

огромен, так фесовски огромен! Как же, фес его поberi, восемьдесят душ справятся со штуковиной такого размера?

Они прятались в щебенке. Ларкин поднял голову — ему ухмылялась Банга.

— Уже боишься, танитец? — прошипела она.

Ларкин покачал головой и отвернулся.

Маколл, Мак-Веннер и Гаунт цепочкой шли впереди, за ними Коли, Роун и Халлер. Уже слышался грохот огромных гусениц Шипа, утробный рев его моторов. Гаунт заметил, как пыль и сажа вокруг подскакивают резко, но ритмично. Он понял, что это исполинская машина примерно в километре от них так сотрясает землю.

Понемногу усиливался дождь. Воздух наполнился непрерывным стуком, сопровождаемым постоянным металлическим звяканьем. Оно доносилось из разбитой бутылки, валявшейся в куче кирпичей и звенящей от каждой капли, падавшей на отбитое горлышко.

Гаунт стер капли дождя со склона и встопорлся в Шип.

— Как же это сделать? — спросил он
Маколл.

Маколл нахмурился.

— Сверху. Надо забраться повыше и
найти удобное для обозрения здание. Если
только эта штука не стеним курс.

Гаунт повел отряд по широким
колеям, залитым дождем, тянувшимся
следом за Шипом, оставлявшим
полукilометровую полосу земли и сажу,
спрессованных весом машины в сверкающий
уголь. Шип не объезжал здания. Он стинал
их на своем пути.

Имперский штурмовой отряд обогнал
машину с правой стороны и укрылся в
руинах. Маколл указал на пару рабочих
готов, которые, похоже, должны были
оказаться на пути Шипа. Гаунт погелил
свой отряд на две части, одну отправил
вперед под началом Жильбера, а вторую
возглавил лично.

Отряд Гаунта поднимался по
лестнице ближайшего здания, в пятистах
шагах от ползущей цели, когда Шип снова
выстрелил. Его ужасающее башенное
орудие испустило режущие лучи поверх

отряда — всаль, в какую-то цель в улье.
Звук разрывал барабанные перепонки.
Здание содрогнулось до основания, и резкая
вспышка света на мгновение озарила
каждую трещинку и дырочку лестницы.
Спустился секунду — хлопок, волна
ужасающего жара и запаха плазмы.

Гаунт и его солдаты обменялись
взглядами. Это было — словно
миллисекунду стоишь у раскаленной
звезды. Глаза резало, энергетическая волна
отзывалась во всех ранах. Гаунт утер
струйку крови с губ.

Однако больше времени терять было
нельзя. Гаунт и Маколл повели группу на
пятый этаж, в квартиры дальнего крыла
здания. Шип приближался. Полдюжины
оборванных трущобных пронесли мимо
них, улепечывая, словно битые псы, из
своих укрытий.

Гаунт получил сигнал от Жильбера в
другом здании. Вторая группа уже была на
позиции. Он выглянул из обгоревшего окна
без стекол и увидел, насколько близко
успела подобраться машина.

Низ пирамиды задел угол здания и

вышиб его, обрушив лавину катней и щебня
пог гусеницы. Гаунт отвел солдат от
края, когда могучая машина вышибла кусок
стены комнаты, в которой они ждали. А
затем они начали.

По двое и по трое они выпрыгивали из
окна и семью метрами ниже падали на
бока Шипа. Многие соскользнули с охранных
стеноек, не успев зацепиться за скользкие
выступы, крепления или сварочные швы.
Гаунт приземлился болезненно, сперва
соскользнул, но затем вцепился в холодные
шляпки шурпов. Сверху слышался крик,
и Гаунт увидел, как Ларкин соскальзывает
по бронированному боку, тщетно царапая
металл. Гаунт подхватил снайпера за
таскхалат, остановив скольжение и чуть
не придурив стрелка плотной тканью.
Ларкин нащупал опору и подполз к Гаунту.

— Снова спасаешь мою задницу,
Убрам? — облегченно пробормотал Ларкин.

Гаунт устехнулся. В подобные
моменты он не обращал внимания на
фатильярности Безумного Ларкина.

— Пользуйся. Работа у меня такая.

Десятью метрами ниже Халлер

тоже не удержался. Он соскoczyл, выкрикивая пару бессильных проклятий, и врезался в Дреммонга, который и сам тоже держался. Оба начали съезжать по бронированному корпусу, тщетно пытаясь ухватиться за что-нибудь.

Бразг вытащил танитский кинжал, всагил его в броню Шина, чтобы обеспечить надежную опору, и поймал обоих, когда они скатывались мимо него. Он подхватил Дреммонга за ремень его огнемета, а Дреммонг крепко держал Халлера. К тому моменту в них успела врезаться Мьюрил — ткачиха из ополчения, — и Халлер держал и ее. Полагаясь лишь на свой крепкий кулак, сжимающий рукоять ножа, Бразг удерживал трех висящих людей.

— Фес! — рыкнул он, сжимая покрепче руку, грожащую под весом троих. — Да ухватись же! Хватайся! Не удержу больше!

Мьюрил извернулась и ухватила за угол слоя обшивки, кончиками пальцев держась за шов. Как только она закрепилась, Халлер отпустил ее и устроился рядом. Бразг за ретни

огнемета подтянул к себе болтающегося
ногами Дреммонда.

--- Хорошо, фес тебя, поймал, ---
выдохнул Дреммонд, крепко держась и
пытаясь выровнять дыхание.

--- Ну, не всегда же я тажу, ---
отозвался Бразз. Он не спешил выразить
облегчение. На мгновение ему показалось,
что он вот-вот их уронит и упадет
следом.

Отряд Гаунта, сорок душ, прицепился
к скользкому боку исполинской зойканской
машины --- и начал медленно взбираться к
вершине. Пирамида Шипа была изрезана
похожими на стеллажи террасами, словно
галереями в древних храмах, которые
Гаунт однажды видел на Фикисе Долорасе.
Солдаты вползли наверх и закрепились на
ближайшей «полке».

Шип, ничего не подозревающий о
человеческой гирлянде, прицепившейся к
его боку, двигался дальше и вскоре въехал в
здание, в котором ожидала команда
Жильбера. Гаунт с ужасом смотрел, как
металлические скаты выбили огромную
секцию стены нижних этажей.

Затем он разглядел Жильбера и его команду, соскакивающих с верхнего этажа. Очевидно, они поднялись выше, когда угроза столкновения нижнего этажа с Шипом стала очевидной.

Солдаты, ведомые Жильбером, приземлились выше, чем команда Гаунта. Они врезались в корпус прямо над полкой, которую заняли Гаунт и его группа, и большинство соскальзывало на террасу. Некоторые цеплялись за найденные опоры. Двое — вольноовец и танитский разведчик Бонин — слетели с машины, словно камешки со скалы, и пролетели мимо Гаунта, быстро скрывшись за краем обшивки в ста метрах ниже. Гаунт отвернулся. Если даже само падение не убило их, гибель под гусеницами машины неизбежна.

Гаунт подал сигнал и связался с оставшимися солдатами. Все собрались на террасе. До Күртины улья оставались считанные минуты, надо было торопиться. С оружием наготове, балансируя, вытянув свободные руки, ударный отряд последовал за Гаунтом.

взглянь террасы.

Впереди был сложный этап операции: найти способ попасть внутрь бронированного чудовища.

Обшивка была надежной. Домор вытащил лазерный щуп и прижал его к грохочущему металлу.

--- Плотный, без пустот, --- прорычал он разочарованно.

Гаунт вздохнул. Они могли прорвать или вырезать секцию обшивки, если бы удалось найти полость, но Домор не ошибался. Логично, вообще-то, что у машины подобных размеров окажется толстая обшивка.

Двое Жильберовых вольнооправданных вернулись с разведки дальнего конца террасы. Жильбер выслушал их доклады и направился к Гаунту.

--- Открыты главные оружейные порты на фасаде. Они готовы к обстрелу. Или так, или никак.

--- Ну а если выстрелят, когда мы будем пробираться?

--- Тогда нам крышка. Хочешь тут

просидеть до конца войны?

Настрой Жильбера вызвал у Гаунта смешок.

--- Нет. Думаю, если начнут стрелять, мы ни феса не узнаем.

--- Да, это будет быстро, --- согласился Жильбер.

Гаунт переговорил с командирами взводов и повел вереницу солдат вдоль террасы.

Они собирались повернуть на фасадную сторону пиратиды, когда лучи снова ударили. Вспышка света была еще ослепительнее, а грохот еще оглушительнее. Весь Шип согрознулся.

--- Сколько с последнего залпа? --- спросил Гаунт Ларкина, как только стих звон в ушах.

--- Примерно восемь минут, босс.

--- У меня есть подозрение, что батарее требуется некоторое время на перезарядку. У нас восемь минут, чтобы добраться туда.

--- Легко сказать, --- проворчал Роун.

--- Может, двинем уже --- вместо того, чтобы спорить? --- спросил Коли.

Гаунт кивнул.

--- Да. Сейчас. Пошли!

«Всегда, всегда иди впереди. Никогда не жди от своих подчиненных действий, на которые не готов сам». Это было одно из важнейших правил Делана Октара, которые тот вколол в Гаунта за годы, проведенные с гирканцами. И сейчас он не мог пренебречь советом наставника.

Гаунт повел людей за угол корпуса и поспешил к огромному оружейному порту. Окна размером с Сондарские врата, ставни распахнуты, словно гигантские веки. В воздухе витал пряный сладковатый запах горелой плазмы и фторуглерода.

Гаунт добежал до проема и схватился за одну из подпорок ставней, тяжелый рычаг. Кожаная перчатка соскользнула с обильно смазанного металла. Он стянул перчатку и ухватился голой рукой, держа болт-пистолет в другой. Потом рванулся вперед и позволил себе упасть внутрь, повиснув на одной руке, словно обезьяна. Используя маятниковую инерцию своего тела, он бросился внутрь через оружейный порт, одновременно отпустив подпорку.

Он скорее упал, чем спрыгнул в коридор, рухнув на решетчатый мостик, тянувшийся вдоль огромных рыл лучевых пушек. Перекатившись, он увидел двоих одетых в черное зойканцев-наводчиков, выскочивших из-за пультов, и пристрелил обоих на месте.

Трое зойканцев в полном боевом облачении появились на мостике, паля по Гаунту. Он потерял равновесие и упал, на голову просвистели лазвыстрелы. Выстрелы разнесли торс вольпонца, прыгавшего следом за ним, трюп отшвырнуло назад, наружу, где он заскользил по обшивке. Поднимаясь, Гаунт возобновил стрельбу и меткими выстрелами разнес закрытые шлемы зойканцев разрывными зарядами.

Вскоре за ним приземлились Жильбер, Маколл и трое других танитцев. Маколл открыл огонь из лазвинтовки, поддерживая Гаунта, а Жильбер помогал остальным спуститься в окно.

Гаунт и Маколл двинулись вперед вместе с Кроузом и Рильке, чтобы

разведать обстановку на мостике и освободить место грузам. Комиссар и еще трое танитцев пошли вперед по артиллерийской палубе, уничтожив десятки встретившихся врагов.

Но скоро зойканские солдаты организовали ответный огонь. Кроуза снесло с ног, а Маколла ранили в бедро. Он привалился к стене и осел, но продолжал стрелять.

Вскоре Жильбер и еще трое из Аристократов подоспели, окатив врага волной огня из хеллганов. Позади них, на мостике, Халлер и Коли втаскивали оставшихся соратников.

Команда Жильбера двинулась вперед и прошла по артиллерийской палубе за огромными лучевыми пушками, вырезав все, что шевелилось. Воздух в помещении стал тяжелым и пропитался дымом. Решетчатый мостик был завален убитыми зойканцами.

Где-то завывали сирены.

За четыре минуты штурмовой отряд Гаунта пробрался внутрь Шипа через оружейные порты, семьдесят два человека.

Срое погибли в первой перестрелке. Гаунт осмотрел Маколлу. Рана была поверхностной, он мог идти.

Ударная бригада рассредоточилась, чтобы перекрыть все выходы с сумрачной оружейной палубы.

Гаунт повел группу к главной двери, ведущей к внутренним помещениям Шипа. Она была заперта.

--- Можу выбить, --- предложил Коли.

Гаунт вытащил силовой меч Церонито Сондара, активировал его и всадил раскаленный добела клинок в дверь. Еще три взмаха мечом открыли проход, вырезанный пласт металла брякнул, падая наружу.

--- Вперед! --- рявкнул Гаунт. --- Пошли, пошли!

Главная оружейная палуба Шипа тянулась к штабным помещениям длинным коридором, ширины которого хватило бы для «Лемана Русса». Он был выкрашен в тусклый темно-красный цвет и разделен через каждые двадцать метров укреплен толстыми переборками. Пол был

решетчатый, внизу виднелись трубы, провода и кабели. Между уровнями работали просторные грузовые лифты, предназначенные для подъема снарядов со складов, расположенных где-то в брюхе Шина, на артиллерийские этажи. Металлические стены коридора были покрыты витиеватыми символами, зловещими тошнотворными рунами Хаоса. Гаунт заметил, что они были выполнены из кости, а затем ими инкрустировали металл, потом отполировали, знаки блестели и переливались, как перламутр.

Вероятно, кости человеческие. Наследник был равнодушен к таким деталям.

Команда зойканских штурмовиков в пятнистой охре встретила их обстрелом из укрытий в дальнем конце коридора. Один из ополченцев, мужчина, чье имя Гаунт теперь уже никогда не узнает, был поражен первыми же выстрелами. Его кровь забрызгала костяные иконы на стенах, и символы зашевелились.

Ларкин, увидев это, отшатнулся в

ужасе, его чуть не вырвало. Жуткие символы были живыми и радовались крови. Он чувствовал, что от страха может потерять сознание.

--- Решил отдохнуть? --- сухо спросила Банда, проходя мимо него и отстреливаясь. Имперцы жались к стенам и прятались за переборками, медленно продвигаясь к вражеским позициям под непрерывным огнем.

--- Отдохнуть? --- выдохнул Ларкин. Он негодовал. Он не позволит какой-то наглой ткачихе из трущоб подтрунивать над ним.

Забыв страх, он встал на одно колено, размял шею, поднял снайперскую винтовку и выстрелил в глазную прорезь зойканцу в двадцати шагах впереди.

--- Хорошая работа, --- прокомментировала Банда из своего укрытия и шутливо послала Ларкину воздушный поцелуй.

Ларкин ухмыльнулся и убил еще одного. Или эта женщина начинает ему нравиться, или он сам ее пристрелит.

Еще один ополченец упал, рассеченный выстрелом. Их слишком плотно зажали на входе, прорубленном Гаунтом. Люди прятались в боковых комнатах, но места не хватало.

Роун запустил стволовой заряд по коридору, но у зойканцев было достаточно места в укрытии.

--- Дреммонг! --- крикнул Гаунт.

Огнеметчик все еще возился, пытаясь протащить громоздки канистры через узкий проход, вырезанный энергетическим мечом. Лаззаряды иснещрили металл вокруг него. Рядом с ним повалился с пробитым затылком Призрак по имени Лоннер.

Без Дреммонга было не обойтись. Гаунт и Коли втоптали огромного Призрака, а Дреммонг придерживал свой огнемет, следя, чтобы трубка не погнулась, а воспламенитель не остыл.

Он потянул за спусковой крючок, и волны испепеляющего пламени прокатились по коридору, уничтожая врагов. От раскаленного вихря пошла пухляти краска на стенах, а

извивающиеся костяные руны завизжали.

Он окатил холл контрольным залпом, и Роун, Халлер и Бразз двинулись вперед. Бразз подошел к укрытию врага и переступил черные, оплавившиеся трупы. Слева от него обнаружился еще один коридор, и он выпустил очередь в дверной проем.

Халлер шел рядом, когда полубогорелый зойканский солдат бросился на ополченца. Почерневшее существо в керамитовых доспехах, наполовину вплавившихся в его плоть, обезумев, рвало офицера на части. Халлер закричал в ужасе. Роун схватил зойканца и отшвырнул от Халлера. Тот ударился о стену, и прежде чем успел подняться, Роун четырежды прострелил его.

— За мной должок, Призрак, — сказал Халлер, поднимаясь.

— Нет, трущобный. Я не люблю, когда мне кто-то должен. Забудь.

Халлер затер, словно его ударили по лицу. Ему не слишком-то понравился танитский майор, когда их впервые представили. Банда тогда прошептала,

что у Роуна «ядовитые глаза». Похоже на правду. Даже спесивые вольпонцы — и те, кажется, больше усилий прилагали, чтобы установить товарищеские отношения, чем этот танитский ублюдок.

— Как угодно, — проговорил Халлер.

— Именно, — хохотнул Бразз. Он-то понимал, что сейчас было не то место и время, чтобы рассказывать историю Роуна, из которой стало бы ясно, что Роун ненавидел Гаунта с нечеловеческой страстью именно потому, что «за ним был должок».

— Заткнись и займись делом! — фыркнул Роун. Из боковых коридоров уже доносился шум, там показались новые зойканцы и открыли огонь.

К тому моменту основная ударная группа уже подтянулась. Жильбер бросил вперед группу Аристократов, и они забрасывали туннель гранатами. Мак-Веннер поспешил направо с четырьмя танитцами и группой ополченцев, чтобы прикрыть их от ответного огня противника. Лаззаряд задел его руку и отшвырнул на пол. Дотор, шедший следом,

склонился над раненым разведчиком, одновременно доставая лазерным огнем спрятавшегося стрелка и зовя медика. Рядом одна из ткачих, Винья, съехала по стене, лаззаряды вспороли ей живот. Несколько солдат протолкалось мимо Домора в боковой туннель, освещая его лазерным огнем.

Герран перебежками добрался до Домора, в одной руке держа лазерный пистолет, а в другой аптечку.

--- Мак-Веннер... --- начал Домор. Врач упал на колени рядом с раненым разведчиком. Лаззаряд разорвал левый локоть и уничтожил бицепс. Он сжался, скулля от боли, но совладал с голосом.

--- Сперва --- ее! --- выгавил он, кивая на Винью.

--- Дай взглянуть, Мак-Веннер, --- попросил Герран.

--- Нет! Ты знаешь, фес тебя, очередность: сперва критические случаи! Ее подстрелили! Осмотри ее!

--- Дай ему это, --- велел Герран Домору, передавая тому пачку иннокүляторов с мощными

обезболивающими. Он погнул к
растянувшейся на полу ополченке. Она
согнулась, словно сломанная кукла,
упершись подбородком в грудь, затылком
прижматая к стене. Кровь растеклась под
нею широкой лужей. Сама рана покрылась
обугленной неровной коркой, но удар
изрезал внутренности, и она быстро
теряла кровь.

--- О, фес! --- выплюнул Герран. ---
Помогите мне здесь, кто-нибудь!

Рядом оказался Коли.

--- Скажи как.

--- Дави: здесь и здесь. Держи крепко.
Нет, крепче, изо всех сил!

Оба были забрызганы ее кровью. Она
пошевелилась и застонала.

--- Винья... тихо... не отключайся... ---
бормотал Коли, крепко прижимая
поврежденные органы.

Он оглянулся на спешно работающего
Геррана.

--- Она не вытянет, да?

--- Тяжелое ранение, --- пояснил Герран,
работая. --- Я могу стабилизировать, но не
надолго.

Коли кивнул. Он убрал руки, наклонился и прошептал ей на ухо.

--- Ты достойно сражалась, Винья Терриго из дома 45/жаг. Улей Вербун не забудет твоей отваги. Улей любит тебя за твою преданность.

Затем он протянул огромные, бережные руки и свернул ей шею.

--- Бог-Император! --- в ужасе вскричал Терран, отшатнувшись.

--- Его ты можешь спасти, --- сказал Коли, указывая на Мак-Веннера окровавленной рукой. --- Я люблю своих людей, я буду сражаться за них из всех сил, но здесь я бы бесцельно потратил время хорошего врача, пока не столько безнадежные случаи ждут его помощи. Ее боль прекратилась. Она обрела покой.

Терран утер рот.

--- Я... --- начал он.

--- Если ты собираешься сказать мне, что боишься представить, через что прошли те трупобные, кто добрался сюда, побереги дыхание. Мне не нужна твоя жалость.

--- Я вообще-то собирался сказать,

прыг мой, что вполне представляю. И к
тому же восхищаюсь вашей отвагой. Наши
жизни все сейчас на кону в битве за ваш
дом. У меня -- дома уже нет. Так что к
фесу тебя и твой благородный вздор, --
Герран собрал инструменты и
передвинулся к Мак-Веннеру.

Коли поднял лазган и понесся вперед,
присоединяясь к сражению.

Кокоэр, Нескон и Флинн добрались до
угла правого бокового коридора и
отбросили собиравшихся там зойканцев.
Гаунт, Дженкс и Марой плелись следом.

-- Проход? -- спросил Гаунт.

-- Без фесовых шансов, сэр! -- пропел
Кокоэр. Воздух дрожал в перекрестном
огне.

-- Да, что за херь! -- заорал Нескон, у
которого заклинило лазган. Он потряс его.
Гаунт схватил его и втолкнул в укрытие за
секунду до того, как лазвыстрелы
затолотили по стене прямо над его
головой.

-- Не забывай правил, Нескон.
Заклинило -- сперва в укрытие. Нечего

стоять, возясь с изрубкой.

--- Так точно, комиссар-полковник.

--- Мне ты больше нравишься живым.

--- Мне... мне тоже, сэр.

Рильке, которого считают лучшим снайпером среди Призраков после Ларкина, и ополченка Несса прикрыли их сбоку. Рильке дважды пытался подстрелить зойканца, прячущегося дальше по коридору. Несса из своего лазгана стандартного образца подстрелила и его и следующего.

--- Где ты научилась так стрелять? ---

негодующе поинтересовался Рильке, но она его не расслышала. Она вообще не слышала.

Гаунт смотрел на нее, ожидая, пока она увидит его лицо.

--- Молодец, --- сказал он.

Она ухмыльнулась.

В потолке, в десяти метрах позади, открылся люк, и зойканские солдаты посыпались вниз, словно песчинки через горлышко песочных часов. Они рассыпали выстрелы во все стороны. Четверо Призраков, двое ополченцев и один Аристократ погибли сразу. Бразз

обернулся и подстрелил нескольких падающих с потолка зойканцев, его автомашке вторили Халлер, Роун, Дженкс и десяток других.

Зойканские мертвецы горой валялись под люком в потолке. Бразг поднял дуло и начал обстреливать крышу, пробивая мощными зарядами дыры в листах металла. Из некоторых закапала кровь.

--- Нас зажали! --- крикнул Маколл Таунту.

Таунт и сам это понимал. Жильбер заблокировал левый проход, но справа все еще напирали враги. А теперь, фес его, они и с неба сыплются! Такими темпами его штурмовой отряд погибнет, не дойдя до цели. Если они собираются сделать что-то серьезное, нужно двигаться вперед.

--- Маколл? --- позвал Таунт.

Маколл понял, чего от него хотели. Таунт всегда ценил старшего разведчика за его впечатляющую способность находить верный путь. Это был настоящий дар. Каким-то образом, когда-то давно, в подвижных, изменчивых лесах Танит он научился понимать логику

планировки, изначальное устройство
любой местности.

Нутрол Маколл чүял: прямо и вниз.

--- Через вентиляционные щиты, сэр, ---
объявил Маколл.

Гаунтү этого было достаточно. Он
под непрерывным обстрелом отполз назад,
к щитам.

--- Роун! Удлиненные заряды сюда!

--- Ты что творишь? --- закричал
Жильбер, подходя. --- Этот путь ведет в
правое крыло машины!

Гаунт посмотрел на Жильбера, не
обращая внимания на жужжание зарядов
вокруг.

--- После всего, что мы повидали,
Жильбер, ты мне не веришь?

--- Очень приблизительно, но...

--- Если б ты собирал этот Шип, ты в
самую середину бы запихнул главный
центр управления, туда, где его и станут
искать?

Жильбер задумался на миг и покачал
головой.

--- Тогда стейся. Но я приучился
доверять инстинкту Маколла. Если я

ошибся -- с меня ящик вина. Сам выберешь тарку.

-- Если ты ошибся, мы трупы!

-- А почему б еще я такое пообещал?

Жильбер растеялся.

-- В укрытие! -- заорал Роун, отбегая от связки ствольных зарядов, которые прикрепил к щитам.

Мощный взрыв вышиб люки, словно бумагу. Что ни говори о Роуне, а во взрывчатке он разбирался. В сторону имперцев прокатилась лишь слабенькая ударная волна.

-- За Танит! -- прокричал Таунт, метнувшись в открывшийся проход.

-- За Вольпон! -- прорычал Жильбер, не отставая.

-- За улей Вербун! -- неслышно произнесла сама себе Несса, бежавшая следом.

Сельскохозяйственная гильдия Гитрана пала. Корбек отвел своих танитцев к основанию Главного хребта, и следом потянулось все это пекло. Майло и Баффелс вывели свою выжившую группу из

развалин, преследуемые зойканскими танками. Смешанные части Брежнев отступали, когда дивизионы зойканских иштурмовиков ворвались во внутренние трупщобы.

Колонна Щита содрогалась от выстрелов — одного за другим.

На вратах Кроу блестящая контратака Гризмунда подошла к концу. Крабы и пауки атаковали их с такой мощью, которой не могли выдержать даже лучшие танковые полки Империи.

В доках Варл и Роджин начали оттягивать свою пехоту, оказавшись лицом к лицу с охранными силами, превосходящими их собственными в десять раз.

На краю Коммерции, где развернулось одно из самых кровопролитных сражений, Балвер приказал Севзгруппским и ополченцам отступить. Вверху мерцал и постепенно угасал Щит. Он протянет недолго. В гуще чудовищной схватки в окне Сорик всадил свою кирку в противника. Он один из последних подчинился приказу Балвера.

Вольпонцев Кордея зажало
подразделение зойканцев. Аристократов
вырезали на пустыре, некогда бывшем
внутренними трющобами. Кордей погиб
вместе со своими солдатами.

В забытой Императором норе в
пустырях Каффран прижимал к себе Тоню
Крийг, Ёнси и Далина. Небо было залито
огнем, вокруг падали снаряды. Каффран
понимал, что им осталось недолго. Но он
будет оберегать ее и детей столько,
сколько сможет.

В бантистерии Бан Даур снял
наушники и откинулся в кресле. Рабочие и
сервиторы все еще суетились вокруг,
пытаясь поддерживать хотя бы видимость
контроля.

Все было кончено. Даур поднялся и
погошел к Отте, стоящему возле купели.
Окна осыпались, брызнув осколками внутрь,
и весь Главный хребет согрознулся под
ударам снарядов.

--- Мы сделали, что могли, --- сказал
Даур.

--- Раги улья Вервун, --- поддержал
Отте, тихо плача от усталости.

К ним подошел интендант Бейнфейл.

--- Верховный законодатель Анофий только что отошел в мир иной. Сердечный приступ.

--- Что ж, его миловал Император, --- безучастно протолвил Даур.

Отте неодобрительно посмотрел на него, но Бейнфейл, похоже, был согласен.

--- Это конец, мои отважные друзья. Император любит вас за ваши усилия, но это конец всему. Улей Вербун потерян. Исповедайтесь.

Даур оглянулся на Непорочного. Служитель стоял в окружении клириков.

--- Начинайте мессу, сэр, --- велел ему Даур. --- Реквием. Хочу, чтобы последним, что я услышу, был погребальный псалом, посвященный Императором.

Непорочный кивнул. Он настроил братьев, и они затянули торжественную, мягкую, чарующую мелодию, которая вознеслась над бантистерией и разлетелась по улью Вербун.

В опустевшей анфиллаге своего дома, высоко в Хребте, Мерити Часс услышала

тихую песнь, пробивающуюся сквозь стены.
Она надела глинное нарядное платье,
герцогскую цепь отца и кольцо-печатку,
которое принес ей Даур.

Она провела последний час, сортируя
архивы дома Часс и перегоняя семейные
документы на архивные кристаллы.
Услышав песнь, она нахмурилась.

--- Рано... рано... --- пробормотала она.
--- Он нас не погвеет...

Глава восемнадцатая ЛОГОВО АСФОДЕЛЯ

Друг смерти, брат удачи
и суккин сын.

Майор Роун, о своем
командире

Крепкие металлические стены отражали звуки резни, ворвавшейся в штабной отдел Шина. Свирепая схватка кипела в темных комнатах с решетчатым полом. Ударный отряд встречали не только солдаты, но и команды оружейных расчетов. Наводчики надели лишние бронежилеты на рабочие халаты, но головы у многих были открыты. Солдаты Гаунта собственными глазами увидели тот ужас, который не давал спать Ларкину после Вейвейра. Дело даже не в имплантатах, вплавленных или вбитых в глазные яблоки, в уши, в самый череп, чтобы обеспечивать связь между

тозгом и органами чувств — и коварными
щебетом. Дело в том, что это были
женщины и мужчины всех возрастов и
сословий: рабочие, пенсионеры, гильдийцы,
дети, подростки. Все зойканское население
было мобилизовано на войну, как и
предполагал Гаунт. В реальности это
выглядело ужасно. С отсутствующими
выражениями лиц, как будто даже более
безжизненные, чем сервиторы-марионетки
Сондара, люди феррозойки набрасывались
на атакующих.

Гаунт орудовал мечом, пробивая
сквозь гущу зойканских солдат путь к
главному мостику. Несмотря на кипящую
схватку, дым и вспышки лазерного огня, он
мог разглядеть широкую открытую
хромированную платформу, окруженную
черными башнями контрольных
аппаратов. В центре платформы из
кольца-испускателя, вмонтированного в
пол, проецировалась сияющая розоватая
сфера когерентного светового поля
диаметром в десять метров. Он пробился
к ней, истратив последние запасы агрессии
и решимости, какие в нем остались.

Внезапно он оказался на самой платформе, один, освещенный розовым излучением. Его последние бешеные усилия пробиться оказались, можно сказать, слишком успешными. Он неосторожно отделился от остальной группы, все еще зажатой в безумной схватке перед мостиком.

Гаунт тяжело дышал и грозил. Он где-то потерял фуражку, порвал куртку и вымазался в крови. Почти болезненный выброс адреналина прокатился по телу, словно электричество по плавкой проволоке. Еще никогда в жизни его не доводили до таких вспышек чистого гнева. Его сознание закоротило в пароксизме боевой ярости. Все вокруг словно бы выдвинулось издалека и казалось необъяснимым. Мгновение он не мог вспомнить, что нужно делать.

Что-то мелькнуло позади, и он наугадмахнул мечом в развороте. Высокая черная фигура качнулась назад. Противник был худым, но сильным и намного выше, чем он, одет в облегающие блестящие черные доспехи и кольчужный плащ с

капюшоном. Лицо под капюшоном было
жутким, нечеловеческим, похожим на
оскаленный череп огромного волкодава, с
которого содрали кожу. Руки в
металлических перчатках сжимали
силовую саблю.

Гаунт видел подобных существ
прежде, на Бальгауте. Он видел их издали
на поле боя, во время последней схватки, а
потом видел несколько трупов после
победы. Это был один из Темных Часовых,
элитного отряда воинов Хаоса,
дарованного командиру Асфогелю в
качестве личной гвардии. Существо вновь
затерцало, используя чудовищную
врожденную власть над варпом, чтобы
искажать пространство вокруг себя. Гаунт
вскрикнул и отбил лезвие стенившего
положение противника. Холодный синий
свет силового меча Церонито столкнулся с
искрящимся кроваво-алым огнем оружия
Темного Часового.

Он метнулся снова на несколько шагов
влево и взмахнул саблей вокруг себя. Гаунт
отшатнулся, споткнулся в спешке,
откатился в сторону и вскочил на ноги

как раз вовремя, чтобы отразить стремительный клинок, горящий скверной Хаоса.

Но это было уже другое оружие. Длиннее, прямое и раскаленное, светящееся чадающим зеленым огнем. Второй Темный Часовой метнулся на помощь первому.

Не глядя, Гаунт бросился в сторону, понимая, что первый сейчас у него за спиной. Красное оружие вонзилось в сверкающую хромированную палубу.

Он понялся, когда они двинулись на него вдвоем, то и дело мелькая из реальности в реальность. Внезапно один оказался слева от него, но Гаунт собрал все свои силы, блокируя удар, и отбил клинок. Второй наскочил на него и задел правое плечо.

Боли не было. Холодное тошнотворное онемение сковало раненную руку.

Гаунт перекатился вперед, уходя от еще двух взмахов клинков. Он понимал, что никогда еще не сражался с настолько превосходящим его противником: ни когда бился с вопящими десантниками Хаоса —

Пожирателями Миров — в преисподней
Фортис Бинарного, ни когда был окружен
Железными Людьми в гробницах
Меназоида Унсилон. Он чудом жив до сих
пор.

Но что-то спасало его жизнь.
Отчасти его высокий боевой дух, отчасти
решиимость, но также, он не сомневался,
меч Церонито. Меч словно чужд
течущихся тварей и предупреждал его —
покалыванием — об их непредсказуемых
движениях.

Скоро их искажения стали понятнее,
они словно двигались внутрь и наружу
материальной действительности.
Каждый раз, как они
материализовывались, чтобы нанести
удар, меч сам тащил его руку.

Он нырнул под режущую дугу зеленого
света и ударил вверх, рассыпая синие
искры, и отсек голову одного из Темных
Часовых. Прозрачный морозный дымок
потянулся над высокой фигурой, когда она
стала оседать, мерцая и бледнея.
Нечеловеческий крик огласил платформу.

Второй набросился на него.

материализовавшись прямо у него перед
носом, и, хотя силовой меч потянулся
наперерез, он не успел защитить левое
бедро от глубокого пореза, нанесенного
алым клинком.

Гаунт упал.

Залп из автомашки расколол воздух
вокруг него. Бразг пробился к краю
платформы и поливал Темного Часового
огнем. Тварь содрогнулась от ударов,
мелькая из реальности и обратно, и
кольчужный плащ хлестнул в воздухе,
когда существо повернулось лицом к
атаке. Коли и Маколл тоже подобрались к
краю хромированной платформы и
открыли огонь по чудовищу. Секунду
спустя Нескон, Халлер, Флинн, Банга и
вольпонец Тонек присоединились.
Слаженный обстрел отбросил взбешенное
исчадие Хаоса — и переключился на еще
двух, показавшихся только что.
Безжалостные очереди Бразга постепенно
разрывали Темного Часового с красным
клинком, который пытался наступать
навстречу обстрелу, пока не взорвался в
нескольких шагах от танитца.

Один из новоприбывших, орудующий алебардой, дымящейся оранжевым, расколол Тонека надвое и одним махом отсек левую ногу Нескона ниже колена. Халлер подхватил хеллган погибшего Аристократа, нажал на спусковой механизм подствольного гранатомета и снес существо голову.

Подоспевшие члены ударного отряда обсыпали оставшегося Темного Часового сплошным огнем. Существо визжало и мерцало, извиваясь под градом лазерного огня.

Позади оставшиеся части бригады Таунта вели отчаянный арьергардный бой с зойканцами, отовсюду сбегавшимися на платформу.

Таунт ухватился за одну из панелей управления на краю платформы и встал на ноги. Гололитические экраны, проецирующие изображение из куполообразной крыши вверх, демонстрировали мерцающие янтарного цвета картины бойни, продолжающейся снаружи. Шип в сопровождении бронетанковой поддержки прорвался под

Щит чуть восточнее Сонгарских врат, и могучие орудия боевой машины, очевидно, уже с новыми наводчиками после атаки Гаунта, навелись на Колонну Щита и уничтожили ее.

Куски огромной колонны падали по всей Коммерции, словно кто-то рубил исполинское дерево, но вместо щепок во все стороны летели волны пламени. Щит был не отключен, как прежде, а уничтожен, и вся его огромная энергия, лишенная подпитки, рассеивалась. Взрыв энергии, призванной защищать улей Вербун, снес десять верхних уровней Главного хребта и все якорные станции по периметру города.

Сжатая ослабевшей рукой силовой меч, Гаунт остотрелся в поисках аппаратуры знакомого типа. Все было построено техно-инженерати феррозойки, так что основные образцы были имперскими, но управление и формат совершенно непонятные.

Гаунт, пошатываясь, добрался до следующей панели и продолжил остотр. Он нашел нечто, похожее на вокс-терминал и транслятор пикт-связи. Но больше ничего

идентифицировать не удалось.

Позади взорвался последний Темный Часовой, прихватив с собой рядового флинна.

Третья панель. Посередине обнаружилось не что иное, как устройство чтения пластин данных с универсальным разъемом стандартного имперского формата.

Гаунт почувствовал, как подгибаются раненные ноги. Кровь из раны на плече наточила рукав и капала с руки.

--- Гаунт! --- прокричал Коли, подхватывая его. Здесь же оказались и Маколл, Дженкс, Герран и Домор.

--- Дай взглянуть на раны! --- кричал Герран.

--- Нет в-в-ремени!

--- Давай помогу, Гаунт! --- прорычал Коли, пытаясь удержать сопротивляющегося комиссара. --- Давай...

--- Нет! --- Гаунт оттолкнул огромного шахтера. Будь это даже его последнее действие, он не отступит.

Он вытащил тикающий, турлычущий атүлет из кармана и вставил штекер в

разъем считывающего устройства.

Амulet подключился, заурчал и дважды провернулся, словно кодокский жук, закапывающийся в песок.

Освещение и электричество в штабе мигнуло два, три, четыре раза. Механический вой измученных, перегруженных турбин донесся из просторного машинного отсека. Щебет оборвался. Затем резко погас свет.

Внезапная непроницаемая тьма. Внезапная тишина. Стоны умирающих и раненых в тишине. Отчетливый, краткий скрип и треск разорванных кабелей. Вспышка лазерного огня.

Глаза Гаунта привыкли к темноте. Сердце Шина остановилось. Курился дым, стергавший войной. Шевелились, тизая, люди.

Энергетическое поле в центре платформы исчезло.

На месте поля оказалась огромная фигура, черная, как тень. Она поднялась, развернулась, выросла. В полумраке Гаунт разглядел богато расшитый шелком плащ,

соскользнувший с фигуры, когда она
встала. Он увидел лагерь в
металлической перчатке, которая
потанила его. Увидел в неверном свете
огня глиняную бронированную мантию с
капюшоном, из-под которого виднелись
щелочки глаз. Капюшон слетел с
огромного, крутого, загнутого
полированного рога.

Наследник Асфогель, магистр Хаоса,
демоническая тварь, поддерживаемая
темными богами варна, во весь свой
шестиметровый рост возвышался над
людскими червями, надеявшимися сразить
его. Он не издавал ни звука. Тьма, что,
казалось, мантией лежала на его плечах,
поглощала воздух, двигаясь вместе с ним.

Коли всагил свою кирку в Наследника.
Секундой позже он летел в сторону через
всю платформу с переломанными ребрами.

Маколл успел выстрелить дважды,
прежде чем был отброшен в сторону со
сломанным плечом.

Лазган Домора взорвался у него в
руках, отшвырнув его навзничь, назад и
прочь с платформы.

Геррана разограл на части
колышущийся полос тьмы, острой, как
бритва. Его кровь туманом повисла в
воздухе вокруг Гаунта.

Дженкса распылила сила
демонического кулака, когда он попытался
перезарядить оружие и выстрелить.

Гаунт встретил Асфогеля с
поднятой головой. Он вознал горящий
синим клинок силового меча в грудь
монстра -- и пробил ее насквозь.

В тот же миг огромный болт-
пистолет, зажатый в руке Наследника,
выплюнул заряд в сердце Гаунта.

Глава девятнадцатая

СКОРБНАЯ СЛАВА

Наша победа разрушила
Тьму и покорила ее тварей.
Повелитель Тьмы мертв. Так,
во имя Императора,
продолжается в ореоле славы
священный Крестовый поход.

Военмейстер
Макаром,
Бергхасте

Они явились, словно привидения, на закате. Призрачные силуэты, невероятно огромные, освещенные заходящим солнцем, спускались в задымленную атмосферу Вержаста. Военные корабли, громозгкие транспорты, вся мощь Крестового похода на тиры Саббаты, гордость боевого флота Сегментум Пацификус.

Это был пятидесятый день. Узнав от астронавта, что улей Вербун столкнулся

не с обнаглевшим ульем-конкурентом, а с
разыскиваемым генералом Хаоса,
Макаром во весь опор полчался на
Вергхаст и за двадцать семь дневных
перелетов сквозь варн добрался до улья.

Сутрачное небо наполнилось
металлом, и казалось, что оно вот-вот
рухнет. Внүшающая трепет мощь
Империи красовалась перед всеми
вергхаститами: десять тысяч кораблей,
некоторые размером с город, некоторые ---
похожие на огромную расписную океанскую
черепаху, а некоторые --- стройные и
причудливые, словно летающие соборы.

Макаром обрушился на планету всей
мощью своих войск: шесть миллионов
гвардейцев, полмиллиона танков,
отделения, вызванные из трех орденов
Агентус Астартес, два легиона титанов.
Десантные корабли, грузные подъемники и
шаттлы роем опускались в долину Хассал.
Впервые небо действительно упало.

Затем последовало массовое
истребление, продлившееся всего пять дней
--- благодаря тому, что было совершенно
односторонним. Амүлет Церонито

выполнил свое предназначение и навсегда
заблокировал коварный щелчок. К моменту
прибытия неисчислимы́х сил военлестера
зои́канцы и так повсюду отступали.
Растерянные и лишённые руководства, они
немедленно прервали осаду. Многие
покончили с собой, а другие бесцельно
шатались и нарывались на огонь
защитников, где и погибали. Миллионы
оставшихся, словно только что
пробудившись ото сна, спотыкаясь, без
цели и направления, брели обратно в поля.

Под руководством Гризмунда
потрёпанные силы Империи,
удерживавшие у́лей Вербун более месяца,
перестроились, чтобы прогнать жалких,
растерянных захватчиков. Нармянские и
Севзру́нские танковые дивизионы догнали
и уничтожили зои́канские
механизированные части, ползущие
обратно в направлении родного у́лья.
Гвардейская пехота под командованием
полковника Корбека, полковника Балвера и
майора Отте, задействовав все
бронетранспортеры, какие ещё работали,
догоняла и вырезала отступающих солдат

противника. О милосердии не было и речи. Скверну Феррозойки наглежало искоренить.

К моменту, когда армада Макаромата показалась на орбите, зойканцы были отброшены на шестьсот километров в поля, и за ними тянулся след из брошенных машин и снаряжения.

Внутри улья ополченцы постепенно уничтожали последние очаги отчаянного зойканского сопротивления.

Военлейстер преследовал противника с безмерной яростью. Он вежливо, но настойчиво попросил десантников -- Железных Эмей -- нагнать и уничтожить отступающего врага. Его бронетанковые дивизионы прокатились по магистралям улья, выжигая все живое. Скелетоподобные титаны, визжа, словно призраки, пронесли по полям, выслеживая и испепеляя бегущего врага.

На пятьдесят четвертый день военные корабли Империи испепелили улей Феррозойка. Ослепительное пламя залило южный горизонт.

Но зойканцы проиграли войну намного

раньше, в тридцать седьмой день. Без
гипнотического щета, который
направлял и координировал их действия,
они были беспомощны. Костические
десантники ордена Имперских Кулаков
торжественно уничтожили Шин и
кремировали труп Наследника.

Последней битвой стала
гуманитарная помощь. Интенданты
Бейнфейл, старейшины улья и благородные
дома работали не покладая рук, чтобы
обеспечить помощью миллионы раненых и
бездомных. К шестидесятому дню
истинное число человеческих потерь
стало невозможно скрывать. Улей Вербун
превратился в некрополь: город мертвых.
Встретившись с уцелевшей знатью,
Макаром подписал приказ о
расформировании, который
задокументировал смерть улья Вербун.
Улей погиб. Все выжившее население было
принято в Северные группы, переправлено в
улей Тхаст или башню Исстас.
Предписывалось также основать два новых
улья, один под управлением клики

благородных готов, возглавляемых готом Анко, а другой — коллективный, управляемый готами Часс и Рогъин. Умена ил гадут позднее. Лишь много поколений спустя эти муниципальные единицы достигнут некоторой стабильности, и еще много времени пройдет, прежде чем обездоленное население получит новое постоянное место жительства.

Лорд Анко, закладывая фундамент для своего улья выше по течению Хасса, наг мертвым ульем Вербун, планировал использовать протетические источники, некогда контролировавшиеся ульем Ванник. Леди Часс, первая женщина, управляющая коллективным ульем в Вербхасте, основала свой город в полях далеко к югу и обратилась к горнодобывающему делу и сервиторной инженерии. Их последующие соперничества и конфронтации будут длительными и чрезвычайно сложными, но это уже совсем другая история.

А пока дух разорения повис над выжившими в улье Вербун. Многие

понимали, что пожертвовали всем, отстаивая город, лишь для того, чтобы он все равно оказался покинут. Когда об этих настроениях узнал магистр войны, он сдержал речь, объясняющую его решение, а также издал Акт об Утешении.

Подчиненным магистра войны пришлось выполнять множество обязанностей, когда они наводили порядок после Вербунской войны. Одной из них стала казнь выказавших нелояльность Императору в эти трудные дни.

Доклады танитского сержанта Варла, зафиксированные его командиром, Таунтом, были рассортированы и обработаны Административом в ходе дальнейшей чистки. В день пятидесяти девятый в рамках преследования военных преступлений солдаты Вербунского Главного ворвались в здание гильдии Ворлин. Этчангасте Ворлин не был найден.

--- Говорят, он хочет тебя видеть, --- сообщил Корбек, прислонившись к подоконнику огромного витража в

Общественном медицинском учреждении
67/мв.

--- Подождет.

--- Именно так и сделает, ---
ухмыльнулся Корбек. --- Он всего лишь
военлейстер.

--- Фес. Неужели они действительно
бросят улей --- после всего, что мы
пережили?

--- Думаю, как раз из-за всего, что мы
пережили. Мало что осталось.

Убрав Гаунт сел на своей койке. Боль
в плече и бедре давным-давно утихла, но
грудь все еще саднила. Он кашлял кровью ---
за время визита Корбека уже третий раз.

--- Вам, наверное, надо соблюдать
покой, сэр, --- рискнул предположить
Корбек.

--- Наверное, --- повторил Гаунт. Он
пробыл без сознания большую часть
последнего месяца и прошел через
множество хирургических операций,
обрабатывавших рану, которую нанес ему
Наследник Асфогель. Гаунт до сих пор не
знал --- и никогда не узнает --- спасло ли его
слепое везение или судьба. Болт

Наследника попал аккурат в стальную розу, которую Гаунту подарил лорд Часс. Ухотя лепестки впились в грудь, нет сомнения, что в противном случае он бы не выжил.

--- Слышал об Акте об Утешении?

--- Слышал. И что?

--- Ну, сэр, вы не можете себе представить, сколько новых Призраков мы набрали.

По условиям Акта об Утешении любой обездоленный житель Вербуна, желающий покинуть Бергхаст в поисках новой жизни, имел право переквалифицироваться в солдата Имперской Гвардии. Более сорока тысяч человек подписались на эту программу. Многие решались исключительно при условии, что им будет позволено выбрать часть, в которую их направят.

Мотоциклетный конвой вел их на север вместе с регулярной армией, где огромные транспорты ждали их в Каннакском порту. Сержант Эган Сорик следил за погрузкой своих отважных

Нерегулярных. Все уже получили танитскую форму и камуфляж. Сорик забрался на погрузчик и поприветствовал сержанта Коли, также присоединившегося к Танитскому вместе со своими партизанами. Коли передвигался на костылях, а его торс был забинтован.

--- Мы больше никогда его не увидим, --- промолвил Сорик.

--- Кого?

--- Бергхаст. Прощальный взгляд.

--- Для меня здесь больше ничего нет, --- ответил Коли. Вздыхнув, он мысленно попрощался с потерянной женой и детьми.

В полукилометре от них Бразг следил за погрузкой грузов Призраков. Многие, как Дотор и Маколл, были тяжело ранены.

Следом за солдатами тянулся неизбежный караван сопровождающих, загромождающих свои пожитки: клерки, полевая кухня, механики, оружейники, женщины.

Бразг увидел, как Каффран ведет девчушку с двумя детишками. Один --- тлагенец на руках. Он отметил, что

мрачного вида девушка поти-
многочисленного пирсинга имела при себе
значок временного рекрута Гвардии. Еще
одна женщина-солдат. Вдобавок к
партизанкам Коли. Паркина удар хватит

Выпрыгивая из грузовика, Бан Даур в
последний раз тоскливо огляделся. Он
чувствовал себя потерянной душой,
которой разрешили последний раз увидеть
землю, взрастившую его.

Собственно, так оно и было. Он уже не
был капитаном Вербунского Главного
Баном Дауром. Он был Призраком.

--- Я долго хранила его, --- сказала
Анна Кёрт. Она протягивала жетон,
который прятала в кармане передника с
той самой осады на Вейвейре. --- Я знала,
что не будет подходящего момента,
чтобы ты увидел его, но, может, сейчас...

Дорген взял жетон. Вздыхая, прочел
имя.

--- Микал Дорген. Нехотинец. Да, я...
мне сказали...

--- Мне жаль, Дорген. Правда, жаль.

Дорген сидел неподвижно, в глазах

стояли слезы.

--- У мне. Я ведь был единственным Призраком, у кого была родня в Танитском полку. Сын. Хрупкая, последняя ниточка к миру, который мы потеряли. А теперь... не осталось и этого.

Она прижала его к себе, когда, грожа, он зарыдал.

Распахнулась дверь, и на них уставился гильдиец. Он был богато одет, лицо излучало уверенность.

--- Что бы вы ни искали, вы ошиблись, -- сообщила ему Кёрт, крепко обнимая Доргена.

--- Доктор Кёрт?

--- Да. А что?

Гильдиец вошел в комнату. Он улыбался.

--- Я искал доктора Кёрт и медика Доргена.

Он развернул клочок пергамента.

--- Я получил запрос на дачу показаний... об ужасающем инциденте на железнодорожной станции несколько недель назад. Бог-Император, ну и ужас же это был!

Кёрт отпустила Доргена и повернулась к гильдийцу.

--- Кёрт --- это я, --- сказала она, подходя к нему. --- Спасибо, что пришли. Мне нужно знать, что вы видели.

--- Мне нужно, чтобы Дорген тоже присутствовал, --- сказал Ворлин.

--- Это я, --- отозвался Дорген, поднимаясь и утирая слезы.

--- Оба здесь? Дорген и Кёрт? --- Ворлин ослабился.

--- Да. Что вы хотели рассказать? Что вы видели?

Ворлин вытащил из лотет и оскалился.

--- Вот что.

Дорген бросился закрыть собой Кёрт, когда Ворлин открыл огонь. Первый выстрел попал Доргену в правую руку, второй в левое бедро. Третий задел плечо Кёрт и отбросил ее в угол комнаты.

Ворлин наступал на Доргена, целясь из блестящего пистолета убийцы, сверкая глазами.

--- Оставим это между нами, доктора, --- прошипел он.

Болтзаряд превратил мозги Ворлина в окровавленные ошметки. Гаунт, с болт-пистолетом в руках, заглядывал в комнату, поддерживаемый перепуганным Корбеком.

--- Я услышал пальбу, --- пояснил Гаунт, выходя.

Глава двадцатая

НЕКРОПОЛЬ

Довольно. Слишком много
призраков.

Убрам Гаунт, о
Вергхасте

За бортом раздалось жужжание.
«Магнификат» отчалил от доков
внутреннего берега Хасса, оставляя позади
огромную тучу города, всю в огоньках
недогашенных пожаров. Фолик повел
суденышко вперед, подстраиваясь под
течение.

Он спрыгнул с верхней палубы на край
старенького парота и подошел к человеку в
глинной шинели и фуражке,
прислонившемуся к борту, торщась, словно
от боли. Вот уже неделю Фолик
переправлял Гвардейцев на северный берег,
где начинался их новый путь — никто не
знал — куда.

Это был последний рейс.

В каюте Дорген посмотрел на Кёрт, чье плечо теперь было перевязано.

--- Вы уверены в этом, доктор?

--- Абсолютно. Я отгала Бергхасту все, что имела.

Дорген кивнул.

--- Как и вы, Толин. Вы отгали намного больше. Я хочу отплатить Гварди. И только не говорите, что вам не пригодится хороший медик.

--- Что вы, Кёрт.

Она грустно улыбнулась.

--- Думаю, теперь ты вполне можешь звать меня Анной.

--- Большая честь приветствовать вас на борту, сэр, --- обратился фолик к Гаунту. --- Народный Герой и все такое.

--- Вы уверены, что не путаете меня с кем-то?

--- Не думаю. Вы же комиссар Гаунт, так ведь?

Гаунт кивнул. Он оглянулся через Хасс на безжизненные руины улья Вервун. Они все еще догорали в слабом утреннем свете.

Он достал погнутые лепестки
металлического цветка, которые Дорген
извлек из его груди, и высыпал их в воду.

notes

На растерзание зверям (лат.). ---
Прим. переводчика.

Так всегда бывает с тиранами
(лат). -- Прим. переводчика.